

ТОЛКИН

ПРО ДИХАЮЩИХСЯ

ДЖОРДЖ
МАКДОНАЛЬД

ДЭВИД
ЛИНДСЕЙ

ЛИЛИТ
ПУТЕШЕСТВИЕ К АРКТУРУ

Джордж МакДональд

Лилит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158096

Оригинал: George MacDonald, "Lilith"

Перевод:

Е. А. Кузнецова

Аннотация

Мистер Уэйн (главный герой) переступает грань между мирами (не выходя из собственного дома) и встречается ни много ни мало с Адамом, Евой и Лилит – их ужасной дочерью, о которой говорится в Талмуде, но не упоминается в Библии.

Лилит – прекрасный оборотень, очаровательная кровопийца, суккуб, с удовольствием творящий зло и не желающий от него отречься.

Смерть – это сладкий сон, в котором можно наконец отдохнуть, но, если душа ещё не готова, она не сможет заснуть, и это мучительно.

Самое лучшее, что есть в потустороннем мире – это дети: ласковые, смелые, любящие и не желающие взрослеть.

Смысл путешествия мистера Уэйна не сразу становится ясен ему, но понятно главное: такое странствие не может не изменить человека и его мир.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	81
Глава 11	89
Глава 12	97
Глава 13	103
Глава 14	118
Глава 15	126
Глава 16	141
Глава 17	154
Глава 18	166
Глава 19	180
Глава 20	189
Глава 21	196
Глава 22	202
Глава 23	209

Глава 24	214
Глава 25	220
Глава 26	233
Глава 27	240
Глава 28	246
Глава 29	252
Глава 30	265
Глава 31	273
Глава 32	282
Глава 33	291
Глава 34	304
Глава 25	314
Глава 36	322
Глава 37	330
Глава 38	335
Глава 39	349
Глава 40	368
Глава 41	389
Глава 42	396
Глава 43	406
Глава 44	420
Глава 45	429
Глава 46	436
Глава 47	442

Джордж МакДональд

Лилит

Глава 1

БИБЛИОТЕКА

Я только что закончил свои занятия в Оксфорде и взял небольшой отпуск перед тем, как окончательно принять на себя управление поместьем. Мой отец умер давно, когда я был еще ребенком; чуть погодя (не прошло и года) моя мать последовала за ним.

Я был так одинок в этом мире, насколько вообще человек моего возраста может себе это позволить.

Когда-то я изучал историю моих предков. Единственное, чем они были примечательны, так это тем, пожалуй, что подавляющее их большинство питало слабость к образованию.

Я настолько унаследовал эту страсть, что большую часть своего времени (признаться, после некоторых колебаний) решил посвятить естественным наукам.

Удивления достойно то, к чему меня это привело.

Я стал постоянно наблюдать и уже мог предвидеть странные совпадения не только между отдельными явлениями одного порядка в разных науках (или событиями материаль-

ного и невещественного мира), но также между научными гипотезами и проблесками озарений из тех метафизических грез, частым гостем которых я был. Но, в то же время, я часто раньше времени позволял своей импульсивной натуре превращать гипотезу в теорию... Думаю, у меня не будет больше возможности рассказать об особенностях моего сознания.

Дом (как, впрочем, и моя семья) был покрыт некоторым налетом древности, но все это нет нужды описывать, чтобы вы правильно поняли мой рассказ.

В доме была прекрасная библиотека, которая пополнялась с тех давних пор, когда книгопечатание еще не было изобретено (до моего времени), и менялась в зависимости от смены вкусов и стремлений. Воистину, ничто так не убеждает человека в тленной и недолговечной природе вещей, как наследование древнего имущества! Превращения, как движущаяся панорама, проходили перед чьими-то глазами когда-то, а теперь медленно порхают и передо мной.

Несмотря на то, что с библиотекой считались при каждой переделке внутри дома и пристройках к нему, она узурпировала одну комнату за другой, пока не заполнила собой большую часть первого этажа. Главная (большая) комната библиотеки была заполнена книгами под потолок; комнаты (разных размеров и форм), в которые она плавно перетекала, общались между собой различными способами: дверями, арками, коридорами, ступеньками, ведущими вверх и вниз.

Свое время я в основном проводил в главной комнате, чи-

тая научные труды, старинные, равно как и новые, об истории отношений человеческих мнений и мнимых знаний. Эта тема интересовала меня больше прочих. Птолемей, Данте, Бэконы (оба) и Бойль для меня значили больше, чем Дарвин и Максвелл. Так хорошо забытое новое расточается во тьме невежества.

Вечером одного мрачного августовского дня я сидел на своем обычном месте спиной к одному из окон и читал. Весь день лил дождь, но перед самым заходом облака расступились и луч солнца проник в комнату.

Я встал и посмотрел в окно. В центре большой лужайки расходящееся веером оперение фонтана было наполнено, красным сиянием. Я отвернулся, чтобы сесть и продолжить чтение, но вдруг краем глаза уловил тот же красный отблеск на картине, находившейся в комнате. Это был портрет, висящий среди книжных полок в чем-то вроде ниши или небольшой раки.

Я был с ним знаком, как с одним из подобий одного моего предка, но до сих пор меня никогда не удивляло его одиночество. Почему он висит здесь, а не в одной из больших комнат или в галерее, среди других семейных портретов?

Направленный солнечный свет странно отразился от картины, и вдруг мне показалось, что я что-то вижу, и вдруг это что-то как будто ответило мне.

И это «что-то» (я не могу объяснить, что именно) заставило мои глаза, ослепленные отраженным светом, перевести

взгляд в другой конец комнаты, где я увидел (или мне показалось, что увидел?) высокую фигуру, тянущуюся за чем-то на книжной полке. В следующее мгновение мое зрение, очевидно, отдохнуло в относительной темноте, и я больше никого не видел, в связи с чем сделал вывод, что мои глазные нервы были чем-то временно парализованы.

Я продолжил чтение и, вероятно, вскоре забыл бы это мимолетное, незначительное событие, сочтя его не имевшим место быть, если бы несколькими мгновениями позже, когда мне понадобилась еще одна книга для справки, я не обнаружил брешь в том ряду книг, где она должна была находиться. Я тут же вспомнил, что именно здесь я видел (или мне почудилось, что видел) старика, ищущего книгу. Я обыскал все вокруг, но труд был напрасен.

Однако на следующее утро книга вернулась на то самое место, где я рассчитывал ее найти! Я точно знал, что никто в доме не мог бы заинтересоваться такого рода литературой.

Тремя днями позже произошел другой подобный случай.

В одной из стен находилась низкая и узкая дверца кабинета, в котором хранились некоторые из самых редких и старых книг. Дверь была очень толстой и, благодаря выдумке одного из моих предков, представляла собой раму, несущую на себе неглубокие полки, заполненные только корешками книг. Невинный этот трюк можно было извинить тем, что названия книг на поддельных корешках тоже были веселой подделкой, или же это были части книг, не поддающихся рестав-

рации. Мне страшно нравилась эта замаскированная дверца.

Вероятно, для полноты впечатления некий находчивый мастер втиснул поверх одного из рядов часть тома, тонкого настолько, чтобы он мог поместиться между этим рядом книг и верхней над ним полки. Он вырезал по диагонали большую часть тома и закрепил остаток так, что он выступал над фальшивыми корешками. Хлипкую кожу переплета изувеченной книги можно было отогнуть, чтобы убедиться, что книга была рукописью на пергаменте.

Я читал и, случайно оторвав взгляд от страницы, заметил, что вышеописанная книга (если это можно было назвать книгой) исчезла. Неизвестно на кого разозлившись, я позвонил, и явился дворецкий.

Я спросил его, не знает ли он, что могло случиться с этой книгой. Он побледнел и заверил меня, что понятия не имеет. Мне было не просто поверить его заверениям (во всяком случае, поверить больше, чем собственным глазам), но он служил нашему дому всю жизнь, и не было на свете слуги преданнее. Однако мне показалось, что он мог бы что-то добавить к сказанному.

В полдень я снова читал в библиотеке и, добравшись до места, которое требовало размышлений, отложил книгу и отпустил свой взгляд побродить. И тут же мне в глаза бросилась спина тощего старика в лоснящемся от долгой носки длинном и темном френче. Джентльмен проходил сквозь дверь вовнутрь замаскированного кабинета.

Я стрелой метнулся через комнату к двери, которая оказалась закрытой, распахнул ее, заглянул внутрь кабинета, из которого не было другого выхода и, никого там не обнаружив, не без тревоги заключил, что моя прежняя галлюцинация повторилась. Я вернулся к своей книге и продолжил чтение.

Естественно, я не мог не чувствовать себя слегка неудобно и чуть погодя оглядел комнату, чтобы убедиться в том, что я действительно здесь один. Я начал осмотр с собственных ног и закончил его там, у потайной дверцы, где на установленном месте красовался увечный томик! Я энергично за него ухватился и потащил на себя, но он был прочно закреплен.. Как обычно!

Я был слегка сбит с толку.

Я позвонил, явился дворецкий, я рассказал ему то, что видел, а он поделился со мной тем, что знал сам.

Он надеялся, что о старом джентльмене стали забывать, и хорошо, что никто, кроме меня, его не видел. Дворецкий много слышал о нем, когда начинал служить в доме, но позже (когда слуга уже приобрел некоторое положение) о нем говорить перестали, и он сам очень старался не поминать его лишней раз.

«Здесь бывал старый джентльмен, не так ли?» – сказал я.

Он ответил, что одно время все в это верили, но поскольку сам я никогда ничего об этом не слышал, позволяет заключить, что тема исчерпана и предмет забыт.

Я спросил, часто ли он встречался со старым джентльменом.

Слуга ответил, что никогда его не видел, несмотря на то, что служил в доме с тех пор, как моему отцу исполнилось восемь лет. Мой дед ничего не хотел об этом слышать, он объявил, что тот, кто хотя бы заикнется об этом, будет уволен без предупреждения; он заявлял, что вся эта болтовня – только предлог для служанок для того, чтобы сбежать к приятелю!.. Ведь старый сэра Ральфа не верил ни во что, что он не мог бы увидеть или потрогать руками. Никто из горничных никогда и не говорил о том, что они видели привидение, но ливрейный лакей оставил службу как раз из-за него.

Одна древняя старуха из деревни рассказала ему как-то легенду о мистере Рэйвене, который долгое время служил «этому сэру Апводу, чей портрет висит там, среди книг...».

«Сэр Апвод был большой читатель, – говорила она, – и не только те книги читал он, которые полезны человеку, но также странные, запретные и злые книги; а к этому его подстрекал мистер Рэйвен, который, верно, был сам дьявол во плоти. Внезапно оба они исчезли, и о сэре Апводе никто больше не слышал, но мистер Рэйвен продолжал время от времени появляться в библиотеке.»

Были некоторые, кто верил в то, что он и не умер вовсе, но они оба (дворецкий и старая женщина) считали, что легче поверить в то, что умерший человек может иногда посещать оставленный им мир, нежели в то, что некто, живущий вот

уже сотни лет, может вообще быть человеком.

Слуга никогда не слышал, чтобы мистер Рэйвен когда-либо вмешивался в домашние дела, но, видимо, он решил сохранить за собой привилегию заботиться о книгах. Откуда старая женщина столько могла узнать о нем, дворецкий сказать не мог, но ее описание точно соответствовало тому, что я сам недавно видел. «Я надеюсь, это был лишь визит вежливости со стороны старого джентльмена», – заключил дворецкий с вымученной улыбкой.

Я ответил, что у меня нет возражений. Пусть себе старый джентльмен является сколько угодно раз, но было бы неплохо, чтобы он, дворецкий, сохранил в силе свое решение не говорить ничего об этих визитах слугам. Затем я спросил его, видел ли он когда-нибудь покалеченный том не на месте. Он ответил мне, что нет, никогда не видел и всегда считал его неотъемлемой частью двери в кабинет. С чем он и подошел к этой книге и дернул ее. Та казалась несдвигаемой.

Глава 2

ЗЕРКАЛО

Несколько дней ничего особенного не происходило.

Кажется, прошло что-то около недели, когда случилось то, о чем я собираюсь рассказать.

Я часто думал о том куске манускрипта и неоднократно пытался изыскать какой-либо способ вытащить его, но тщетно: я так и не смог найти то, что так прочно его держало.

Но я решил как-нибудь провести полный осмотр всех книг кабинета; его атмосфера внушала мне опасения за их сохранность. И в один прекрасный день это намерение внезапно превратилось в твердое решение и я уже было поднялся со стула, дабы претворить его в жизнь, когда увидел, как старый библиотекарь идет от двери кабинета в дальний угол комнаты.

Скорее, пожалуй, следовало бы сказать, что я уловил нечто призрачно похожее на тощего, сутулого человека в поношенном френче, ниспадающем почти до пят, слегка разлетающиеся от ходьбы фалды которого открывали тонкие ноги в черных чулках и большие ступни в широких, похожих на домашние тапочки туфлях.

Я тут же последовал за ним. Возможно, я преследовал тень, и так не бывает, но я не сомневался, что что-то я точно

преследую.

Он покинул библиотеку, пересек зал до подножия огромной лестницы, поднялся на второй этаж, в парадные комнаты. Я шел за ним по пятам через эти комнаты, и вскоре мы оказались в широком коридоре, у подножия более узкой лестницы, ведущей на третий этаж, и по ней он поднялся тоже. А когда я достиг верхушки этой лестницы, то (хотя это может показаться странным) оказался в той части дома, которая почти не была мне знакома.

У меня никогда не было брата или сестры, чтобы затеять с ними возню (так дети узнают все щели и закоулки собственного дома); я был еще совсем маленьким, когда мой опекун забрал меня отсюда. И я не возвращался до тех пор, пока около месяца назад не получил этот дом в собственность.

Коридоры, один за другим, привели нас к основанию винтовой деревянной лестницы, и мы стали подниматься по ней. Каждая ступенька отзывалась моим шагам скрипом, но шаги моего провожатого были бесшумны. Где-то на середине лестницы я потерял его из виду, и, когда я поднялся наверх, нигде не было видно этого будто сотканного из тумана призрака.

Я оказался на большом чердаке, где над моей головой нависали громадные балки и стропила, вокруг меня – простор, двери тут и там, уходящие вдаль перспективы, чей мрак был разрежен несколькими затянутыми паутиной потайными окнами и небольшими тусклыми световыми люками. Я взгляды-

вался в огромные пространства чердака со смешанным чувством благоговейного страха и удовольствия – они ведь были моими собственными и еще не исследованными.

Посреди чердака была загородка из некрашенных нетесаных досок, дверь в нее была приоткрыта.

Я подумал, что м-р Рэйвен, вероятно, там; толкнул дверь и вошел.

Маленькая комната была залита светом. Такой свет бывает в покинутых местах, он уныл и печален и (так как проку от него было здесь немного), словно был полон сожаления о собственном появлении здесь.

Несколько тусклых утренних лучей, проложивших себе дорогу сквозь поднявшееся облако пыли, падали на длинное пыльное зеркало, старинное и слишком узкое – оно выглядело, как обычное прозрачное стекло. Оно было вставлено в раму из черного дерева, увенчанную черным орлом с распростертыми крыльями. Орел держал в клюве золотую цепочку с черным шаром на конце.

Я хотел осмотреться, нет ли еще здесь чего-нибудь, кроме зеркала, когда вдруг осознал, что оно не отражает ни комнату, ни собственно меня. Мне показалось, что я вижу перед собой растаявшую стену, но сие превосходило всякое вероятие – мог ли я ошибаться, решив, что передо мной стекло, закрывающее прекрасную картину?

Передо мной открылась дикая, вересковая страна. Пустынные невысокие холмы (правда, иногда странного вида)

занимали средний план, у линии горизонта простирались вершины далеких гор, выстроившихся в ряд; на переднем плане была вересковая пустошь, плоская и унылая.

Я близорук, поэтому я подошел поближе, чтобы лучше рассмотреть поверхность камня, лежащего у самой рамы картины, и вдруг передо мной торжественно прошествовал большой и древний ворон, иссиня-черный цвет перьев которого тут и там смягчался серым.

Похоже, он искал червей.

Ничуть почему-то не удивившись появлению живого существа в картине, я сделал еще один шаг вперед, чтобы лучше его рассмотреть, споткнулся обо что-то (может быть, о раму зеркала) и оказался нос к носу с птицей.

Я был на открытом воздухе и вокруг меня была безлюдная вересковая пустошь.

Глава 3

ВОРОН

Я обернулся и посмотрел назад – там все было расплывчатым и изменчивым: так бывает трудно отличить облако от горного склона и туман от поля, над которым он висит. Ясно было одно – ничего подобного я никогда не видел. Мое воображение увлекло меня в мир иллюзий и мне надо было до чего-нибудь дотронуться, чтобы развеять наваждение. Я вытянул руки и пошел в этом направлении, ощупывая пространство вокруг себя. Если бы мне повезло, то там, где я не мог ничего разглядеть, я, возможно, смог бы что-нибудь нащупать. Но искал я напрасно.

И тогда я инстинктивно повернулся к ворону, как к единственному живому существу, находящемуся поблизости. Ворон стоял неподалеку, глядя на меня с выражением одновременно почтительным и насмешливым. Внезапно до меня дошло, насколько абсурдно искать поддержки у подобного существа, и я, ужаснувшись, снова затравленно и смущенно огляделся по сторонам.

Не попал ли я, часом, в страну, в которой материальные связи и физические законы нашего мира являются недействительными? Может ли человек одновременно стремиться в царство порядка и быть игрушкой беззакония? Все же

я видел ворона, чувствовал под ногами землю, слышал шум ветра в траве.

– Как я сюда попал? – спросил я, видимо, слишком громко, так как тут же получил ответ на этот вопрос.

– Вы прошли сквозь дверь. – ответил странный и довольно грубый голос.

Я оглянулся назад, затем посмотрел вокруг, но рядом не обнаружилось ни единого человеческого существа. Я пришел в ужас оттого, что, похоже, безумие занесло надо мной свою костлявую руку... Смогу ли я впредь доверять своему сознанию и своим чувствам? И в тот же миг я понял, что это ворон говорил со мной, так как он с выжидающим видом стоял рядом и смотрел на меня снизу вверх. Несмотря на то, что солнце не светило, птица отбрасывала тень, которая казалась частью ее самой.

Я умоляю моего читателя отнестись с пониманием к моей попытке быть вразумительным, если в данном случае понимание между нами действительно возможно. Я находился в мире (или назовем это «состоянием вещей», «структурой условий» или «идеей существования»), так мало согласном с обычаями и образом жизни нашего мира (который мы привыкли считать единственным), что лучшим способом описать или объяснить его будет беглый набросок того, что мне удалось пережить.

Я, правда, начинаю опасаться, что взялся за непосильный труд, пытаясь рассказать о том, что заведомо не могу объ-

яснить, потому что никогда мне не подобрать слов, соответствующих образам в моей голове.

Я наговорил уже много такого, от чего бы с радостью отказался, если бы знал, как найти более точную замену своим высказываниям. Но как только я пытался описать реальность подходящими сочетаниями слов, я оказывался в странном положении: вещи, о которых я говорил, теряли очертания, а я чувствовал себя так, как чувствует себя только что проснувшийся человек, когда хорошо знакомые предметы его привычного обихода меняются до неузнаваемости.

Я подумал, что птица, которая может обратиться к человеку на его собственном языке, имеет право как минимум на вежливый ответ.

Привычка каркать придавала некоторую резкость его голосу, но он, этот голос, не казался неприятным. А то, что он сказал, все же проливало некоторый свет на происходящее со мной. И потом, он не был груб... Я возразил:

– Ни через какую дверь я не проходил.

– Я видел, как вы прошли сквозь нее! – решительно, но вежливо заявил ворон. – Я видел это своими собственными старыми глазами!

Я упорствовал:

– Сроду не видел никаких дверей!

Он ответил:

– Конечно же, не видели! Все двери, с которыми вы были знакомы до сих пор, вели внутрь, а вот теперь вам попалась

одна, которая ведет наружу! Должно быть, вам это странно, – задумчиво продолжал он, – что большинство дверей приводило вас внутрь!

– Вы меня очень обяжете, если скажете мне, где я нахожусь.

– Это невозможно! Вы же ничего не знаете о пространстве и местах, которые в нем есть. Есть, пожалуй, единственный способ несколько приблизиться к понимаю того, где вы, – начинайте чувствовать себя здесь как дома.

– Но как начать?.. Вокруг все так странно!

– Займитесь чем-нибудь.

– Чем?

– Чем хотите. Скоро вам станет лучше. Видите ли, до тех пор, пока вы не у себя дома, вам будет казаться, что отсюда очень трудно выйти, хотя все, что действительно надо сделать, – это просто взять и войти.

– Мне показалось досадным то, что сюда слишком просто попасть! В другой раз я и пробовать не стану!

– Вы ошиблись, попав сюда, вполне возможно, что вы когда-нибудь ошибетесь еще раз, и выйдете отсюда. Пока же вам выпало несчастье понаблюдать.

– Вы никогда отсюда не выходите, сэр?

– Иногда мне бывает угодно. Но ненадолго и недалеко.

Ваш мир незрелый, одновременно детски наивный и чересчур самодовольный; видите ли, он не слишком подходящее место для старого ворона, а это я – к вашим услугам!

– Выходит, я ошибался, считая человека существом высшим по отношению к птице?

– Очень может быть. Мы не тратим сил нашего ума на то, чтобы определить главенство; мы принимаем человека и птицу такими, какие они есть... Знаете, по-моему, теперь моя очередь задать вам вопрос!

– Вы имеете полное право. У вас наилучшее из прав, – ответил я, – оно определяется тем, что вы можете это сделать.

– Прекрасно! – прервал он меня. – А теперь скажите мне, кто вы такой; конечно, если вам случайно это известно.

– Как это может быть мне неизвестно? Я – это я, такие вещи нужно знать!

– Если вы знаете, что являетесь собой, то вы должны быть уверены, что вы не есть кто-то другой! Но точно ли вы – это вы? Вы ручаетесь, что вы не свой собственный отец? О! Прошу прощения!.. Или дурак при собственной персоне? Молю, ответьте, кто вы?

В конце концов я начал понимать, что мне вряд ли удастся дать ему вразумительный ответ о том, «кто есть я собственно». А в самом деле – кто я? Ведь это и впрямь не ответ на вопрос, мало ли кто может быть – «я»!

И тут я понял, что был с собой совсем незнаком, не знал, кем я был раньше; и у меня даже нет точки опоры для того, чтобы определиться, что я – не кто-то иной. Что касается того имени, которое было у меня в собственном мире, так я его забыл! Более того, не собирался тратить время на то,

чтобы его вспомнить, так как оно все равно ничего не значило, а то, что оно могло бы значить, не имело для этого мира никакого значения. К тому же я почти забыл, что там у каждого была привычка носить имя! Поэтому я промолчал, и это было мудро, ибо что же я мог сказать такому существу, как этот ворон, которое видело сквозь случайное, внешнее сущность предмета?

– Посмотри на меня, – сказал он, – и скажи мне, кто я такой.

Пока он говорил, он повернулся ко мне спиной, и я тут же его узнал. Конечно же, это не ворон, а человек выше среднего роста, сутулый и очень тощий, одетый в черный длинный фрак. Снова он повернулся, и я увидел, что он – ворон.

– Я видел вас раньше, сэр, – сказал я, чувствуя себя не столько удивленным, сколько одураченным.

– Как вы можете это утверждать, если вы видите меня со спины? – возразил он. – Вы себя когда-нибудь со спины видели? Да вы себя вообще никогда не видели! А теперь отвечайте: – кто я?

– Простите, – ответил я. – Я полагаю, некоторое время вы служили библиотекарем в нашем доме, но кто вы еще, я не знаю.

– Почему вы извиняетесь?

– Потому что я принял вас за ворона, – сказал я (а он был передо мной – как раз вороном, который мог выглядеть как птица и как человек).

– Вы вовсе меня не обидели. – ответил он. – Называя меня вороном, вы позволяете мне быть тем, что удовлетворило бы самые высокие запросы моих друзей. В связи с этим я преподам вам урок: никто не может утверждать, что он есть кто-то до тех пор, пока он не будет уверен в том, что он вообще есть, и не будет знать, кто именно есть. Действительно, никто не может быть самим собой так же, как не может быть чем-то пустое место. Это значит больше, чем вы сейчас можете разглядеть, но не больше того, что вам необходимо знать. Я боюсь, вы оказались здесь слишком рано, но не упустите случай сделать это место своим домом, ибо дом (можете вы это осознать или нет) – это единственное место, в которое вы можете только войти, и из которого вы можете только выйти. Есть места, в которые вы можете войти, есть места, из которых вы можете выйти, но единственное место (если вам посчастливится его найти), откуда вы можете выйти и наоборот, – это дом.

Он отвернулся, чтобы уйти, и снова я увидел перед собой библиотекаря.

Он появился не для того, чтобы снова превратиться, но чтобы лишь подобрать свою тень. Понимаю, это звучит дико, но я ничего не могу с этим поделать.

Я смотрел ему вслед, пока он не исчез, но скрыло ли его расстояние, или он просто исчез среди вереска, я не знаю.

Я подумал: может быть, я уже умер и не знаю об этом? Может быть, я сейчас в том, что мы обычно называем по-

тусторонним миром? И мне придется скитаться, отыскивая свое место в нем? Как я смогу почувствовать себя здесь дома? Ворон сказал, что я должен здесь делать что-то... Что? И сделает ли это меня кем-то? Ведь сейчас я, увы, никто!

Я выбрал путь, по которому ушел мистер Рэйвен, и не спеша поплелся следом. Вскоре я увидел лес высоких тонких сосен и свернул туда. Лесной запах встретил меня на полдороге, и я поспешил скрыться в нем.

Я окунулся в его хмурый полумрак и заметил, как между двух стволов что-то блестит. Это нечто не имело цвета, но было больше всего похоже на то, как дрожит прозрачный горячий воздух, поднимаясь вверх над прожаренной солнцем землей в солнечный полдень, вибрируя, как натянутые струны музыкальных инструментов. Это нечто нельзя было разглядеть лучше по мере того, как я приближался, а когда я подошел вплотную, оно исчезло, только формы и цвет деревьев странно менялись вдали. Я собирался пройти между стволов, но ударился обо что-то, споткнулся и упал.

Когда я поднялся, я увидел перед собой деревянную стену чердачной комнаты. Я огляделся и – вот оно, зеркало, но черный орел казался только что усевшимся на свой насест. И ужас охватил меня.

Я побежал. За стенами комнатки у заброшенных пространств чердака был жуткий, сверхъестественный вид. Казалось, они долго ждали чего-то, и оно пришло, а теперь они снова ждут! Дрожь пробрала меня на ступенях продуваемой

сквозняком лестницы. Дом стал казаться мне странно большим. Что-то вознамерилось прыгнуть на меня сзади. Я ринулся вниз по спирали лестницы, ударился о стену и упал, снова поднялся, снова побежал. Ниже этажом я потерял дорожку и рыскал по нескольким коридорам, прежде чем нашел верхушку следующей лестницы. Наверху главной лестницы я немного пришел в себя и спустя несколько минут уже переводил дыхание в библиотеке.

Ничто и никогда больше не заставит меня подняться по этим ужасным ступеням! Чердак наверху будто нависал над всем домом!

Он довлел всему, грозя выжить меня отсюда. Обширный череп здания был полон таинственных существ, каждое из которых в любой момент могло появиться здесь, рядом со мной, в библиотеке. Нигде я не был в безопасности!

Я уеду! Я продам это страшное место, где невидимая дверь всегда открыта нелюдям другого мира. Я куплю себе скалу в Швейцарии и построю на ней одноэтажное деревянное гнездилище. И никаких чердаков! Этот мой дом будет укрыт каким-нибудь огромным старым горным пиком, под сень которого не спускается ничего более страшного, чем, скажем, несколько тонн горного обвала...

Я знал, что эти мысли – глупость, и больше ничего; я все время чувствовал в них несомненный оттенок нездоровой, издевательской шутки. Но внезапно все это прекратилось, и мне снова показалось, что я слышу вороний карк.

«Если я так плохо знаю даже свой чердак, – подумал я, – то что же сможет защитить меня от собственного рассудка? Могу ли я сказать, что именно в данный момент он производит? Что он преподнесет мне в следующий момент, месяц, год? Что есть средоточие моего рассудка? Что за моими мыслями? Тут ли я? Кто, что я?». Сейчас я не мог ответить на этот вопрос так же, как тогда, когда ворон задал его там... Где? В чем?..

Я сказал это и сдался – я действительно ничего не знаю ни о себе, ни о вселенной.

Я встал, спеша через комнату к потайной двери, куда изувеченная книга, застрявшая в ряду обезличенных, бестелесных, неживых книг, манила меня. Я опустился на колени и открыл ее настолько, насколько это было возможно, но ничего не увидел. Снова я встал, зажег свечу и, заглядывая внутрь, будто в разверстую пасть, установил, что в книге – стихи. Это открытие мне было трудно вынести. Начала строк можно было различить на левых страницах, и концы строк – на правых, но я не мог, конечно, сложить из всего этого целую строку. Также было невозможно, читая, получить какое-то представление о духе стиха.

Но эти простые слова разбудили во мне странные чувства; описать их невозможно.

Есть мечты, стихи, музыкальные фразы и картины, которые будят неведомые до того чувства, новые по цвету и форме, – открытия духа, как бы испытанные дотоле. Некоторые

фразы, полутона строк, даже сама индивидуальность некоторых слов задели меня так, словно тронули меня ароматом идеи, возбудили во мне острейший интерес к тому, в чем сила этих стихов: их многозначность, притягательность или внушение.

Я переписал несколько самых длинных различных отрывков и попытался добросовестно заполнить недостающие части строк, но без малейшего успеха. Единственное, чего я достиг этим, была такая усталость, что я отправился спать, заснул мгновенно и спал хорошо.

А утром все страхи пустых чердачных пространств оставили меня.

Глава 4

ГДЕ-ТО ИЛИ НИГДЕ?

Солнце было ярким, но я сомневался в том, что день надолго останется ясным, и заглянул в белый сапфир, который я носил, посмотреть, чиста ли звезда в нем. Она была определенно меньше, чем я ожидал. Я встал из-за стола, за которым завтракал, и подошел взглянуть на камень к окну. Ночью был ливень, и на лужайке дрозд разбивал домик улитки. Я вертел кольцо, стараясь поймать солнечный отблеск, и вдруг почувствовал пристальный острый взгляд из молочно-синей глубины камня. Он напугал меня так, что я уронил кольцо, а когда я его вновь поднял, взгляд исчез. В тот же миг солнце потемнело, серая дымка укрыла его, и в минуту-другую все небо покрылось облаками. Стало душно, внезапно налетел порыв ветра. Мгновение спустя полыхнула молния и раскатился удар грома, затем струями хлынул ливень.

Я открыл окно и смотрел на стремительно падающий дождь, когда заметил ворона, разгуливающего передо мной по траве важной поступью, с полным пренебрежением к потопу. Я догадывался, кто он такой, и поздравил себя с тем, что я в безопасности, на нижнем этаже. В то же время я был уверен в том, что, если я не буду осторожен, что-то может случиться.

Он подходил все ближе и ближе, потом вдруг отвесил глубокий поклон и внезапным стремительным прыжком оказался на подоконнике. Он перепрыгнул через него, спрыгнул в комнату и направился к двери. Я подумал, что он идет в библиотеку, и последовал дальше, но твердо решил не делать ни шагу за ним, если он вздумает подняться по лестнице. Он, однако, ни к библиотеке, ни к лестнице не повернул, а направился к маленькой двери, ведущей на лужайку между двух крыльев старого дома. Я поспешил открыть ему.

Он вышел на укрытое плющом крыльцо, остановился и смотрел на дождь, который падал сплошными тонкими струями, а я стоял за ним, у двери.

Долгий раскат дальнего грома последовал за второй вспышкой молнии. Ворон обернулся и посмотрел на меня, будто бы сказал: «Вы слышали это?», затем снова отвернулся и (видимо, с одобрением) продолжил созерцать погоду. И такой человеческой была его поза, его осанка, то, как он повернул голову, что я почти ненамеренно ответил:

– Прекрасная погода для червей, мистер Рэйвен!

– Да, – ответил он привычным мне уже весьма скрипучим голосом, – земля мягкая, им будет легко и входить и выходить из нее. Чудесное время сейчас, должно быть, в степях Урана! – добавил он, взглянув вверх. – Я полагаю, там тоже идет дождь, во всяком случае, всю прошлую неделю он там шел!

– И из-за этого там так чудесно? Почему? – спросил я.

– Оттого что все животные там живут в норах. – ответил он, – как здешние полевые мыши или кроты. Они станут, когда их срок придет.

– Не будет ли дерзостью с моей стороны спросить, а вам-то это откуда это известно? – усомнился я.

– Если бы там был кто-то, кто мог бы видеть! – ответил он, – это великое зрелище (пока не привыкнешь), когда земля вздымается и из нее выходит зверь. Вам может показаться, что это волосатый слон, но ни одно из здешних животных на него не похоже. Я чуть было не испугался, когда впервые увидел, как Змей Сухого Болота вываливается наружу – какая голова! Какая грива! А что за глаза!.. Но смотрите, дождь скоро иссякнет. Он кончится вслед за следующим раскатом грома. А! Вот и он!

Вспышка молнии пришлась на эти слова, а через полминуты грянул гром. Дождь кончился.

– А теперь мы должны идти! – сказал ворон и почти спустился с крыльца.

– Куда это идти? – спросил я.

– Туда, куда мы придем! – ответил он, – Вы же не уверены, что вы уже пришли домой? Я же говорил, что вы не можете войти или выйти как вам заблагорассудится до тех пор, пока вы не у себя дома!

– Я не хочу идти! – сказал я.

– А это не играет роли, по крайней мере, большой, – ответил он. – Вот наш путь!

– Меня вполне удовлетворяет мое местонахождение.

– Это вам так кажется, но это не так. Идем же!

Он спрыгнул с крыльца и повернулся ко мне, ожидая.

– Я не выйду сегодня из дома! – упрямылся я.

– Вы пойдете в сад! – возразил он.

– Так далеко я не пойду. – ответил я и спустился с крыльца.

Солнце пробилось сквозь тучи, и капли дождя сверкали и переливались на траве. По ним шел ворон.

– Вы промочите ноги! – воскликнул я.

– И запачкаю клюв! – ответил он, немедленно вслед за тем погрузив его глубоко в землю и вытащив оттуда огромного извивающегося красного червя. Он закинул голову и подбросил червя в воздух. Тот расправил огромные крылья, переливающиеся красным и черным, и воспарил ввысь.

– Э! Эй! – воскликнул я, – Вы ошибаетесь, мистер Рэйвен!

Черви – это не личинки бабочек!

– Это не важно, – каркнул он, – однажды будет так. Сегодня я не человек, который читает, сегодня я могильщик на... некоторым образом, кладбище... точнее... в... на... неважно где!

– Я понимаю! Вы не можете отложить свою лопату, поэтому, когда вам некого хоронить, вы должны что-то выкопать! Но вы должны отдавать себе отчет в том, что это, прежде чем оно полетит. Никому не позволено забывать, откуда и когда оно произошло!

– Это почему? – спросил ворон.

– Потому что тогда оно возгордится и перестанет уважать вышестоящих!

Ни одному человеку не дано заметить, когда в нем просыпается идиот.

– Откуда произошли черви? – спросил ворон так, будто в нем проснулось любопытство.

– Да ведь из земли, как вы изволили заметить! – ответил я.

– Да, в конце концов – из земли! – возразил он. – Но вначале они не могли из нее выйти, так же как вот этот (ворон посмотрел вверх) уже никогда в нее не вернется!

Я тоже посмотрел вверх, но не увидел там ничего, кроме маленького темного облачка, края которого были красны, будто от закатного солнца.

– Да ведь солнце не заходит! – воскликнул я, пораженный до глубины души.

– О, нет! – возразил ворон, – этот красный свет – от червя.

– Видите, что творится, когда создание забывает о своем происхождении! – запальчиво воскликнул я.

– Конечно, это к лучшему, если оно из-за этого поднимется выше и вырастет больше! – возразил он. – Хотя я, конечно, только помогаю им это обнаружить.

– Вы хотите наполнить воздух червями?

– Труд могильщика заключается именно в этом. Если только остальное духовенство это толком осознает.

Он снова погрузил свой клюв в мягкий торф, вытащил из-

вивающегося червя, подбросил его в воздух – и червь улетел.

Я оглянулся назад и испустил вопль ужаса: я был сейчас уверен, что не выходил из своего дома, и тем не менее я был гостем в чужой стране!

– Кто дал вам право так обращаться со мной, мистер Рэйвен? – заявил я, чувствуя себя глубоко оскорбленным. – Я, в конце концов, свободная личность, или нет?

– Человек настолько свободен, насколько он может себе это позволить, атом не бывает более свободен! – ответил ворон.

– Вы не можете заставлять меня делать что-то против моей воли!

– Если бы у вас была воля, вы бы обнаружили, что никто и не может!

– Вы оскорбляете самую сущность моей индивидуальности! – упорствовал я.

Повсюду вокруг меня был сосновый лес, и я все время вглядывался в его глубины в надежде отыскать то непонятное мерцание и таким образом найти дорогу к своему дому. Но увы мне! Как я могу дальше называть это здание домом, если каждое окно, каждая дверь его открывается в... из... Я не могу даже садик держать внутри! Полагаю, я выглядел расстроенным.

– Может быть, вас утешит, – сказал ворон, – если я скажу, что вы еще не оставили свой дом, да и он вас не покинул. В то же время он вас уже не вмещает, или вы не можете в нем

больше жить!

– Я не понимаю вас. Где я?

– Вы в пространстве семи измерений, – ответил он со странным смешком в гортани, чудно тряся хвостом. – Вы лучше шли бы за мной остороженько, пока кого-нибудь не обидели.

– Кроме вас здесь нет никого, кого я бы мог обидеть, мистер Рэйвен! Я полагаю, скорее я могу обидеть вас!

– Это потому, что вы не видите опасных мест! Но вы ведь видите вон то большое дерево слева от вас в тридцати ярдах?

– Ясное дело, вижу! С чего бы мне его не видеть? – раздраженно ответил я.

– Десять минут назад вы его не замечали, а теперь вы не знаете, где оно находится!

– Я знаю.

– Ну и как вы думаете, где оно там?

– Почему это там? Сами ведь знаете где!

– А где это «там»?

– Что вы меня донимаете глупыми вопросами! – закричал я. – Я уже устал от вас!

– Это дерево стоит как раз в очаге на вашей кухне и прорастает почти точно сквозь его трубу, – сказал он.

– Теперь я знаю, что вы шутите надо мной! – ответил я с презрительным смешком.

– А я шутил над вами, когда вы обнаружили меня вчера, высмотрев меня в своем сапфире?

– Это было сегодня утром, и ни часом раньше!

– Я думал, ваш кругозор шире, мистер Уэйн, но не принимайте это слишком близко к сердцу.

– Это значит, вы пытаетесь сделать из меня дурака? – сказал я, отвернувшись от него.

– Извините! Кроме вас с этим никто не справится!

– А я отказываюсь это делать!

– Вы ошибаетесь.

– Как?

– Отказывая себе в самопознании. Вы пытаетесь это сделать не по истине, и тем жестоко себя наказываете.

– Простите, еще раз?

– Веря в то, чего нет.

– То есть, выходит, если я зайду за это дерево, я пройду сквозь кухонный очаг?

– Конечно! Правда, сначала вам придется пройти сквозь леди за фортепиано в столовой. Этот розовый куст – рядом с ней. Вы бы здорово ее напугали!

– В доме нет леди!

– Конечно! Разве ваша экономка не леди? Ее считают таковой в некоей стране, где все – слуги, их ливреи разнообразны, но служат там – одному.

– Во всяком случае никоим образом фортепиано она использовать не может!

– Ее племянница может. Она там – хорошо образованная девушка и превосходная музыкантша.

– Простите меня, я не могу удержаться от мысли, что вы несете сущий вздор.

– Если бы вы только могли услышать эту музыку! Эти огромные длинные головки диких гиацинтов – внутри фортепиано, между его струнами, это придает особую свежесть его звучанию!.. Простите меня, я забыл, что вы не слышите!

– Две вещи не могут находиться в одном и том же месте в одно и то же время!

– Да ну? А я не знаю! – Мне вспоминается, что недавно как раз это и случилось, и, между прочим, как раз с вами. Это величайшая ошибка – одна из самых больших ошибок, которую совершает каждый из великих умников.

Человек вселенной никогда бы так не сказал – так говорят только люди вашего мира!

– Вы библиотекарь, а несете такую чушь! – воскликнул я. – Очевидно, вы прочитали не слишком много книг из тех, что находились под вашей опекой!

– О, да! Было время, и я обшарил всю вашу библиотеку и, закончив, не стал умнее! Тогда я был книжным червем и когда понял это, то в страхе очнулся. Чтобы получить уверенность в том, что я брошу читать на добрые несколько лет, меня сделали могильщиком. И тогда!.. Я учуял свадебный марш Грига в дрожании этих вот розовых лепестков!

Я подошел к розовым кустам и добросовестно прислушался, но не услышал даже слабой тени звука, лишь учуял что-то такое, чем никогда не пахла ни одна до сих пор знакомая

мне роза. Это был обычный запах роз, но все-таки с небольшим привкусом (я полагаю) свадебного марша Грига.

Когда я поднял глаза, птица была рядом со мной.

– Мистер Рэйвен! – сказал я – Простите меня за мою грубость: я был раздражен. Не будете ли вы столь добры, не покажете ли мне дорогу домой? Я должен идти, так как у меня назначена встреча с моим управляющим. Не должно подрывать доверие своих слуг!

– Вам и не удастся подорвать вновь то, что уже пострадало много дней назад! – ответил он.

– Покажите мне дорогу... – взмолился я.

– Я не могу, – ответил он. – Чтобы вернуться назад, вам придется пройти через себя, а это не тот путь, который человек может показать человеку.

Мольба была напрасной. Я должен смириться со своей судьбой! Но как же я проживу в мире, все законы которого мне придется учить заново?.. Но какое же, однако, будет приключение! В этом есть некоторое утешение, ведь, найду я дорогу домой или нет, у меня будет редчайший шанс познакомиться с двумя мирами!

До сих пор я ничего не делал для оправдания моего существования; мой предыдущий мир не был лучшим прибежищем, здесь же я мог бы заслужить или каким-нибудь образом найти себе пропитание. Но здравый смысл подсказывал мне, что раз уж в том, что я оказался здесь, нет моей вины, то я вправе ожидать, что обо мне позаботятся и здесь так

же, как и там. Я ничего не мог поделать с тем, что не могу вернуться в тот мир, который я оставил, а ведь в нем я был наследником большого имущества! Если этот мир, как я теперь понимаю, будет в претензии на меня за то, что я ем и еще могу есть, то моя претензия к этому миру будет состоять в том, что я должен есть – если он вообще будет иметь ко мне свои претензии.

– Не спешите, – сказал ворон, глядя на меня, – мы здесь живем не по расписанию. Но все же чем раньше начнешь делать то, что должно, тем лучше. Я возьму вас с собой – к моей жене.

– Благодарю вас. Идемте же! – ответил я, и он немедленно возглавил процессию.

Глава 5

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ

Я следовал за ним, и мы глубоко погрузились в сосновый лес. Никто из нас не вымолвил ни слова, пока нас окружал его торжественный полумрак. Мы шли через нее, к деревьям более старым, еще старее, и они имели более выраженную индивидуальность, а некоторые из них были абсурдно стары! А затем стволы стали более тонкими.

– Вы видите этот боярышник? – сказал мой провожатый, указывая клювом.

Я посмотрел туда, где лес таял у кромки вересковой пустоши.

– Я вижу сторбленного седого старика, большеголового и седого, – ответил я.

– Еще раз посмотрите, – возразил он. – Это боярышник.

– Да, несомненно, он похож на старый боярышник, но сейчас ведь не сезон, боярышник не цветет! – возразил я.

– Сезон цветения боярышника, – ответил он, – это время, когда он цветёт. Это дерево стоит на развалинах часовни на принадлежащей вам ферме. Вы собирались или нет отдать какие-то распоряжения вашему управляющему по поводу садика у часовни, в то утро с громом и молнией?

– Я собирался ему сказать, что собираюсь вернуть садик

розовым кустам, пусть растут там в свое удовольствие; и что плуг не должен приближаться к ним ближе, чем на три ярда.

– Слушайте! – сказал ворон, и мне показалось, что он за-
таил дыхание.

– Я прислушался и услышал... был ли это мелодичный
вздых далекого ветерка или дух музыки, который однажды
когда-то был счастлив? Или... А слышал ли я что-то?

– Они до сих пор сюда приходят, – сказал ворон.

– Кто приходит? И куда? – спросил я.

– Люди, которые привыкли молиться здесь, до сих пор
приходят к развалинам, – ответил он. – Но, я думаю, это не
очень надолго.

– Что заставляет их приходиться?

– Им нужна помощь друг от друга для того, чтобы доду-
мать свои мысли, и для того, чтобы их чувства очнулись;
поэтому они разговаривают и поют вместе, а затем (говорят
они) большая мысль выплывает из их сердец так, как огром-
ный корабль из устья реки на большую воду.

– И молятся они так же, как поют?

– Нет. Они обнаружили, что каждому легче молиться в
тишине собственного сердца – некоторые люди постоянно
живут в молитве. Смотрите! Смотрите же! Вот одна из них!

Он указал на что-то справа, в воздухе. Белоснежный го-
лубь поднимался вверх по невидимой спирали воздушной
лестницы, все быстрее и быстрее взмахивая крыльями. Дро-
жащие солнечные блики играли на его крыльях.

– Я вижу голубя! – сказал я.

– Конечно, вы видите голубя, – ответил мне ворон, – потому что это и есть голубь! А я вижу, как возносится молитва. Живительное сердце породило этого голубя! Кто-то проснется на моем кладбище!

– Как голубь может быть молитвой? – сказал я, – Я понимаю, конечно, что он мог бы быть подходящим символом или отражением чего-то, но омямлил я, – как я могу отличить ложь Молитва – это мысль, это духовная категория! – продолжал я.

– Совершенно верно! Но если бы вы понимали чей-то мир, кроме своего собственного, тот, собственный, вы бы понимали гораздо лучше! Сердце действительно живое тогда, когда оно может думать о вещах живых. Есть душа, все мысли которой сильны, создания счастливы, и все мечты – оживают.

Бывает, кто-то молится только затем, чтобы, подняв от земли свои тяжелые думы, вернуть их назад, вниз; некоторые возносят ввысь молитвы из живых образов, тех или иных, наиболее подходящих для каждой. Прежде всего было задумано все живое, и поэтому все, кто думает, может использовать эти образы. Когда кто-то говорит величайшему из мыслителей: «Вот, это одна из моих мыслей, я сейчас ее думаю!» – это молитва, слово, обращенное к большой душе одной из его маленьких душ...

...Смотрите! Вот еще одна!

В это время ворон опустил свой нос к чему-то у подножия гранитной плиты. Я посмотрел и увидел маленький цветок. Ничего подобного ему я никогда не видел и не могу передать чувство, которое он пробудил во мне своей доверчивой милостью, цветом и запахом, таким, будто бы это был новый мир, не успевший состариться. Могу только сказать, что он напоминал ветреницу, бледно-розовую и с золотой сердцевинкой.

– Это цветок-молитва, – сказал ворон.

– Никогда не видел прежде такого цветка! – возразил я.

– И никто не видел. Ни одна из молитв-цветков не похожа на остальные, – ответил он.

– А как вы узнали, что это – цветок-молитва? – спросил я.

– Он производит такое впечатление, – ответил он. – Больше мне нечего вам сказать. Если вы это знаете, то вы это знаете, а если нет – то уж нет!

– А вы не могли бы научить меня узнавать цветок-молитву, когда я его увижу? – сказал я.

– Не могу. Но если бы я мог... Разве было бы лучше для вас то, что вы бы узнали это не от себя и не от него? Что проку в том, что вы будете знать имя предмета, а о нем самом не будете иметь представления? Кто должен, если вы сами этого не сделаете, открыть вам глаза? Но конечно, это забота для всей вселенной – сделать из вас такого дурака, который (для примера) узнает все о себе и таким вот образом станет мудрее!

Но я все-таки видел, что этот цветок отличается от всех, что я видел до того, поэтому я знал, что я должен разглядеть в нем тень молитвы, и великий трепет объял меня, когда я подумал о той душе, которая внимает цветку.

Глава 6

ДОМ ЦЕРКОВНОГО СТОРОЖА

Некоторое время мы шли по каменистой вересковой пустоши, покрытой чахлой растительностью и мхом, и вот, где-то в неопишуемой дали я заметил маленький домик. Солнце еще не село, но было скрыто серым облаком. Пустошь выглядела так, – будто никогда на ней не было тепло, и ветер был необыкновенно холодным, будто бы дул откуда-то из царства вечной ночи.

– Ну, вот мы и пришли, наконец! – сказал ворон. – Какая долгая дорога! За половину этого времени я мог бы добраться до Рая и повидаться с моим двоюродным братом, это тот самый, вы, верно помните, который не вернулся к Нюю. Ах, дорогой мой! Ведь уже почти зима!..

– Зима! – воскликнул я. – Но, кажется, ведь прошло всего лишь полдня с тех пор, как мы покинули дом!

– Это все потому, что мы слишком быстро шли, – ответил ворон. – В вашем мире вы не можете пренебречь тем, что вы называете гравитацией, и дать миру свободно вращаться под вашими ногами. Вот, смотрите, это дом моей жены. Это так любезно с ее стороны, что она позволяет мне жить рядом с ней и называет это место домом церковного сторожа!

– Но где же ваш церковный двор, ваше кладбище... Я хочу

сказать, то место, где вы устраиваете ваши могилы? – сказал я, не обнаруживая вокруг себя ничего, кроме плоской вересковой пустоши.

Ворон вытянул шею и, держа свой клюв горизонтально, медленно и молча обвел им всю розу ветров.

Своим взглядом я последовал за его клювом и – чу! Все вокруг – без церкви и могил – было кладбищем! Везде, где мел землю угрюмый ветер, было кладбище ворона! Он был могильщиком всего, что имел, господином всей этой стороны! Я стоял посреди вселенского кладбища, беспредельной вересковой пустоши, стенами которого был серый горизонт, низкий и беззвездный. Позади остались весна и лето, и осень, и солнечный свет, и я вошел в зиму, которая поджидала меня здесь! В расцвете своей юности я был уже здесь! Но я ошибался. День может бесконечно продолжаться здесь, он включает в себя времена года. Зима спит здесь ночь напролет в своем ледяном саване; с детской улыбкой на лице Весна просыпается на рассвете, в полдень Лето разгорается своей вычурной красотой; вместе с медленно тянущимся днем старуха Осень ползет к закату и умирает с первым вздохом туманной призрачной ночи.

Мы подходили к дому все ближе, а солнце за облаками кратчайшей дорогой стремительно катилось к западу и село, когда мы были все еще в пути, в нескольких ярдах от двери. В этот же миг я почувствовал холод, показавшийся мне чуть ли не воплотившимся материально, и я перевалил через порог,

будто бы вырвавшись из лап ледяной смерти. Ветер свистел над пустошью и рвался в дверь с таким напором, что у меня едва хватило сил затворить ее за собой. И тогда вокруг стало спокойно, и я огляделся.

Свечи горели на столе, который стоял в середине комнаты, и первая вещь, которая бросилась мне в глаза, была крышка гроба, воздвигнутая (как мне подумалось) напротив стены, но вот она открылась, оказавшись дверью, и в нее вошла женщина. Она была в белом – будто свежевыпавший снег укутывал ее; и ее лицо было таким же белым, как ее платье, но не ледяным – оно казалось теплее. Ее черты показались мне совершенными, но ее глаза заставили меня забыть обо всем остальном. Вся ее жизнь, все существо было собрано и светило изнутри этих глаз. Приближающаяся смерть могла бы заставить так светиться лицо, но глаза... В них было столько жизни, что ее хватило бы на целый народ, – огромные, темные; и чем больше я в них вглядывался, тем глубже был их мрак. Целое ночное небо собралось в каждом из ее зрачков, все звезды были в их черноте и сверкали; будто линия горизонта, их окружали радужки, свитые из вековых сумерек. Откуда могли взяться такие глаза, Богу одному известно. Должно быть, от его собственных глаз произошли они! Спокойное лицо было первозданно совершенным, а живые глаза были просто венцом творения.

– Это мистер Уэйн, жена! – сказал ворон.

– Желанный гость! – отозвалась она низким, мягким и

добрым голосом. Казалось, в нем были скрыты звуки, подобные бессмертным сокровищам.

Я ослеп и онемел.

– Я знаю, ты рада его видеть! – добавил ворон. Она стояла перед дверью, в которую только что вошла, и не подходила ближе.

– Что с ним? Он спит? – спросила она.

– Я боюсь, что нет, – ответил он. – Он не устал и не очень обременен.

– Тогда зачем ты его привел?

– Может быть, я рано начал опасаться.

– Я не вполне вас понимаю, – сказал я, предчувствуя недоброе в том, что она могла иметь в виду, но со смутной надеждой сбежать. – Конечно, сперва человек должен привести свои дневные дела в порядок!

Я посмотрел в белое лицо женщины, и мое сердце затрепетало. Она молча вернула мне взгляд.

– Сначала отпустите меня домой, – заключил я, – и, когда я приду сюда... позже, я найду, сделаю, изобрету, наконец, открою что-нибудь!..

– Он так еще и не усвоил, что день начинается сном! – сказала женщина, обращаясь к своему мужу. – Скажи же ему, что он должен отдохнуть, прежде чем сможет что-либо сделать!

– Люди, – ответил он, – так много думают о том, что они сделали, что засыпают за этим занятием. Они не могут вы-

лупиться из яйца, они возвращаются в свою скорлупу и сворачиваются там клубком!

Эти слова заставили меня оторвать взгляд от женщины и я посмотрел на ворона.

Ворона не было – передо мной стоял библиотекарь – тот же стройный пожилой человек в поношенном черном фраке, мешковатом и со слишком длинными фалдами. До того я видел его только со спины, теперь же я впервые увидел его лицо. Оно было таким худым, что под его кожей проступали кости, наводя на мысль о том, что таким его сделало углубленное занятие его последней профессией. Но, по правде говоря, я никогда не видел еще такого живого лица, такого утонченного и дружелюбного взгляда бледно-голубых глаз, слегка затуманенных, будто он недавно много плакал.

– Вы же знали, что я не ворон! – сказал он, улыбнувшись.

– Я знал, что вы – мистер Рэйвен, – ответил я, – но почему-то мне думалось, что вы и птица тоже.

– Отчего же вы думали, что я – птица?

– Вы выглядели, как ворон, и я видел, как вы выкапывали червей из земли своим клювом.

– А потом?

– Подбрасывали их в воздух.

– А затем?

– Они превращались в бабочек и улетали куда-то...

– Вы когда-нибудь видели ворона, который вытворял нечто подобное? Я же говорил вам, что я – могильщик!

– А могильщики подбрасывают в воздух червей? И превращают их в бабочек?

– Да.

– Ни разу ни одного не видел!

– Вы же видели, как я это делал!.. Но я по-прежнему библиотекарь в вашем доме, так как меня никогда не уволяли, и я не отказывался от места. Теперь я и здесь библиотекарь.

– Но вы же говорили, что вы здесь – могильщик!

– Так оно и есть. Это почти одно и то же. Очень похожие профессии. Если вы не настоящий могильщик, книги для вас будут мертвыми телами, а библиотека – катакомбой.

– Вы совсем сбили меня с толку!

– Это точно!..

Некоторое время он стоял и молчал. Женщина, недвижимая, как статуя, стояла у двери, похожей на крышку гроба.

– Кстати, – произнес, наконец, могильщик, – намного удобнее, когда основной бывает чья-то именно птичья сущность! Вам, должно быть, известно, что у каждого есть звериная сущность – птичья, глупая рыба. А! И пресмыкающаяся змеиная тоже – та, что неудержимо влечет убивать. Но могут быть еще и душа дерева в ком-то, и душа камня, и я даже не знаю, сколько еще разных сущностей – все для того, чтобы сойтись в гармонии. Вы можете судить о человеке по тому, какое из созданий в нем чаще проявляется.

Он повернулся к своей жене, и мне удалось рассмотреть его поближе. Он был выше среднего роста и держался более

прямо, чем когда я его видел в последний раз. Его лицо, как и у его жены, было очень бледным, нос сильно напоминал клюв, отошедший от дел, губы были очень тонкими, даже пожалуй, бесцветными, хотя их изгиб был красивым, и на них дрожала смутная улыбка, в которой были и юмор, и любовь, и сострадание.

– Мы хотим что-нибудь съесть и что-нибудь выпить, жена, – сказал он. – Мы прошли долгий путь.

– Ты же знаешь, муж мой, – ответила она, – мы можем что-то дать ему, только если он попросит.

Она повернула ко мне свое восковое лицо с сияющими глазами.

– Будьте добры, дайте мне что-нибудь поесть, миссис Рэйвен, – сказал я, – и что-нибудь, на ваш выбор, утолить жажду.

– Стократ возрастет ваша жажда, прежде чем вы получите то, что сможет ее утолить, – ответила она. – Но я с радостью предложу вам что могу.

Она подошла к буфету у стены, достала из него хлеб и вино и поставила их на стол.

Мы приступили к роскошному пиршеству, и мне показалось, что хлеб и вино утоляют больше, чем голод и жажду. Тревога и стеснение прошли, и их место заняло ожидание.

На меня напала сонливость, и я впервые почувствовал усталость.

– Я не заслужил ни пищи, ни отдыха, мистер Рэйвен, – сказал я. – Но вы щедро одарили меня одним, и я надеюсь,

не откажете мне и во втором, ибо я чрезвычайно в этом нуждаюсь.

– Сон слишком прекрасен для того, чтобы его когда-нибудь можно было заслужить, – сказал могильщик, – он должен быть дан и принят по мере необходимости. Но было бы опасно использовать этот дом, как постоянный двор на полпути, то есть всего лишь для ночного отдыха.

Пока он говорил это, дикого вида черная кошечка вскочила ему на колени. Он пошлепал ее так, как шлепают маленьких детей, когда хотят отправить их спать: мне показалось, будто бы он прихлопывал свежую землю на могиле, нежно, словно мурлыкая колыбельную.

– Вот одна из котят Мары, – сказал он жене. – Не дашь ли ей что-нибудь? И гони ее, Мара, верно, ее ищет!

Женщина осторожно взяла кошечку, дала ей маленький кусочек хлеба и вместе с ним вынесла ее наружу, прикрыв за собой дверь.

– Чем я могу ответить на ваше гостеприимство? – спросил я.

– Принять его полностью, – ответил он.

– Я не понимаю.

– В этом доме никто сам не просыпается.

– Почему?

– Потому что никто и нигде не может разбудить сам себя.

Вы не можете разбудить себя, так же, как вы не можете сами себя создать.

– Тогда, может быть, вы или миссис Рэйвен, разбудите меня? – сказал я, по-прежнему ничего не понимая, но снова предчувствуя что-то неладное.

– Мы не можем.

– Но как же я решусь заснуть?. – воскликнул я.

– Если вы примете сон от этого дома, вы не должны волноваться о пробуждении. Вы должны отправиться спать охотно, основательно и навсегда.

Мое сердце ушло в пятки.

Могильщик сел и внимательно посмотрел на меня. Его глаза будто бы говорили: «Вы не доверяете мне?» Я выдержал его взгляд и ответил:

– Я вам верю.

– Тогда идите, – сказал он, – я покажу вам ваше ложе.

Когда мы поднялись, вошла женщина. Она взяла свечу, повернулась к внутренней двери и повела нас. Я пошел за ней, а могильщик – за нами.

Глава 7

КЛАДБИЩЕ

Холодный воздух (будто дом был ледяным) встретил нас на пороге. Дверь захлопнулась за нами. Могильщик сказал жене что-то, что заставило ее повернуться к нам. Какая перемена произошла с ней! Будто великолепие ее глаз выросло настолько, что взгляду было не удержать его в себе. Упоенные ее спокойствием, они лучились очарованием, как глаза Беатриче над белой розой искупления. Они были живым источником бесконечного света самой жизни, вечной, бессмертной. Даже ее руки светились белым сиянием, каждый ноготок мерцал, как лунный камень. Ее красота была всепоглощающей, и я даже был рад, когда она наконец от меня отвернулась.

Но свет свечи был так слаб, что поначалу я не мог ничего увидеть там, куда мы попали. Чуть погодя, однако, свет упал на нечто мерцающее и слегка приподнятое над полом. Что это, ложе? Неужели что-то живое может спать в этом мертвенном холоде? Тогда понятно, почему оно не может себя разбудить! Неподалеку забрезжил слабый свет, и я наконец-то рассмотрел неясные контуры тех, что были вокруг нас.

Несколько шагов отделяли нас от первого – под просты-

ней просматривались человеческие очертания. Он был спокоен и недвижим, но кто это был, мужчина или женщина, я не могу сказать: свет будто избегал попадать на его лицо, когда мы проходили мимо.

Вскоре я понял, что мы проходим мимо рядов возвышений, на каждом из которых, головой в проход, лежал кто-то спящий или мертвый, одетый белоснежным покровом. Мою онемевшую душу обуял благоговейный страх. Мы проходили нескончаемые возвышения ряд за рядом. Одновременно я мог видеть лишь несколько из них, но они были повсюду, терялись в дали, похоже, бескрайней. Здесь ли таится моя надежда на отдых? Должен ли я заснуть среди беспробудных, без надежды на то, что кто-то когда-то меня разбудит? Это она и есть – библиотека могильщика? А это – его книги? Честно говоря, не очень-то похожа эта спальня для мертвецов на «полдороги домой»!

– Мы навестили один из подвалов, – заметил мистер Рэйвен тихим голосом, словно опасаясь побеспокоить своих постояльцев. – Много вина здесь созревает! Но путнику здесь мрачновато! – добавил он.

– Луна восходит. Скоро она будет здесь, – сказала его жена, и в ее голосе, тихом и приятном, звучала древняя тоска долгих прощаний.

Пока она говорила, лунный свет заглянул в стенные проемы, и тысячи бликов отозвались ему белым мерцанием. Но я так и не смог разглядеть, где начало или конец возвы-

шений. Ряды их тянулись вдаль, будто весь разъединенный прежде мир здесь решил сообща отойти ко сну. Вдоль уходящих вдаль узких проходов каждое ложе стояло особняком, и на каждом из них кто-то спал. Сначала мне показалось, что этот их сон – смерть, но вскоре я почувствовал в них что-то... Очень глубоко, но что именно – я не знаю.

Луна поднялась выше и проникла в другие проемы в стенах, но я никак не мог рассмотреть за один раз достаточное пространство, чтобы составить себе впечатление о его очертаниях; теперь оно было похоже не то на длинный церковный неф, не то на огромный сарай, построенный нарочно для этих могил. Луна казалась холоднее любой из лун, которые можно увидеть на земле в самую ледяную из ночей, и, когда ее свет попадал прямо на спящих, их белоснежные покрывала и мертвенно-бледные лица мерцали ледяным, голубоватым сиянием. Но, возможно, эти лица сами заставляли луну мерзнуть!

То, что я успел увидеть, навело меня на мысль о том, что все равны и похожи в этом братстве смерти, хотя так разнятся и характеры, и истории, запечатленные на лицах спящих. Я видел человека, умершего (хотя это и нельзя назвать смертью, но мне трудно назвать это по-другому) в расцвете сил, казалось, его темная борода течет свободным потоком от мертвенно застывшего лица, его высокий лоб был гладким, как полированный мрамор; тень боли застыла на губах, но только тень. На следующем ложе лежала девушка, весьма

приятная на вид. Еще не вполне поглощенная абсолютным покоем, на ее лице была грусть разлуки, но в ее безмятежности была почти абсолютная покорность. Не было ни следов изнуряющей болезни, ни «убийственной тяготы сердечной муки», если вообще это была боль, она была зачарована сном и не собиралась просыпаться. Многие были прекрасны лишь оттого, что были исполнены покоя, некоторые из них были детьми, но я не видел ни одного подростка. Самой прекрасной была леди, чьи белые волосы (но только это) свидетельствовали о ее преклонном возрасте, когда ее застал сон. На ее лице было величавое выражение покоя, но не покорности, скорее великодушной уступки, и прочная, как устои вселенной, уверенность в том, что все произошло так, как и должно было произойти.

На некоторых лицах задержались полустертые рубцы раздоров, отметины безнадежных утрат, исчезающие тени сожалений, когда-то казавшиеся неутешными; заря великого утра еще не до конца растопила их льды. Но их было немного, таких лиц, и каждый из тех, кого жег огонь сомнений, будто бы извинялся про себя: «Я только вчера умер, простите же меня!..» или: «Простите мне, я умер лишь сто лет назад!» То, что некоторые умерли сотни лет назад, я установил единственно по выражению неопишуемого спокойствия на их лицах, и еще чего-то, что определить и описать, я не возьмусь, – для этого у меня не хватит ни слов, ни образов.

Наконец, мы подошли к трем пустым возвышениям, сра-

зу за которыми лежало тело красивой женщины, только что пережившей самый расцвет своей жизни. Одна из ее рук выбилась из-под покрывала, лежала ладонью вверх, в середине ладони было темное пятно. Следом за ней лежал крепкий мужчина среднего возраста. И его рука тоже была видна, она судорожно сжимала рукоять меча. Мне показалось, что это был король, павший в борьбе за истину.

– Ты не поднесешь свечу поближе, жена? – прошептал могильщик, наклонившийся над женщиной, чтобы рассмотреть ее руку поближе.

– Она хорошо заживает, – прошептал он будто бы про себя, – гвоздь не наделал большой беды.

Я, наконец, рискнул заговорить:

– Они ведь не мертвы? – тихо спросил я.

– Я не могу вам ответить, – ответил он подавленно. – Я почти забыл, что значит быть мертвым в старом мире. Если я скажу, что кто-то умер, моя жена поймет одно, а вы представите себе совсем иное. Это только один из моих склепов с сокровищами, – продолжал он, – а все мои гости лежат не в склепах, снаружи, на вересковой пустоши, так близко, как листья в вашем лесу после первых порывов холодного ветра вашей зимы; тесно, нет, лучше сказать так: будто огромная роза на небесах уронила свои лепестки. По ночам луна изучает их лица, их улыбки...

– Но почему, отражаясь от них, свет луны становится другим? – спросил я.

– Наша луна, – ответил он, – не похожа на вашу – окалину выжженного мира, чей свет хранит смерть, не изменяясь. Здесь же могильщик кладет своих мертвых в землю, лишь чуть-чуть их прикалывая. В вашем мире он заваливает их тяжелыми камнями, будто стараясь их от чего-то уберечь, я же жду часа, когда зазвонит колокол Воскресения, для того, чтобы разбудить тех, кто будет еще спать. Могильщик вашего мира смотрит на часы затем, чтобы созвать полумертвых в Церковь, я же жду крика петуха на крыше, когда он прокричит: «Вставайте, спящие, восстаньте от смерти!»

Я пришел к выводу, что мнимый могильщик на, самом деле сумасшедший проповедник – в целом все это выглядело слишком безумно! Но как мне от всего этого избавиться? Я был беспомощен! В этом мире, принадлежащем смерти, мертвому ворону и лишь одному живому существу – его жене, я искал и не мог найти, к кому воззвать за помощью. Я потерялся в месте, огромном невообразимо, так как если здесь две вещи (или их любые части) могут занимать одно и то же место, то почему не двадцать или десять тысяч? Но дальше в этом направлении я размышлять не отважился.

– Ваши представления о вашей смерти выглядят иначе, чем я себе это представляю, – рискнул я заметить.

– Ничто из того, что вы видели, – ответил он, – еще не умерло достаточно; некоторые только очнулись – и начали умирать. Остальные же начали умирать для того, чтобы вернуться к жизни, и задолго до того, как они к нам приходят. А

когда они умирают по-настоящему, лишь в тот миг они просыпаются и покидают нас. Почти каждую ночь кто-то встает и уходит. Пожалуй, я не буду больше говорить, я чувствую, что мои слова только сбивают вас с толку! Вот ложе, которое дожидалось вас, – закончил он, дотрагиваясь до одного из трех.

– Почему именно это? – сказал я, напуганный этим разговором до столбняка.

– Однажды вам будет радостно это узнать, – ответил он.

– А почему не сейчас?

– И это вы тоже узнаете, когда проснётесь.

– Но они же все мертвы, а я – жив! – возразил я, дрожа, как осиновый лист.

– Это не совсем так, – возразил могильщик, улыбнувшись, – и даже не около того. Будь благословенна настоящая жизнь за то, что паузы в ее пульсе – не смерть!

– Здесь слишком холодно для того, чтобы кто-то смог заснуть! – сказал я.

– А спящие здесь, они тоже так думают? – поинтересовался он. – Они спят спокойно или вскоре утешатся и будут спать спокойно. Они не чувствуют ледяного дыхания холода, он лишь лечит их раны. Да не будьте же вы таким трусом, мистер Уэйн. Отвернитесь от страха, и встаньте лицом к чему-нибудь, что должно настать. Примите свою ночь, и вы по-настоящему отдохнете. Вреда вам от этого не будет, а что-то хорошее... Об этом заранее знать нельзя.

Я и могильщик стояли у ложа, а его жена, со свечой в руке, у изголовья. Ее глаза были полны света, но лицо опять стало спокойным и бледным, оно больше не лучилось.

– И вы думаете, что это заставит меня избрать своей спальней склеп? – громогласно возопил я. – Ни за что! Я хочу лежать там, снаружи, на вересковой пустоши. Там не может быть холоднее!

– Я ведь только что говорил вам, что мертвые лежат там, как «толстым слоем осенние листья в ручьях Валломброза», – сказал могильщик.

– Ни за что! – снова вскричал я, и в окружающей тьме два мерцающих призрака, которые будто бы ждали кого-то из мертвых, не то откликнулись на мой крик, не то застыли, грустно взирая друг на друга.

– Возрадуйся, это посланник великого пастуха. – сказал могильщик своей жене.

Затем он повернулся ко мне.

– Вам не кажется, что воздух здесь чище и душистее, чем снаружи? – спросил он.

– Да, но ах, как тут холодно! – ответил я.

– Так знайте же, – ответил он, и голос его стал суров, – что те, кто сами называют себя живыми, приносят сюда запахи смерти, а это не слишком полезно для спящих до тех пор, пока они не выйдут отсюда.

Они ушли от меня в даль огромного склепа, а я остался один, в лунном свете, наедине с мертвыми.

Я повернулся и пошел к выходу.

Каким долгим показался мне путь назад, через ряды мертвецов! Сначала я был слишком сердит, чтобы бояться, но прошло время, и я успокоился, и застывшие тени стали внушать мне ужас. Наконец я побежал, грубо оскорбляя милосердную тишину этого места, я неся, и я вырвался наружу, хлопнув на прощание дверь. Но та закрылась в благоговейном молчании.

Вокруг было темно, как в бочке с дегтем. Пошарив руками вокруг себя, я нащупал дверь, открыл ее, и был встречен слабым светом лампы.

Я был в своей библиотеке и держался за ручку двери потайного кабинета.

Пришел ли я в себя после галлюцинации, или как раз сошел с ума, придя в себя? Что было настоящее: то, что я видел сейчас, или то, что я только что перестал видеть? Или оба эти мира существуют на самом деле, не смешиваясь и не проникая друг в друга.

Я бросился на кровать и заснул.

На восток из библиотеки выходило маленькое окно, через которое в это время года первые лучи солнца попадали на зеркало, отражаясь от него, падали на дверь потайной комнаты.

Когда я проснулся, так оно и было, и я посмотрел туда. Чувствуя, что за этой дверью лежит тот самый бесконечный зал, который я покинул через эту самую дверь, я вскочил на

ноги и распахнул ее. Свет торопливо, будто охотничий пес, хлынул в кабинет прежде меня и вцепился в позолоченный корешок большой книги.

– Какой идиот, – воскликнул я, – положил сюда эту книгу столь неправильным образом?

Но золотой переплет, еще раз преломив свет, отбросил его на комод в темном углу, и я заметил, что одна из выдвижных его полок наполовину открыта.

– И тут беспорядок! – снова воскликнул я и отправился задвинуть полку.

Там были старые бумаги, и были набиты туда битком, так, что полку было не закрыть. Вынув оттуда одну из верхних бумаг, я увидел, что они написаны рукой моего отца, и не так уж давно.

Первые же слова, которые я увидел, сразу же пробудили во мне страстное желание ознакомиться с содержимым этих бумаг. Я отнес их в библиотеку, устроился у одного из восточных окон и прочел все до конца.

Глава 8

РУКОПИСЬ МОЕГО ОТЦА

Я переполнен благоговейным страхом из-за того, о чем я собираюсь рассказать. Золотое солнце светит надо мной, я вижу перед собой синее море, все живое в мире тянется к солнцу, и все, что летает в воздухе, которым я дышу с детства. Но я знаю, что это преходяще и в любую минуту над всем на свете может подняться завеса, как занавес над подмостками, скрывающий самые удивительные вещи.

Однажды утром, вскоре после смерти отца, я сидел в библиотеке. Я равнодушно рассматривал портрет, висящий между книг. Человек, изображенный на нем, был известен мне как какой-то мой дальний родственник, а я хотел бы знать о нем больше.

Я взял книгу с полки и стал читать.

Подняв глаза от книги, я увидел проходящего мимо (не между мной и дверью, а между мной и портретом) тощего бледного человека в поношенном черном платье. Он выглядел внимательным и энергичным и имел выдающийся нос, тотчас напомнивший мне некий кувшин, который мои сестры в шутку называли «мистер Ворон».

«Оказавшись по соседству с вами, мистер Уэйн, я решил доставить себе удовольствие нанести вам визит, – сказал он

необычным, но не неприятным голосом. – Ваш почтенный дедушка принимал меня – и я могу сказать это без преувеличения – как друг, который знал меня с детства как библиотекаря своего отца».

Это меня не обескуражило, я даже не подумал о том, сколько же лет должно было быть этому человеку.

«Могу я спросить вас, где вы сейчас живете, мистер Ворон?» – произнес я.

Он весело улыбнулся.

«Вы почти угадали мое имя, – сказал он, – из чего следует, что проникательность – это у вас семейное. Вы меня прежде видели, но только раз, и после этого ничего не могли об этом слышать».

«А где это было?»

«Да в этой самой комнате. Но вы тогда были совсем дитя!»

Я не был уверен в том, что я его помню, но на секунду мне показалось, что все-таки да, видел! И я попросил его напомнить мне его имя.

«Есть такая вещь – вспоминание без участия памяти, – ответил он. – Что касается моего имени, которое вы почти угадали, то обычно я – Рэйвен».

Я слышал это имя, оно часто упоминалось в связи с разными невероятными историями.

«Это очень мило с вашей стороны, что вы зашли и навестили меня, – сказал я. – Вы не присядете?»

Он тут же уселся.

«Полагаю, вы знали моего отца?»

«Я его знал, – ответил он, забавно улыбнувшись, – но его не очень-то заботило знакомство со мной, поэтому мы никогда не встречались... Этот джентльмен, однако, – добавил он, указывая на портрет, – старый сэра Апвод, как его называли слуги, был в свое время моим другом, и значительно более близким, чем позже был ваш дедушка».

Тут, наконец, мне показалось, что наша встреча носит несколько странный характер. И впрямь, куда тяжелее поверить, что мой посетитель был на короткой ноге с сэром Апводом, чем в то, что он был библиотекарем у моего прапрадедушки!

«Я многим ему обязан, – закончил он, – так как, несмотря на то, что я прочитал намного больше книг, чем он, все же, из-за специфического направления его изысканий, он мог просветить меня по части многих вещей, которые я сам бы никогда не раскопал и вряд ли бы еще от кого-либо услышал».

«Что вы хотите сказать, рассказывая мне обо всем этом?» – спросил я.

«Между всем прочим, только то, что я могу себе позволить – в этом ведь нет каких-то семейных тайн». – ответил он и продолжал: «В этом кабинете была его библиотека, около сотни рукописей, так как книгопечатание еще не было тогда изобретено. Однажды утром я сидел здесь, составляя ее каталог, когда он заглянул в дверь и позвал: „Идемте“. Я от-

ложил перо и последовал за ним – через большой зал, вниз по грубым ступенькам, и вдоль по подземной галерее к башне, которую он недавно выстроил, там была лестница и комната наверху. На двери этой комнаты был огромный замок, который он открыл самым маленьким ключом из всех, виденных мною дотоле. Только я пересек за ним порог, как он у меня на глазах стал уменьшаться, и становился все меньше и меньше. Но, наконец, мое зрение исправилось, и я увидел, что он просто очень быстро от меня удаляется. В минуту он превратился всего лишь в пятнышко где-то вдали, у голубых горных вершин, вздымающихся к небесам. Я узнал эту страну, я был в ней множество раз, приходил в нее часто, несмотря на то, что не знал этой дороги. Много лет спустя, когда башня давно исчезла, я показал то, что мне когда-то показал сэр Апвод, одному из его потомков, и теперь, вплоть до сегодняшнего дня, я использую ваш дом, когда хочу попасть домой кратчайшим путем, увы, без вашего на то разрешения, за что я, кстати, прошу у вас прощения. И, конечно же, я должен сейчас подтвердить свое право на это, то есть проходить через ваш дом; не сквозь, от входа к выходу, а снизу – вверх!»

«То есть, вы хотите сказать, мистер Рэйвен, – сказал я, – что через мой дом вы попадаете в другой мир, пренебрегая тем, что их разделяет некое пространство?»

«То, что я прохожу сквозь него, и есть неопровержимое доказательство существования такого раздела», – ответил

старый библиотекарь.

«Не уходите от ответа, мистер Рэйвен, – сказал я, – будьте добры, ответьте, вы ведь прекрасно поняли, что я имел в виду!»

«В вашем доме есть дверь, и всего лишь один шаг через нее переносит меня в мир, очень непохожий на этот».

«Лучше этого?»

«Не совсем так, но он настолько другой, что большинство его физических законов и законов мышления отличаются от здешних. А что касается морали, то, в основном, она везде одинакова».

«Вы испытываете меру моего доверия!» – сказал я.

«Может быть, вы считаете меня сумасшедшим?»

«Нет, вы не похожи на безумца.»

«Тогда – лжецом?»

«Вы не давали мне повода так о вас думать».

«Но вы мне все равно не верите?»

«Я выйду в эту дверь вместе с вами, если вам это будет угодно; я верю вам достаточно, чтобы рискнуть и попытаться».

«Все мои дети делали эту же ошибку! – прошептал он. – Ведь та же дверь, что ведет наружу, ведет и внутрь!»

Я начал думать, что он, должно быть, сумасшедший. Минуту он молчал, закрыв голову руками, локтями опираясь о стол и устремив взгляд в книги перед собой.

«Книга, – сказал он громче, – это дверь внутрь и, следо-

вательно, она же – дверь наружу. Я вижу старого сэра Апвода, – продолжил он, закрывая глаза, – и мое сердце переполняется любовью к нему: в каком он из миров?»

«В мире вашего сердца, – ответил я, – то есть, его образ там».

«Все-таки есть по крайней мере один мир, в который не открывается дверь из вашего холла?»

«Весьма с вами согласен, но вещи того мира, их ведь нельзя иметь, хранить...»

«Подумайте еще немного, – возразил он, – когда-нибудь что-либо становилось вашей собственностью иначе, чем если бы попадало в ваш мир? Да, это несколько выше вашего понимания, но сейчас! – сейчас ведь я сказал вам больше слов и открыл больше дверей, чем вам бы взбрело в голову за множество лет!»

Он поднялся, покинул библиотеку, пересек холл и направился прямо наверх, на чердак, очевидно, будучи знаком с каждым из поворотов. Я шел за ним, изучая его спину. Его волосы были длинными, темными, прямыми и блестящими. Одежды были широкими и доставали до пят. Обувь была ему великовата.

На чердаке свет просачивался через края огромных кровельных листов и освещал места, на которых не было настила, и нам приходилось ступать с балки на балку. В центре одного из таких мест возвышалась выгородка с дверью, через которую я проследовал за мистером Рэйвенем в маленькую

темную комнатку, чья кровля сужалась вверху и под наклоном проходила сквозь кровлю.

«Вот дверь, о которой я вам говорил», – сказал он, указывая на продолговатое зеркало, которое стояло на полу, напротив стены. Я встал перед ним и увидел в нем наши фигуры, неясно отраженные в его пыльной поверхности. Что-то было в нем такое, что меня обеспокоило. Оно выглядело старинным и заброшенным, но, несмотря на его довольно заурядный вид, орел с распростертыми крыльями, взгромоздившийся наверху, выглядел угрожающе.

«Как зеркало, – сказал библиотекарь, – оно несколько выцвело с годами, но это не имеет никакого значения, ведь дверь его делает свет».

«Свет? – возразил я. – Но здесь нет никакого света!»

Он не ответил мне, но потянул за маленькую цепочку на противоположной стене. Я услышал скрип, и верхушка комнаты стала медленно вращаться по кругу. Он остановился, посмотрел на свои часы и снова потянул.

«Время подходит! – сказал он, – Вот-вот пробьет полдень!»

Верхушка комнаты еще минуту или около того вращалась и скрипела. Затем он потянул за две другие цепочки, то за ту, то за эту, и вернулся к самой первой. Еще миг – и в комнате стало значительно светлее: лучи света падали на зеркало, расположенное на противоположной стене, и в пыльном воздухе я увидел дорожку из отраженных лучей, направлен-

ных на зеркало, лежащее на полу. Но от последнего они уже никуда не отражались, мне показалось, они уходят куда-то вглубь зеркала, и нигде в комнате не было второго пятна света или зайчика.

«Куда делись лучи?» – вскричал я.

«Это я не могу сказать точно, – ответил мистер Рэйвен, – может быть, туда, откуда они пришли вначале. Но я предполагаю, что их можно было бы увидеть теми чувствами, которые в нас еще спят».

Сначала он говорил о неких связях между мыслью и материей, чувствами и качествами предметов так, что я едва мог его понять, а затем перешел к таким странным вещам, что я и вовсе перестал что-либо понимать. Он много рассказывал об ИЗМЕРЕНИЯХ, объясняя мне, что ТАМ много больше есть всякого, чем ЗДЕСЬ, некоторые из них связаны с силами, которые являются неотъемлемой частью нас самих, но о которых мы в конце концов абсолютно ничего не знаем. Сознаюсь, однако, что его слова удерживались во мне не намного крепче, чем свет, который уходил в зеркало, потому что (как я думаю) он и сам с трудом понимал то, о чем говорил.

Внезапно я заметил, что наши отражения будто бы отделились от зеркала, которое показалось мне заполненным белой дымкой.

Пока я смотрел, сквозь дымку постепенно проступили вершины целой цепи гор, и их становилось видно все яснее и яснее. Вскоре дымка рассеялась вовсе, открыв за собой про-

стор дикой пустоши, на которой, – на некотором расстоянии, куда-то вдаль быстро уходил человек. Я повернулся, чтобы обратиться к моему провожатому, но его уже не было рядом.

Я снова посмотрел на фигуру человека в зеркале, и рассмотрел разлетающееся широкое платье и черные волосы, развевающиеся на ветру, который не мог коснуться меня. В ужасе я бежал из этого страшного места.

Глава 9

Я РАСКАИВАЮСЬ

Я положил рукопись, утешившись тем, что мой отец тоже заглядывал в этот таинственный мир, и тем, что он тоже знал мистера Рэйвена.

Затем я припомнил, что никогда не слышал ничего об обстоятельствах смерти моего отца, и был уже готов поверить, что он, должно быть, в конце концов последовал за мистером Рэйвеном и не вернулся назад, вследствие чего я довольно быстро устыдился своего бегства оттуда. Какие же изумительные вещи я так и не смог узнать до сих пор о жизни и о смерти, какие дикие края могли бы открыться моему воображению! Несомненно, Рэйвены были прекрасными людьми, и ночь, проведенная в их доме, не нанесла мне никакого ущерба. Бесспорно, они со странностями, но ведь для некоторых их собственная эксцентричность – лишь дар, как для других – красота, в которой они непостижимы! А я им не верил! Пренебрег ими, как не стоящими моего внимания, боялся, что они скрывают от меня свои планы. И чем больше я думал о своем поведении, тем отвратительнее сам себе казался. С чего это я испугался так такой смерти? Заслужить тот отдых, который они мне предлагали, я почитал теперь честью, которой я был недостоин. Какой вред могли причинить мне тот

спящий король или та леди с поврежденной ладонью? Я испытывал страстное желание увидеть снова их благостные и спокойные лица – и я заплакал. Рыдая, я прилег на кровать, и внезапно заснул.

И так же внезапно проснулся, будто бы кто-то окликнул меня. В доме было тихо, как в пустой церкви. Черный дрозд пел на лужайке за окном. Я сказал себе: «Я пойду и скажу им, что мне стыдно, и сделаю все, что они скажут мне сделать!» Я встал и поднялся по лестнице на чердак.

Деревянная комнатка была такой же, какой я увидел ее в первый раз, зеркало тускло отражало все, что было перед ним. Скоро должен был наступить полдень, и солнце должно было стоять чуть выше, чем тогда, когда я впервые здесь появился. Я должен немного приподнять козырек крыши и правильно настроить зеркала! Ах, если бы я только был здесь, когда мистер Рэйвен делал это!

Я потянул за цепочку и направил свет на первое зеркало. Я потянул за другую: появились какие-то признаки едва различимых очертаний, несомненно отчетливых, но дрожащих, будто в зеркале воды, тронутой легким ветерком. Я дотронулся до стекла: оно было непроницаемым.

Полагая точную настройку вещью необходимой, я поворачивал зеркала, раз за разом меняя угол падения лучей, пока, наконец, случайно я не установил их под самым большим углом, которого мне удалось достичь. Предметы в зеркале стали отчетливее, чем прежде, и я увидел синеву гор отчет-

ливо и ясно. Я сделал шаг вперед, и мои ноги погрузились в вереск.

О дороге к дому Рэйвенгов, я помнил то, что она проходила через сосновый лес. Я прошел множество чащ и несколько еловых лесов, и без конца мне казалось, что я что-то узнал в здешних местах, но я все никак не мог найти тот лес, а солнце уже склонялось к горизонту, и воздух стал холодным и стылым, будто в преддверии зимы. И тут, к моему облегчению, я заметил маленькую черную фигурку, приближающуюся ко мне. Конечно, это был он, ворон!

Я бросился ему навстречу.

– Я приношу свои извинения, сэр, за мою грубость прошлой ночью, – сказал я. – Не возьмете ли вы меня с собой теперь? Хотя я искренне полагаю, что недостойн этого.

– Ах! – ответил он, и поднял на меня глаза. После небольшой паузы продолжил:

– Моя жена не ждет вас сегодня ночью, – сказал он, – она сожалеет и о том, что мы пытались удержать вас на прошлой неделе.

– Отведите меня к ней, чтобы я мог принести свои извинения, – смиренно попросил я.

– В этом нет смысла, – ответил он, – ваша ночь еще не наступила, иначе вы бы не покинули нас. Она не настала еще и теперь, и я не знаю, что вы должны делать. Мертвые ликовали под покрывалами из ромашек – все они лежат между корнями небесных цветов, – думая о том, что настанет день

вашего торжества, и зиме придет конец, и наступит утро, и для вас будут петь птицы; а когда вы решили их покинуть, они дрожали в своих постелях. Многие года пройдут, века, прежде чем наступит весна во вселенной, но когда именно это случится, я не знаю, да и не очень-то меня это заботит.

– Умоляю, скажите мне одну вещь, мистер Рэйвен: мой отец – с вами? Видели ли вы его с тех пор, как он покинул наш мир?

– Да, он с нами, и крепко спит. Вы его видели, это тот человек, чья рука лежала поверх покрывала.

– Что же вы мне не сказали? Я же был так близко, совсем рядом с ним, и не знал об этом!

– И повернулись к нему спиной! – поправил ворон.

– Если бы я тогда знал об этом, я тут же лег бы рядом!

– Я сомневаюсь в этом. Если бы вы были готовы лечь рядом, вы бы узнали его! Старый сэр Апвод, – продолжал он, – и ваш двоюродный прадед, оба они встали и ушли давным-давно. Ваш прадед был с нами долгие годы, и, я думаю, скоро и он начнет двигаться. Прошлой ночью вы его видели, но, конечно же, его не узнали.

– Почему «конечно»?

– Ведь он значительно ближе к пробуждению, чем вы! Тот, кто не спал, не сможет и проснуться!

– Я совершенно вас не понимаю!

– Вы ушли, и теперь не сможете этого понять! Я изо всех сил старался сохранить спокойствие... Но если я что-нибудь

не буду говорить, он же уйдет!

– А мой дед, он тоже с вами? – спросил я.

– Нет, он все еще в Лесу зла, сражается с мертвецами.

– А где этот Лес зла? Я хотел бы найти там деда.

– Вы его не найдете, но этот лес... Вряд ли вы его пропустите. Это место, в котором те, кто не спит, просыпаются по ночам, чтобы сражаться со своими мертвецами и хоронить их.

– Я все еще не понимаю вас!

– Естественно, нет. Так же, как и я вас не могу понять, я не могу читать ни на вашем лице, ни в вашем сердце. А когда я или моя жена не можем понять наших детей, это значит, что в них еще недостаточно того, что необходимо понять. Глупость может понять только Господь всемогущий!

– Тогда, – сказал я, чувствуя себя пустым и никчемным, – не будете ли вы столь добры и не покажете ли мне ближайшую дорогу к дому?

– Вот уж, конечно, немало путей найдется!

– Скажите же, как найти ближайший?

– Я не могу, – ответил ворон, – мы с вами используем разные значения одних и тех же слов. Мы иногда не можем объяснить людям то, что им необходимо знать лишь потому, что они хотят знать что-то другое и поэтому только поймут нас неправильно. Дом всегда на расстоянии вытянутой руки, а как попасть туда, вам объяснять бесполезно. Но вы туда попадете, вы должны туда попасть, вам надлежит там быть. Все,

кто не дома, должны туда попасть. Вам казалось, что вы дома, когда я нашел вас, но, если бы это место было бы вашим домом, вы бы никогда его не оставили. Никто не может покинуть свой дом. И никто и никогда не окажется дома, пока не войдет в него.

– Загадка на загадке! – воскликнул я. – Я шел сюда не затем, чтобы разгадывать шарады!

– Нет! Но вы пришли, и обнаружили, что загадки вас дожидаются с нетерпением. Да вы и сами лишь загадка. Все, что вы называете шарадами, – правда, и выглядит так оттого, что вы сами не настоящий.

– Чем дальше, тем хуже! – воскликнул я.

– И вам придется найти ответы! – закончил он. – Эти проблемы будут вставать перед вами до тех пор, пока вы не научитесь понимать сами себя. Вся вселенная – это загадка, которая просится к вам в гости, а вы держите дверь на замке.

– Сжальтесь надо мной, скажите, что я должен делать, куда мне идти?

– Чем же я могу помочь вам в вашей суете, или как я покажу вам дорогу туда?

– Если я не могу попасть домой, хотя бы покажите мне кого-нибудь такого же, как я.

– Я не знаю никого такого же, как вы. Но существа, более всего похожие на вас, находятся вон там.

Он показал клювом. Я ничего там не увидел, заходящее солнце слепило мне глаза.

– Что ж, – произнес я с горечью, – не могу заставить себя почувствовать, что мы договорились. Меня оторвали от дома, покинули в странном мире и не научили, как и куда я должен идти и что и как я должен делать!

– Вы забыли, – сказал ворон, – что, когда я привел вас, а вы отвергли мое гостеприимство, вы без опаски достигли того, что вы называете своим домом, теперь вы только пожираете плоды своего решения. Спокойной вам ночи.

Он отвернулся и медленно пошел прочь, вознеся над землей свой клюв. Я стоял окаменев. Да, это, конечно, правда, я сам виноват, но разве я не затем сюда пришел, чтобы искупить свои ошибки? Мое сердце ныло, я не мог выбрать дорогу, у меня не было ни какой-то определенной цели, ни надежд, ни желаний. Я проводил взглядом ворона, хотел было последовать за ним, но почувствовал, что это ни к чему.

Наконец, он нашел что-то, перенес вес всего своего тела на клюв и несколько мгновений энергично выкапывал это что-то.

Затем, трепеща крыльями, он поднял голову, и подбросил нечто высоко в воздух, взмахнув клювом. В это мгновение солнце село и стало очень быстро темнеть, но, будто маленькая огненная мушка, что-то продолжало сиять и пульсировать огоньком, только более желтым и сильным, рядом со мной. Оно кружилось над моей головой. Я повернулся и последовал за огоньком.

Здесь я вынужден прервать свой рассказ, чтобы заметить

вам, какой постоянной внутренней борьбы требует от меня нужда рассказывать о том, что поддается описанию лишь с известной приблизительностью. Описываемые мною события, по своей природе и в связи с теми созданиями, которые принимали в них участие, столь невыразимо отличаются от тех, что мне удастся описать своими убогими словами, что я могу представить их вам лишь как данность, в образах и языком их собственного мира – то есть тем, чем они мне показались. Иначе говоря, они в моем описании – не собственно то, что из себя представляют, а лишь совокупность чувств, которые они во мне пробудили. И тем не менее я переполнен окончательным и постоянным чувством собственной несостоятельности, находя невозможным представить более чем одну грань запутанной и многосторонней значимости, или лишь одну часть некоей изменчивой совокупности. Одно понятие может иногда включать в себя несколько понятий с неопределенной тождественностью своей сути, которая к тому же постоянно видоизменяется. Часто я был вынужден на ходу отказываться от своих неловких и сомнительных представлений о самых простых чувствах, не имея при этом каких-то других средств общения с миром, постоянно посягающим на то, чтобы подменить эти чувства чем-то другим, стремящимся из своей специфичной эксцентричности стать неопровержимым и сияющим фактом. Даже описывая все это кому-то более знакомому со здешними местами, я не мог бы ручаться за то, что я передам ему это таким

образом, чтобы мой жизненный опыт не стал бы тому помехой.

Пока же, не подлежит сомнению лишь то, что я на самом деле всего лишь описывал место действия, хотя, по моему крайнему разумению, это больше было похоже на метафизический диспут.

Глава 10

ГРЯЗНАЯ НОРА

Сгущалась темнота, заполняя собой воздух; меня стремительно окружала зима, но мерцающий огонек сверкал все ярче и сдерживал свой полет, будто поджидая. Как только мне удавалось вновь оказаться под его сиянием, он медленно двигался дальше, задерживаясь то здесь, то там, в тех местах, где земля была каменистой. И каждый раз, когда я поднимал глаза, мне казалось, что он стал больше, а вскоре благодаря ему я стал отбрасывать тень. Легкомысленно, по-птичьи, он порхал точно ласточка. Его крылья, огромные и почти квадратные, переливались всеми цветами радуги. Залюбовавшись его сиянием, я был так поглощен его красотой, что споткнулся о небольшой камень и упал оглушенный. Когда я пришел в себя, это создание парило возле моей головы, рассыпая вокруг себя целые снопы лучей, разнообразных оттенков, притом некоторые цвета я никогда до сих пор не видел. Я встал и пошел дальше, но, будучи не в состоянии отвести взгляд от сияющего создания затем, чтобы посмотреть под ноги, я ударился ногой о камень. Чувствуя, что опять упаду, я сел, чтобы полюбоваться крохотным чудом. Как мне хотелось подержать его в своих руках! К моему несказанному удовольствию оно стало опускаться передо мной. Сначала

медленно, затем все быстрее, оно опускалось и становилось, приближаясь ко мне, все больше и больше. Я чувствовал себя так, будто главное сокровище всей вселенной само спускалось в мою руку, и – я протянул руку и взял его. Но как только я дотронулся до него, его свет померк, он стал черным, как смоль; будто мертвая книга, раскинув мертвые обложки, тяжелая и холодная, лежала на моей ладони. Я подбросил его в воздух, но лишь затем, чтобы услышать, как он упадет в верески. Спрятав лицо в ладонях, я застыл в безмолвной скорби.

Но вскоре холод стал таким сильным, что, опасаясь замерзнуть, я поднялся. И, встав на ноги, я почувствовал свет, слабый, тусклый. «Неужели он ожил?» – закричал я, и надежда иглой кольнула сердце. Но увы!.. Это лишь кромка луны, острая и тонкая, перевалила через черту горизонта. Она принесла мне свет, но она не указывала мне дорогу! Оно не станет кружиться надо мной, не станет прислушиваться к моей нерешительной походке и дожидаться меня. Она предлагала мне лишь слепой выбор.

Полная луна взошла на небо, и я начал что-то видеть вокруг себя. К западу от нее и недалеко от меня цепь невысоких холмов уходила к линии горизонта, и я собрался идти туда.

Но что за ночь мне придется пережить прежде, чем я их достигну! Мне показалось, луна что-то знает; она странно и пристально смотрела на меня. Ее взгляд, конечно, был холо-

ден, как лед, но он был полон интереса или, по крайней мере, любопытства. Это была не та луна, которую я видел на Земле, ее лик был странен, а ее свет – еще страннее. Может быть, это был свет незнакомого мне солнца! Каждый раз, когда я смотрел вверх, меня преследовал ее внимательный взгляд. Сначала меня это раздражало, как раздражает назойливость приятеля, но вскоре я увидел или почувствовал в ее взгляде удивительную жалость: что я делаю здесь, в принадлежащей ей ночи? И только тут до меня впервые дошло, что это такое – бодрствовать во вселенной: я-то не спал и ничего не мог с этим поделать!

Я шел и вскоре почувствовал, что мои ноги ступают уже не по вереску, а по голой, мягкой, упругой земле, вероятно, это был сухой торф. К моему ужасу, внезапно землю под мной мгновенно вспучило, и я увидел нечто, что показалось мне подземной зыбью, будто бы от землетрясения, бегущей от меня прочь тенью от низкой луны. Она удалилась, но, пока я еще видел ее, одна волна отделилась от нее и медленно приблизилась ко мне. Всего в ярде или двух от меня она взорвалась, и из нее выпрыгнул, извиваясь, зверь, похожий на тигра. Из его рта и с его ушей свисали клочья плесени, а его сомкнутые глаза раскрылись и вспыхнули, когда он приблизился ко мне, показывая мне свои белые клыки в пасти, развершейся в безмолвном рыке. Я стоял, изумленный, не испытывая ни прилива мужества, ни страха. Он наклонился к земле и зарылся в нее.

«Эта луна помутила мой рассудок, – сказал я, продолжая свой путь. – Кто может здесь жить, кроме призраков? Чей бред их создал? Несомненно, я иду сквозь видимость!»

Так я старался уберечь свое сердце от накатывающих волнами приступов страха, не понимая еще, что та, к кому я отнесся с таким недоверием, на самом деле и есть моя настоящая защита от реальности, которую я полагал призрачной; свет луны отпугивал чудовищ, иначе бы мне не удалось сделать ни шагу по этой отвратительной земле. «Я не собираюсь пугаться того, что есть лишь видимость!» – сказал я себе, испытывая ужас оттого, что мне приходится ступать по поверхности моря, где водятся такие рыбки. Как раз в это время голова мертвого червя, огромная, с голову белого медведя и даже несколько похожая на нее, но с белой гривой на красной шее, медленно поднялась из земли вверх. Его извиляющие кольца, которые он одно за другим вытаскивал из земли, были столь чудовищны, что я не осмеливался отвести от них глаз. И в тот момент, когда он вытащил свой хвост, он рухнул на землю, извилаясь в бессильных попытках зарыться назад.

«Живой он или мертвый? – удивился я.. – И может ли он чем-то навредить живому существу? Если они вынюхивают свою добычу и затем вылезают наружу, то почему он меня не тронул?»

Теперь только я понял: луна парализовала их. Всю ночь, пока я шел, мерзкие создания, среди которых не встретилось

двух хотя бы отдаленно похожих друг на друга, преследовали меня. Некоторые из них были чудесно раскрашены будто переливающимися красками; одна большая змея была покрыта от головы до самого кончика хвоста перьями восхитительных оттенков.

В конце концов я так привык к этим завораживающим сердце опасностям, что меня даже стала развлекать дорога мимо всех этих будто бы выдуманных уродцев. У меня и мысли не было о том, что каждым мгновением своей жизни я обязан сияющей не небесах луне. Хотя свет ее был неяркий, он так хорошо защищал меня от чудовищ, что я продолжал свой путь в безопасности. Ибо свет остается светом даже в последнем из своих бесчисленных отражений. Если бы ее безмолвный свет погас или хотя бы померк на мгновение, я был бы предоставлен милосердию тех, кто не знает пощады, оказавшись в центре копошащейся груды чудовищ, каждое из которых жаждало заполучить мою шкуру и было на самом деле столь же ужасно, каким до тех пор только казалось. Сколь быстро несли бы меня ноги по этой беспокойной земле, если бы я это знал. Будучи исполнен глупого невежества, я влачил свой путь в мертвой тоске под хранящим меня тревожным, наполняющим свод небес светом луны, не беспокоясь о том, что я могу сбиться с дороги, так как у меня и не было дороги, чтобы ее потерять.

Я шел рядом с холмами, которые и были целью моего путешествия, и луна была уже у самой линии горизонта, когда

беззвучное шатание земли прекратилось и холмы оказались передо мной недвижные и голые. И тут я увидел, как по освещенной земле движется силуэт женщины. Белая дымка, окутывавшая ее, то казалась одеянием, то колыхалась вокруг, словно пытаюсь одеть ее; и увивалась вокруг нее, словно ветер, который вихрился у ее ног.

Она была красива, но такая гордыня и такое страдание были у нее на лице, что я с трудом мог поверить, что все это я вижу на самом деле.

Она ходила туда-сюда, напрасно стараясь собрать дымку и укутаться в нее. Глаза на ее прекрасном лице были мертвы; а на ее левом боку было темное пятно, к которому она то и дело прижимала руку, словно у нее там что-то болело. Ее волосы ниспадали почти до пят, и временами ветер так перепутывал их с мхами, что я с трудом мог отличить одно от другого, но когда она подбирала их, в лунном свете они казались мягко-золотыми.

Вдруг она прижала обе руки к сердцу, упала на землю, и дымка взвилась над ней и растворилась в воздухе. Я побежал к ней, но ее вдруг скрутили такие судороги, что я в ужасе замер на месте. Еще через мгновение ее ноги превратились в змей и уползли прочь; руки в ужасе бросились прочь от ее плеч, также превратившись в змей. Затем что-то, похожее на летучую мышь, вылетело из нее, и, когда я взглянул на нее снова, она исчезла. Земля вспучилась, как штормовое море, и ужас охватил меня; я повернулся в сторону холмов

и побежал.

Я был уже почти у основания их склонов, когда луна скрылась за вершиной одного из них, оставив меня в тени. За моей спиной раздался отвратительный вопль сожаления, словно кто-то жалеет о том, что упустил меня, и это был первый звук, который я услышал с тех пор, как упала на землю мертвая бабочка; и он заставил мое сердце затрепетать, словно флажок на ветру.

Я повернулся и увидел множество темных предметов, столпившихся за мной; они были похожи на гребень холма, который все еще освещала луна. Она будто хотела задержать меня, чтобы я смог увидеть, каких опасностей мне удалось избежать с ее помощью. Вскоре я вышел на лунный свет и стал подниматься быстрее.

Пересекая тень одной из скал, я услышал, как какие-то создания подкрадываются к моим пяткам. Но как только первый из них бросился на меня с рыком жадной ненависти, мы вместе с ним оказались в потоке лунного света. Луна сверкнула сердито, и он шлепнулся на землю бесформенной кляксой. Силы вернулись ко мне, и я повернулся к остальным тварям. Но раз за разом, как только они оказывались под лучами луны, они с воем падали на землю, и я видел, или мне это только казалось, странную улыбку на круглом лице, вишащем в небесах надо мной.

Я взобрался на гребень холма; далеко-далеко светила луна, опускаясь к линии горизонта. Воздух был свежим и чи-

стым; я немного спустился и обнаружил, что там немного теплее, и сел дожидаться рассвета.

Луна зашла, и мир снова окутала тьма.

Глава 11

ЗЛОЙ ЛЕС

Я быстро заснул, а когда проснулся, солнце уже встало. Я снова поднялся на вершину и снова осмотрелся: низина, которую я пересек при лунном свете, лежала передо мной без малейших признаков жизни. Да может ли быть, чтобы этот спокойный простор кишел созданиями, которые едва не сожрали меня?

Я повернулся и посмотрел на земли, через которые мне предстояло идти. Они казались дикой пустыней, с цветным клочком где-то вдали; возможно, это был лес. Признаков присутствия людей или животных не было – ни дымка, ни вспаханной земли. На чистых небесах не было видно ни облачка, ни тончайшей дымки – ничто не затмевало ни кусочка их опрокинутой чаши.

Я спустился и направился к тому месту, где, мне казалось, должен быть лес: там должно быть что-то живое; вряд ли есть смысл искать с другой стороны холмов!

Когда я добрался до равнины, она, насколько хватало глаз, оказалась каменистой, местами плоской и морщинистой, а местами бугристой и рваной – точь-в-точь русло быстрой пересохшей реки, испещренное бесчисленными потоками воды, только без малейших признаков влаги. Некоторые из

этих каналов были заполнены сухими мхами, а некоторые из валунов заросли доверху лишайниками, казалось, такими же тяжелыми, как сами камни. Воздух, когда-то наполненный чудесным шумом воды, был тих, словно умер. Целый день я потратил на то, чтобы добраться до цветного пятна, которое и впрямь оказалось лесом, но я так и не встретил на этом пути ни ручейка, ни хотя бы канавы, заполненной водой!

Весь напролет пылающий полдень мне казалось, что меня преследует звуковая галлюцинация; она была так похожа на шум большой воды, что я с трудом мог поверить тому, что на самом деле видел вокруг себя. Солнце уже стремилось к горизонту, когда я, наконец, покинул русло и вошел в лес. Прячась за верхушки деревьев и посылая свои лучи сквозь колонны стволов, солнце открыло мне мир радостных и светлых полутонов, готовый принять меня под свою сень. Я думал, что это хвойный лес, но здесь было много деревьев разных видов, некоторые из них были очень похожи на хорошо мне известные деревья, другие же восхитительно отличались. Я шел под сучьями деревьев, которые были похожи на цветущие эвкалипты; тяжелые чашечки их цветков были подобны черепам, верхушки которых возвышались, будто крышечки, открывающие кипящий мозг, будто пену над чашкой. Под сенью их искривленных острых листьев мои глаза все глубже и глубже тонули в чаще леса.

Вскоре, однако, его окна и двери начали закрываться, пряча от взгляда лесные проходы, коридоры и опушки. Ночь

подкрадывалась ко мне все ближе, а вместе с ней – ледяной холод. И снова – что за ночь ждет меня? Как смогу я поделиться со своим читателем ее дикой таинственностью?

Дерево, под которым я прилег, возносилось вверх сквозь собственные сучья, но эти сучья склонялись так низко, что, казалось, они вот-вот спрячут меня под собой, от лысых стволов, среди которых я лежал, позволяя своему взгляду бродить в сгущающихся сумерках исчезающего во мраке леса. И вот перед моим сонно блуждающим взглядом колеблющиеся очертания листвы стали притворяться или копировать... лучше будет сказать – внушать мне, что они не то, чем являются на самом деле. Подул легкий ветерок, он расшевелил сучья соседних деревьев, и все их ветви раскачались, каждый прутик, каждый листок приняли участие в движении каждой ветки, и в общем покачивании всех сучьев. Меж их теней я видел сгустки теней, которые, будто непослушные марионетки, боролись с замыслом мастера. Борзые не рвутся с цепи так свирепо! Я наблюдал за ними с интересом, возраставшим вместе с тем, как ветер набирал силу и движения их наполнялись жизнью.

Другие массы листвы, большие и более плотные, представали перед моим воображением группой лошадиных голов, выглядывающих из своего стойла и укрытых попонами. Их шеи двигались вверх и вниз, они кивали, и их нетерпение усугублялось, когда порыв ветра ломал этот четкий вертикальный ритм – они дико шатались из стороны в сторону. О, что это

были за головы! Страждущие, странные! У нескольких из них черепа были почти обнажены – лишь кожа да кости были на них! Нижняя челюсть одной из них отвалилась и свисала вниз, существо это выглядело донельзя изможденным – но то и дело поднимало голову вверх, будто ему немного полегчало. А выше, над ними, на самом кончике ветки, покачивалась фигура стоящей женщины, распростершей руки в повелительном жесте. Столь определенный вид этих и других листовенных скоплений сначала удивил, а затем насторожил меня. Что, если они смогут превзойти сопротивляемость моего разума и станут настоящими? Но вот сумерки превратились в мрак, стих ветер, и каждая тень слилась с ночью, а я уснул. Все еще было темно, когда я начал просыпаться, разбуженный каким-то далеким, неясным шипением, смешанным с тихими криками. Он становился все сильнее и сильнее, пока многочисленный топот и суматоха не заполнили собой лес. Звуки стекались все ближе, со всех сторон. Место, где я лежал, казалось средоточием беспорядков, которые охватили лес. Я боялся пошевелить рукой или ногой, чтобы не выдать врагам своего присутствия.

Луна, наконец, подкралась к лесу, и ее свет медленно проник в него: с первым же лучом шум вокруг меня перерос в оглушительный гул, и я увидел, что меня окружают со всех сторон какие-то темные тени. Пока Луна всходила и становилась ярче, шум стал еще громче, а тени – отчетливее. Неистовая битва бесновалась вокруг меня. Дикие крики и бешеный

рев, вспышки атак и вечный бой – захлестнуло меня волной. Проклятия и клятвы, грызня и глумление, хохот и насмешки, божба и вопли ненависти летели в стороны, будто шелуха, и смешивались в беспорядке. Скелеты и призраки сплелись в безумный клубок. Клинки пронзали бесплотных – те только вздрагивали. Булавы обрушивались на скелеты, сокрушая их со страшной силой, но никто из них не прекращал бой, не выходил из сражения до тех пор, пока хотя бы пара костей на них держались друг за друга. Горы костей, человеческих и лошадиных, валялись, скрежеща и перемалываясь под ногами сражающихся. Повсюду костлявые белые кони, повсюду, пешком или на боевых конях, будто сплетенных из тумана, скакали, рыскали неразрушимые призраки, стучали копыта коней и дробилось, кляца, оружие; в то же время челюсти скелетов и глотки привидений испускали оглушающий вопль битвы.

В любом мире, с любой точки зрения, хорошей или плохой, все это было чудовищно несправедливо и жестоко. Священнейшие слова сопровождали жесточайшие удары. Извращенные истины сталкивали в воздухе кости и дротики.

Каждую минуту кто-то оборачивался против своих и начинал сражаться с ними пуще прежнего. За правду! За истину! – вопил он. Одного я заметил; он вертелся, как волчок, и рубил во все стороны, без разбора. Притомившись, двое могли отдохнуть бок о бок, затем вскакивали и возобновляли лютый бой.

Никто не выказывал жалости к упавшим, никто не спешил им на помощь.

Луна светила до восхода солнца, и всю ночь напролет я видел то тут, то там женщину, которая своей волей подхлестывала измученные сражением толпы, одной вытянутой рукой подталкивая сражающихся, а другой – не давая им разбежаться. «Вы люди – так грызите же друг друга!» – кричала она. Я видел ее мертвые глаза, ее темное пятно и вспоминал то, что я видел накануне ночью.

Такой была битва мертвых, и я увидел ее и услышал, лежа под деревом.

Перед самым восходом легкий ветер пролетел по лесу и раздался голос: «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов!» С этими словами сражающиеся толпы окутало безмолвие, и, когда выглянуло солнце, вокруг не валялось ни одной кости, лишь сухие ветки тут и там покрывали землю.

Я встал и отправился дальше, и лес вокруг меня был таким тихим, будто рос он на спокойнейшей из земель. Деревья стояли молча, ведь утренний ветер стих, когда взошло дневное солнце. Не слышно было пения птиц; ни белка, ни горноста́й, ни мышь не обнаруживали своего присутствия, и запоздалый ночной мотылек тоже не пересекал мою тропинку. Но, передвигаясь по лесу, я без конца озира́лся, не давая своему взгляду задержаться на какой-нибудь из лесных теней. Все время мне казалось, что я слышу какие-то слабые звуки, будто кто-то работал мотыгой и ломал и закапывал

кости: каждую секунду моим глазам могли предстать существа незримого мира! Дневное благоразумие подсказывало мне, что, возможно, чтобы появиться на свет, десяти тысячам призраков необходимо всего лишь согласие моего воображения.

В середине дня я вышел из леса – и увидел перед собой вторую сеть пересохших ручьев. Сначала я даже подумал, что я отклонился от выбранного пути и сделал круг, но вскоре убедился, что это не так, и решил, наконец, что я вышел к другому притоку того же самого русла. И я тут же стал перебираться через него и оказался на самом дне русла, когда село солнце.

Я стал дожидаться, когда выглянет луна, и дремал, растянувшись во мху. И в тот момент, когда моя голова уже склонилась к земле, я услышал шум бурлящих потоков – все чудесные звуки бегущих вод. Прозрачная пелена плавной мелодии подарила мне глубокий сон без сновидений, и, когда я проснулся, солнце уже снова было на небе, а вокруг меня раскинулась ссохшаяся земля. Покрытая тенью, она была где полосатой, где крапчатой, как шкура какого-то дикого животного. Солнце поднималось выше и тени укорачивались; казалось, будто скалы всасывают темноту, которую источали ночью.

Боюсь, до сих пор я любил книги и мою арабскую кобылу больше, чем живых мужчин или женщин, и вот, наконец, моя душа жаждала человеческого присутствия, и я влачился

среди обитателей этого чужого мира, которых ворон приблизительно описал, как существа, наиболее похожие на меня. С тяжелым сердцем, в котором все еще теплилась надежда, и с головой, разрываемой на части мыслью о том, что ведь я вообще не представляю, куда я иду, я устало брел куда-то «на норд-вест, где-то у самого юга».

Глава 12

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

По пути в одном из русел я обнаружил нечто, показавшееся мне маленьким кустарником, привязанным к колышкам, которые окружали его, как армия, готовая к бою. Я встал на колени, чтобы рассмотреть его поближе. На нем рос маленький фрукт, который не был мне знаком, и поэтому я побоялся его сорвать и съесть. Но мне вдруг показалось, что за мной следят из-за гор сотни глаз, жаждущих узнать, сорву я его или нет.

Я подошел к другому растению, повыше, чем тот, которое я только что оставил и, наконец, приблизился к зарослям таких же кустов, и только тут я понял, что это вовсе и не кусты, а карликовые деревья. Еще до того, как я приблизился к краю второго притока русла реки, по которому я передвигался, я встретил протоки, до того заросшие этими деревьями, что сквозь них было бы трудно пробраться, если только не прыгать через них. В одном из этих протоков я услышал сильный шум – будто птичьей стаи на стене, укрытой плющом. Но я никого не увидел.

– затем я приблизился к другим, более высоким фруктовым деревьям, но то, что на них росло, выглядело неприятно. Они стояли на берегу впадины, которая, несомненно, бы-

ла когда-то берегом озера. Со стороны казалось, что деревья будто стекают во впадину и заполняют ее, но если деревья вокруг были разных видов, эти, в сухой впадине, почти все были фруктовыми.

Я прошел несколько ярдов вниз, по спуску, по траве, пробивающейся сквозь мхи, и, устав, растянулся на ней. Еще чуть ниже стояли крохотные деревца, сплошь покрытые розовыми яблочками, каждое из которых было не больше вишни, верхушки этих деревьев были совсем рядом, я мог дотянуться до них рукой. Я так и сделал: протянул руку, сорвал одно из яблок и съел. Найдя его чудесным, я уже потянулся за следующим, когда меня остановил детский смех, милый и прекрасный, как шум ручья, и мое сердце зашло от радости.

– Ему понравились наши яблоки! Ему они нравятся! Он хороший великан! Он хороший! – кричало множество детских голосов.

– Но он – великан! – возразил один.

– Да, он великоват, – подтвердил другой, – но небольшой рост – это еще не все! Это не спасет тебя от того, чтобы ты стал большим и глупым! Конечно, если ты не будешь осторожен...

Я привстал на локте и осмотрелся. И выше, и рядом со мной, и ниже меня были дети; множество детей, почти любого возраста. Некоторые из них вполне могли гулять одни, а некоторым из них было лет по двенадцать-тринадцать. Трое

или четверо выглядели старше. Они стояли на небольшом холмике чуть в стороне и не были так возбуждены и не суетились. Большинство сбились в кучки и шумели, и спорили о чем-то, как взрослые люди в городе, но чуть приличнее, немного веселее и более живо.

Я сообразил: когда я потянулся за вторым яблоком, они поняли, что мне понравилось первое; но почему они сделали вывод из этого, что я – хороший, я не понимал, тем более, если вспомнить, что один из них все же призывал к осторожности. Я не открывал рта, так как боялся их спугнуть. Я был уверен в том, что я узнаю больше, слушая, а не задавая вопросы. Тем более, что мне было доступно почти все, о чем они говорили, и это не было для меня откровением – понимать не более прекрасно, чем любить.

Какое-то движение произошло среди них, и они слегка рассеялись, и вот, чудный, выглядевший невинно и одновременно нежно и шаловливо паренек протянул мне огромное зеленое яблоко. Молчание окутало шумную толпу, все застыли в ожидании.

– Ешь, добрый великан. – сказал мальчишка.

Я сел, взял яблоко, поблагодарил, улыбнувшись, и стал было есть, но, лишь откусив кусочек, выбросил яблоко вон.

И снова раздался крик удовольствия; они бросились ко мне и чуть меня не задушили; они целовали меня, мое лицо, руки; они хватали меня за ноги, они лезли ко мне на руки и карабкались ко мне на плечи, обнимали мою шею и голову. В

конце концов я снова оказался на земле, опрокинутый вверх ногами этими любвеобильными маленькими гоблинами.

– Хороший великан! Добрый великан! – кричали они. – Мы знали, что ты придешь к нам! О, добрый, дорогой, сильный великан!

Снова и снова рвался чистыми детскими голосками из сотен глоток торжествующий вопль.

И вдруг наступила тишина. Те, кто был вокруг меня, отошли в сторону, те, что были на мне, сползли вниз и попытались поставить меня на ноги. Вместо радости на их милых лицах появилась тревога.

– Вставай, добрый великан! – сказала маленькая девочка. – Торопись! Ну, скорее же! Он видел, что ты выбросил его яблоко!

Я оказался на ногах еще до того, как она кончила говорить. Она стояла рядом со мной, указывая на склон. На его кромке стоял неприятный, неотесанный тип, на несколько дюймов выше меня. Выглядел он недружелюбно, но я не видел причин его бояться, так как он был не вооружен. Но мои маленькие друзья подевались куда-то все до одного. Он начал спускаться ко мне, а я, в надежде занять позицию получше, стал подниматься. Он зарычал, как дикий зверь, и повернулся ко мне.

Забравшись повыше, я остановился и стал его поджидать. Он, подойдя поближе, протянул мне руку. Я попытался дружески ее пожать, но он отдернул руку назад, будто собираясь

меня ударить, а затем снова протянул ее. Я подумал, что он требует назад свое яблоко, и сделал гримасу отвращения и жест отказа.

Он ответил бешеным воем. Мне послышалось: «Хочешь сказать, что мое яблоко не годится в пищу?»

– Одно плохое яблоко может вырасти на лучшем из деревьев, – сказал я.

Может быть, он не понял, что я имею в виду, но он сделал шаг вперед и встал в стойку, будто защищаясь. Однако он отложил нападение до тех пор, пока второй великан, такой же, как он, который подкрался ко мне сзади, не подошел достаточно близко. И тогда он бросился на меня. Я встретил его добрым ударом в лицо, но второй ударил меня по затылку, и вскоре они со мной справились.

Они уволокли меня в лес над долиной, где жило их племя в жалких шалашах, построенных, в основном, из ветвей и нескольких камней. В одной из таких лачуг они и бросили меня на землю и попинали ногами. Там была женщина, и она смотрела на все это с полным безразличием.

Здесь я хотел бы отметить, что, пока я был в плену, я так и не научился безошибочно отличать их женщин от мужчин. Иногда мне казалось, что, быть может, я попал в плен к какой-то особой расе людей, влачащих растительное существование, которое давало им возможность переживать только гнев и жадность. Их еда, состоящая из клубней и луковиц растений и фруктов, была мне совершенно отвратительна,

но ничто не оскорбляло их больше, чем если бы кто-то брезговал их едой. Меня били женщины и пинали мужчины за то, что я не ел вместе с ними.

Этой ночью я лежал на полу и был едва в состоянии двигаться, но выспался я хорошо и проснулся слегка отдохнувшим. Утром они оттащили меня в долину и, привязав мои ноги к дереву длинной веревкой, в левую руку вложили камень с острой кромкой. Я переложил его в правую, они пнули меня и вернули камень в левую руку, объяснили, что я должен соскабливать этим камнем кору со всех веток, на которых не было плодов, а затем оставили меня.

Я взялся за нудную работу надеясь, что если я стану хорошо ее делать, то буду большее время предоставлен самому себе, чтобы понаблюдать и выбрать время для побега. К счастью, одно из чудесных карликовых деревьев росло совсем рядом, и я урывал свободную минутку и ел его крохотные плоды, которые чудесно меня освежали и подбадривали.

Глава 13

МАЛЮТКИ

Я только-только взялся за работу, когда услышал звонкие голоса, а некоторое время спустя Малютки (вскоре я узнал, что они себя так называют) приблизились ко мне ползком сквозь заросли крохотных деревьев, которые подлеском заполняли места между большими деревьями. Минуты не прошло, как вокруг меня собрались толпы малышей. Я делал им знаки, чтобы предостеречь их о том, что великаны только что оставили меня, и находятся поблизости, но они только смеялись и говорили мне что воздух достаточно чистый.

– Они слишком плохо видят, чтобы нас заметить, – говорили они мне и смеялись, как множество овечьих колокольчиков.

– Вам нравится эта веревка на ваших ногах? – спросил один из них.

– Я хочу, чтобы они думали, что я не могу ее снять. – ответил я.

– Да они же едва видят собственные пятки! – возразил он – Нужно ходить маленькими шажками, и они будут думать, что веревка на месте.

Он говорил, весело пританцовывая на месте.

Одна из старших девочек встала на колени, чтобы раз-

вязать корявый узел. Я улыбнулся, полагая, что эти милые пальчики ничего с ним не смогут сделать, но она развязала его в мгновение ока.

Они усадили меня на землю и накормили чудесными маленькими фруктами, после чего самая маленькая из них стала со мной играть, и столь диким образом, что заняться своей работой у меня не было ни малейшей возможности. А когда она устала, ее место заняли другие, и так продолжалось до тех пор, пока солнце не село и не послышались тяжелые приближающиеся шаги. Маленькие человечки бросились врассыпную, а я поспешил обвязать веревку вокруг своих лодыжек.

– Мы должны быть осторожными, – сказала девочка, которая освободила меня, – одна эта ужасная корявая ступня может раздавить множество Малюток!

– Что же, они совсем не могут вас видеть?

– Они могут видеть, как что-то движется у них под ногами, но если дети окажутся кучкой, или сверху на вас, как только что было, это будет ужасно, так как великаны ненавидят все живое, что хоть чем-то отличается от них самих. Можно подумать, что кто-то из них более живой!

Она свистнула по-птичьи, и в следующее мгновение от Малюток не осталось ни слуху, ни духу, и сама девочка тоже куда-то исчезла.

Это был мой хозяин (каковым он себя, несомненно, считал); он пришел, чтобы забрать меня домой. Он освободил

мои ноги, и отволок меня к дверям своей хижины; там он бросил меня на землю, снова связал мои ноги и, пнув меня напоследок, ушел.

Я мог бы наконец заняться подготовкой к побегу; но теперь у меня были друзья и я не мог даже подумать о том, чтобы их покинуть. Они были так милы, так располагали к себе, что мне хотелось видеть их снова и снова! Я должен узнать их лучше! «Завтра! – сказал я себе с наслаждением, – я увижу из снова».

Но с момента, когда в хижинах наступила тишина, до того момента, когда я улегся спать, я постоянно слышал их шепот вокруг меня, повсюду. И я понял, что меня преданно охраняют толпы малышей. Поэтому я думал, что они вряд ли оставят меня совсем одного.

С великанами мне не хотелось знакомиться вовсе, видимо, в них и не было почти ничего, с чем стоило бы знакомиться ближе. Они никогда не становились хоть чуточку дружелюбными, но были слишком глупы, чтобы становиться жестокими. Часто мне удавалось избежать хорошего пинка, ловя их ногу, и давая возможность ее владельцу грохнуться на землю, после чего тот не пытался повторить удар. Или в этот раз не пытался.

Но маленькие человечки часто говорили или делали вещи, которые доставляли мне несказанное удовольствие, а некоторые – удивляли меня. С каждым днем мне все меньше хотелось их оставить. Пока я работал, они не расставались

со мной, приходили ко мне, развлекали меня и очаровывали; они заставляли меня забыть о страданиях и делали неутомительным мой монотонный труд. Вскоре я полюбил их сильнее, чем я могу описать. Они не так уж много знали, но были мудры и выглядели способными выучиться чему угодно. У меня не было другой постели, кроме голой земли, но почти всегда я засыпал в гнездышке из детей, притом кто-то из них сидел у меня на коленях, и с ним я мог проговорить до рассвета. С ним или с кем-нибудь другим, так как они устанавливали между собой очередь. Если кто-то из них заползал мне за пазуху, непроизвольно я укрывал его там, застегивая одежду; те, что постарше, ложились поодаль, а малыши – поближе. Совершенно необходимо отметить, что я почти не страдал он ночного холода. Первое, что они делали утром, и последнее, перед заходом солнца – как следует накормить доброго великана. Однажды утром я был удивлен тем, что проснулся в одиночестве. Однако когда я пришел в себя, я услышал чей-то приглушенный шепот. Он приближался ко мне, и вскоре девочка, о которой я уже говорил, самая старшая и самая высокая из всей их компании, к которой все относились так, будто она была их мамой, появилась из леса, преследуемая по пятам ликующей процессией, но тихонько так ликующей – они опасались разбудить спящего великана; я лежал у дверей его дома. Она несла на руках мальчугана; до сих пор девочка примерно годом старше, была самой маленькой. Ее нянчили три самые большие девочки, но они

делили свое сокровище и со всеми остальными. У Малюток не было кукол, более взрослые дети ухаживали и играли с младшими, а те, в свою очередь, с еще более маленькими.

Лона подошла ко мне и отдала ребенка в мои руки. Малыш открыл глаза и посмотрел на меня, снова закрыл глаза и заснул.

– Он уже тебя любит! – сказала девочка.

– Где вы его нашли? – спросил я.

– В лесу, конечно, – ответила она, и ее глаза лучились счастьем, – там, где мы обычно их находим. Правда, он красивый? Мы всю ночь его искали. Некоторых нелегко найти!

– А как вы узнаете, когда нужно искать кого-то? – спросил я.

– Я не знаю, как объяснить. – ответила она. – Каждый спешит передать эту новость другим, но нам никогда не удавалось обнаружить того, кому первому об этом сказали. Иногда мне кажется, что кто-то один слышит это во сне, а остальные – в полудреме. Когда в лесу появляется малыш, никому не приходит в голову остановиться и начать задавать вопросы; а когда мы его находим, бывает уже слишком поздно.

– Много ли девочек и мальчиков приходит в лес?

– Они не приходят в лес; это мы приходим в лес и находим их там.

– А кого сейчас больше, мальчиков или девочек?

Я заметил, что если дважды задать им один и тот же вопрос, они начинают хмурить брови.

– Я не знаю, – ответила она.

– Но вы, конечно, могли бы их сосчитать?

– Мы никогда этого не делаем. Нам не нравится, когда нас считают.

– Почему?

– Это невежливо. Лучше этого не знать.

– А откуда дети берутся вначале?

– Всегда – из леса. Нет другого места, из которого они могли бы прийти.

Она знала, откуда они взялись в последний раз, и думала, что нет больше ничего такого, что ей нужно бы было знать об их приходе.

– Как часто вы их находите?

– Это такое чудесное событие, что все предыдущие мы забываем. Ты ведь тоже рад его видеть? Или нет, добрый великан?

– Да, конечно, я рад! – ответил я. – Но чем же вы их кормите?

– Я покажу тебе, – сказала она и ушла прочь, чтобы тут же вернуться с тремя спелыми сливами в руках. Одну из них она поднесла к губам ребенка.

– Он откроет рот, если только он не спит, – сказала она и взяла его на руки.

Она выдавила капельку на поверхность сливы и снова поднесла ее к губам малыша. Не просыпаясь, он стал сосать, а она выдавливала потихоньку сок, пока от сливы не осталось

ничего, кроме шкурки и косточки.

– Ну, вот и все! – воскликнула она с кротким торжеством в голосе. – В мире больших яблок нет ничего для малюток! Мы ведь не останемся здесь, так ведь, милый? Мы оставим его плохим великанам!

– Но что будет, если ты упустишь косточку в рот младенца, когда ты его кормишь? – сказал я.

– Ни одна мать этого не сделает, – отозвалась она. – Я бы не могла тогда иметь детей!

Я подумал, что из нее вырастет чудесная женщина. Но что вообще из них получается, когда они вырастают? Куда °они уходят? Это снова вернуло меня к вопросу о том, откуда они берутся вначале.

– А ты можешь мне сказать, где вы раньше жили?

– Здесь, – ответила она.

– А сейчас вы где-нибудь еще живете? – настаивал я.

– Нигде. Мы все пришли из леса. Некоторые считают, что нас порождает деревья.

– Почему же так получается, что среди вас так много маленьких?

– Я не понимаю. Некоторые из нас больше, а некоторые – меньше. Я очень большая.

– Но ведь ребенок станет больше, так ведь?

– Конечно, станет!

– А ты вырастешь больше?

– Я так не думаю. То есть я надеюсь, что этого не случится.

Я самая большая. Иногда меня это пугает.

– Почему это должно тебя пугать?

Она не нашлась с ответом.

– Сколько тебе лет? – продолжил я.

– Я не знаю, что ты имеешь в виду. Мы все здесь такие.

– А насколько большим вырастает ребенок?

– Я не могу точно сказать... Некоторые, – добавила она голосом, дрогнувшим от страха, – продолжают расти, когда мы уже думаем, что они перестали. Это страшное дело. Мы никогда не говорим об этом!

– Что же делает их такими страшными?

Минуту она молчала, а затем ответила:

– Мы боимся, что из них вырастут великаны.

– А почему вы этого боитесь?

– Потому что это так ужасно! Я не хочу говорить об этом!

Она спрятала ребенка за пазухой, и так испуганно, что я не осмелился больше ни о чем ее спрашивать.

Незадолго до этого я начал замечать в двух или трех маленьких детях признаки эгоизма и жадности, и я отметил про себя, что большие девочки бросают в их сторону тревожные взгляды.

Никто из них не помогал мне в моей работе – они ничего не станут делать для великанов! Но они никогда не отказывали мне в поддержке своей любовью и добротой. Они могли петь для меня, один за другим, по очереди, часами; карабкались на дерево, чтобы добраться до моего рта и вложить ту-

да осторожными маленькими пальчиками маленький фрукт; а также вели постоянное наблюдение за великанами, чтобы уберечь меня от их внезапного появления.

Иногда они усаживались вокруг меня и рассказывали истории – почти все очень детские и кажущиеся почти бессмысленными. Время от времени они созывали генеральную ассамблею на предмет, чем бы еще развлечь меня. Как-то однажды случилось мне на одном из таких собраний услышать от одного унылого мальчугана странную тихую песню с таким патетическим припевом (хотя о чем он был – я почти и не понял), что слезы брызнули у меня из глаз. Этот феномен привел в замешательство тех, кто в это время сидел рядом со мной. Тогда впервые я задумался о том, что в этом мире я никогда не видел воды; ни падающей с небес, ни в тихом омуте, ни бегущей ручьем; вообще никакой. Может быть, когда-то давно, в глубине веков, она и была здесь; и даже, скорее всего, ее было предостаточно, но Малютки никогда прежде (пока не заметили слезы у меня на лице) не видели ее! И несмотря на это, в них было некое смутное, бессознательное благородство, и это выглядело так: очень маленький ребенок подходит к певцу, трясет перед его лицом сжатыми кулачками и говорит что-то вроде: «Вот, ты сделал так, что из глаз доброго великана течет сок! Ты – плохой великан!»

– Как так получилось, – однажды спросил я у Лоны, когда она пристроилась с ребенком на руках у корней моего дерева, – что среди великанов я не видел ни разу ни одного

ребенка?

Она помолчала немного, будто тщась отыскать хоть какой-то смысл в заданном вопросе, затем ответила:

– Они же великаны, они не Малютки.

– У них никогда не бывает детей? – спросил я.

– Нет, для них не бывает никого в лесу. Они же не любят детей. Если они увидят наших детей, они их затопчут.

– Что же, число великанов все время остается неизменным? Было время, мне казалось, что это ваши папы и мамы.

Она разразилась веселым смехом, и сказала:

– Нет же, добрый великан, это мы их предки!

Но как только она это произнесла, радость словно умерла в ней и она будто испугалась чего-то.

Я оставил работу, и уставился на нее, сбитый с толку.

– Как так может быть? – воскликнул я.

– Я не могу ответить, я сама не понимаю, – ответила она, – но мы были здесь, а они – нет. Они получаются из нас. Извини, но я ничего не могу с этим поделать. А они – могут.

– А как давно вы здесь живете? – спросил я, озадаченный сверх всякой меры, в надежде хоть с какой-нибудь стороны пролить свет на этот вопрос.

– Я думаю, всегда, – ответила она, – я думаю, кто-то нас все время делает.

Я вернулся к своей работе.

Она заметила, что я ничего не понял.

– Великаны получаются не всегда, – продолжила она. –

Если Малютка не будет осторожен, он вырастет сначала жадным, потом ленивым, а затем большим, а затем глупым, а затем – плохим. Глупые создания не знают, что они произошли от нас. Немногие из них верят в то, что мы где-то существуем. Они говорят: какая чушь! Но взгляни-ка на маленького Бланти – он ест одно из их яблок! Он будет следующим! О!..Ох! Скоро он станет большим и плохим, и мерзким, и сам этого не понимает!

Ребенок стоял неподалеку собственной персоной и ел яблоко размером почти со свою голову. Мне часто казалось, что он выглядит хуже, чем остальные, но теперь он был просто омерзителен.

– Я пойду и отниму у него эту чудовищную вещь! – воскликнул я.

– Это бесполезно, – грустно ответила она. – Мы сделали все, что могли, а теперь уже слишком поздно! Мы боялись того, что он растет, потому что он не верил никому, когда его предупреждали, но когда он отказался поделиться своими ягодами и сказал, что он собирал их для себя, тогда мы уже знали, что так и выйдет! Он обжора, и безнадежный. И уже устала смотреть за тем, что он ест!

– А не могли бы некоторые из мальчиков присматривать за ним и не позволять ему дотрагиваться до ядовитых вещей?

– Он может есть их, если пожелает; это ведь все равно – есть эти яблоки или быть мальчиком, который будет их есть,

если будет иметь такую возможность. Нет, он должен уйти к великанам! Он принадлежит им. Видишь, насколько он вырос с тех пор, как ты к нам пришел! Он больше, чем даже вчера.

– Он отвратителен настолько, что этот жуткий зеленый ком в его руках больше мог бы выглядеть мальчишкой.

– Он похож на то, что он с собой делает.

– Его голову и этот ком можно было бы поменять местами!

– Может быть, так и будет!

– Неужели ему хочется стать великаном?

– Он ненавидит великанов, но он делает то же самое, что и они, – он любит их яблоки! О, мой малыш, мой малыш!.. Ведь он был таким же милым, как и ты, когда мы его нашли!

– Он будет сожалеть, когда обнаружит, что стал великаном!

– О, нет! Это будет ему вполне по нраву! И это – самое плохое из того, что с ним может случиться.

– Он будет ненавидеть Малюток?

– Он станет как все; он забудет нас, хотя, скорее всего, не будет верить, что Малютки есть на самом деле. А в общем, ему не будет до этого дела – он будет есть их яблоки.

– Расскажи мне, как это произойдет? Ваш мир представлялся мне совсем маленьким! Я пришел из мира, где все по-другому.

– Я ничего не знаю про мир. Что это такое? Когда ты про-

износишь это слово своим большим и красивым ртом, и оно становится – чем?

– Не думай об этом, о мире; расскажи мне о том, что дальше произойдет с Бланти.

– Он проснется однажды утром и обнаружит, что он – великан. Не такой, как ты, хороший и добрый, а как те, остальные, плохие. Его с трудом можно будет узнать среди них, но я покажу тебе его. Он будет думать, что он всегда был великаном, и не узнает тебя или кого-то из нас. Великаны теряют свою душу. Пеони говорит, что поэтому они никогда не улыбаются. Мне интересно вот что: то ли они несчастны, потому что злые, то ли они злы из-за того, что несчастны. Но они ведь и не могут быть счастливы – у них ведь не бывает детей! Мне интересно, что значит «плохой», добрый великан?

– Я хотел бы знать об этом столько же, сколько ты! – возразил я. – Но я стараюсь быть хорошим и стараюсь не перестать стараться.

– Я тоже. И поэтому я поняла, что ты – добрый.

Последовала долгая пауза.

– Тогда, выходит, ты не знаешь, откуда в лес приходят дети? – сделал я еще одну попытку.

– Да тут ведь нечего знать, – ответила она, – они есть в лесу, они там растут.

– Тогда отчего же вы не находили ни одного до тех пор, пока он не выросал достаточно?

Она нахмурила брови и некоторое время молчала.

– Они не появляются там до тех пор, пока не созреют, – сказала она.

– Жаль, что маленькие глупышки не могут говорить до тех пор, пока не забудут все, что могли бы сказать! – заметил я.

– Маленькая Толма (мы нашли ее перед этим малышом), выглядела так, будто ей было что сказать, когда я нашла ее под букром сосущую палец. Но она ничего не сказала. Она только посмотрела на меня – о! как нежно! Она никогда не станет плохой и никогда не вырастет большой! Когда они начинают расти, их ничто больше не заботит, кроме своего роста; и, когда они не могут уже больше вырасти, они стараются стать толще. Плохие великаны очень гордятся своей толщиной!

– Точно так же и в моем мире, – сказал я, – только они не говорят «толстый», они говорят «знатный».

– В одном из их домов, – закончила Лона, – сидит самый большой и самый толстый из них; такой важный, что никто не может его видеть, и великаны ходят в его дом в определенное время, и зывают к нему, и говорят ему, какой он толстый, и просят его дать им силы съесть побольше, чтобы стать такими же толстыми, как и он.

Наконец, моих ушей достиг слух, что Бланги исчез. Среди взрослых детей я заметил несколько похоронных лиц, но не было заметно, что они понесли слишком большую утрату.

На следующее утро Лона подошла ко мне и быстро прошептала:

– Смотри! Смотри, вон там, под айвовым деревом, великан, который раньше был Бланти! Смог бы ты узнать его теперь?

– Никогда, – ответил я. – Но теперь, когда ты мне сказала, что это он, мне кажется, что и впрямь это Бланти, но как бы сквозь дымку... Он так же глуп, как и прежде!

– Теперь ему придется есть эти яблоки всегда! – сказала она. – Вот что бывает с Малютками, которые не могут быть маленькими!

«В нашем мире их называли бы „взрослыми“! – сказал я про себя. – Ах, если бы только она смогла бы научить меня расти в обратную сторону... И я бы мог стать Малюткой! Смогу ли я когда-нибудь смеяться так же, как они?»

А ведь у меня был шанс, и я его отринул! Бланти и я – мы же два сапога пара! Он не мог осознать своей потери, а до меня не дошло то, что я мог бы приобрести!

Глава 14

КРИЗИС

Некоторое время у меня не было желания сильнее, чем только проводить время с Малютками. Но скоро другие помыслы и чувства начали меня беспокоить. Первым проснулось чувство, что я должен что-то изменить в происходящем – не был же я в самом деле предназначен для того, чтобы откармливать грубиянов! А вскоре меня постигла мысль о том, что я нахожусь в удивительнейшем мире и, конечно же, должен исследовать его дороги и законы; и поэтому, если я хочу вернуться в конце концов к детскому чистому мироощущению, мне придется узнать о них больше, чем они сами могли бы мне рассказать, и только тогда я мог бы считать свой долг выполненным до конца. Конечно же, не только их маленький рост был причиной их красоты, честности и чистоты. Ни в каком мире не могла быть возможной такая прямая зависимость между конституцией живого существа и его духовными качествами. Законы жизни не могут разниться настолько, что конечный результат оказался бы столь перекошенным! Но ведь Малютки не росли! Что же вмешивалось в это, кто это был? Лона казалась самой старшей среди них, и ей все еще было не больше пятнадцати, долгое время она заботилась о множестве детей, хотя сама выглядела и вела себя, как

большинство детей, которые считали ее своей матерью. Вырастут ли они когда-нибудь? Я сомневался. Время меняло только их воззрения; о своем собственном возрасте они не имели представления. Сама Лона думала, что она жила всегда! Исполненная мудрости и лишенная знаний, она была их Любовью и их Законом! Но то, что мне казалось ее невежественностью, могло оказаться на самом деле недостатком моей проницательности. Ее основной заботой было то, чтобы ее Малютки не выросли и не превратились в плохих великанов. Их «хороший великан» был не в состоянии что-либо для них сделать, не узнав лучше их чувства и помыслы, их историю, и поэтому должен был их покинуть. Они могли лишь остаться теми, кем они были до сих пор, они не собирались от меня зависеть, они по-прежнему были моими защитниками. Я не принадлежал им; мое присутствие могло принести им лишь новую угрозу, исходящую от их придурковатых соседей. Я жаждал их научить множеству вещей; но прежде мне стоило, бы самому многое понять как раз в том, чему я собирался их учить! Вне сомнения, знание делает плохих людей хуже, но оно должно же делать хороших людей лучше! Я был убежден в том, что им бы стоило выучить математику и, может быть, научиться писать; тогда они смогли бы записать чудесные мелодии, которые они мурлыкали себе под нос и тут же забывали.

Из всего этого следовало, что я должен встать и продолжить свой путь в надежде найти некоторые разъяснения о

судьбе очаровательных маленьких созданий. Мое намерение, однако, не так скоро воплотилось в действие; но оно засело у меня в голове.

Чтобы подготовить детей к моему временному отсутствию, в один из дней во время работы я сказал им, что давно бы покинул плохих великанов, если бы не любил так малюток. И тут малыши, словно сговорившись, бросились ко мне и обступили со всех сторон, они карабкались друг на друга, взбирались на дерево и падали оттуда мне на руки, и чуть меня не задушили. С тремя самыми маленькими малявками в руках, каждый из которых обнимал меня за шею, одним, прямо-таки стоящим у меня на голове, четырьмя или пятью, крепко цепляющимися за мои ноги, а остальными, цепляющимися за меня всего, и с множеством детей, перекатывающихся через все вышеописанное, я был беспомощен, будто сметенный лавой.

Поглощенные восхитительной свалкой, ни один из них не заметил моего деспота, пока он не приблизился настолько, что оказался почти рядом со мной. Они бросились врассыпную, словно мышки, дружно воскликнув: «Берегись, добрый великан!»; они попадали с меня, как дикобразы, и словно белки, они вспорхнули с меня вверх на дерево, и в тот же миг из-за круглого ствола показался плохой великан и наградил меня таким ударом палкой по голове, что я рухнул на землю как подкошенный. После дети говорили, что они завалили его «такой кучей больших яблок и камней», что тот перепу-

гался и, петляя, бросился домой.

Когда я пришел в себя, была ночь. Надо мной висело несколько неярких звездочек, ожидающих восхода луны. Я подумал, что я здесь один. Моя голова разламывалась от боли, и мне страшно хотелось пить.

Я осторожно повернулся на бок. В тот миг, когда я прикоснулся ухом к земле, я услышал шум и бульканье бегущей воды, и этот чудесный звук заставил меня застонать от жажды. Тотчас же меня окружила толпа молчаливых ребятишек, и вкуснейшие маленькие фрукты стали навещать мои губы. И, пока я не утолил свою жажду, их поток не иссякал. А затем я услышал звуки, которых никогда не слышал от них прежде; воздух был наполнен горькими тонкими всхлипами.

Я попытался сесть. Куча маленьких тел тут же поддержала мою спину. Затем я постарался встать на ноги, подпихиваемый и подпираемый Малютками, которые оказались невероятно сильными для их размеров.

– Ты должен уйти, добрый великан, – сказали они мне, – если плохие великаны увидят, что ты болен, они затопчут тебя.

– Я думаю, мне придется это сделать, – ответил я.

– Ступай и поправляйся, и возвращайся к нам снова, – сказали они.

– Я вернусь, – ответил я и сел.

– Тебе немедленно нужно идти! – прошептала Лона, которая поддерживала меня, а теперь встала передо мной на

колени.

– Я слушал около их двери, – сказал один из старших мальчиков, – и услышал, что плохой великан говорил своей жене, что видел, как ты бездельничал, болтая с белками и кротами, а когда он тебя наказал, звери попытались убить его. Он сказал, что ты – колдун, и они должны побить тебя камнями, иначе не будет им покоя.

– Я немедленно уйду, – сказал я, – и вернусь, как только я разужу, что необходимо, чтобы вы стали побольше и посильнее.

– Мы не хотим становиться больше, – очень серьезно ответили они, – мы не собираемся становиться плохими великанами! Мы сильные и сейчас, ты даже не представляешь, какие мы сильные!

Было бесполезно убеждать их в том, что не представляло для них никакой ценности! Я ничего не сказал больше, но встал и стал медленно подниматься по склону долины. Дети, немедленно образовали длинную процессию, некоторые шли впереди, некоторые помогали мне передвигаться, а остальные шли сзади. Они беспрестанно меня подкармливали, пока мы шли.

– Тебя сломали, – говорили они, – из тебя вытекло много красного сока, верни немного назад.

Когда мы достигли края долины, высокий лоб луны показался над кромкой горизонта.

– Она пришла, чтобы заботиться о тебе и указывать тебе

путь, – сказала Луна.

Я пытался выяснить, куда мне следует идти, пока мы поднимались по склону, и узнал, что была где-то обширная область, где правила юная королева-великанша. Когда я спросил, не город ли это был, они сказали, что не знают. Они не могли сказать, далеко ли это место, где оно, как зовут великаншу; все, что они знали, было то, что она ненавидела малюток, и с удовольствием избавилась бы от них, если бы смогла. А затем, когда я спросил, откуда они это узнали, Луна сказала, что она знала это всегда. Если великанша придет за ними, им необходимо будет как следует спрятаться. А когда я сказал, что пойду и спрошу у нее, за что она так ненавидит малюток, дети закричали:

– Нет, нет! Она убьет тебя, добрый великан; она убьет тебя! Она ужасная ведьма, эта великанша!

Тогда я спросил, куда же мне тогда идти. Они сказали мне, что за высохшим лесом карликовых деревьев, там, откуда приходит луна, лежит мирная зеленая страна, по ней хорошо путешествовать, там нет скал, нет деревьев. Но когда я спросил, как мне туда попасть, они ответили:

– Мы думаем, луна покажет тебе дорогу.

Они проводили меня до второй пересохшей протоки речного русла, и, когда увидели, что луна взошла, остановились и решили, что пора возвращаться.

– Мы никогда так далеко не отходили от наших деревьев, – сказали они. – Теперь смотри и запоминай дорогу, чтобы по-

том ты смог к нам вернуться.

– И берегись великанши, которая живет в пустыне, – сказала одна из взрослых девочек, когда они уже возвращались. – Я думаю, ты слышал о ней!

– Нет, – ответил я.

– Тогда берегись и не подходи к ней близко. Ее называют женщиной-кошкой. Она страшно уродлива. И она царапается!

Лишь только взрослые остановились, малыши побежали назад. Остальные внимательно и серьезно на меня посмотрели и не спеша ушли. Последней оставила меня Лона, она подняла ребенка, чтобы я мог его поцеловать; пристально смотрела в мои глаза и прошептала: «Кошка не сможет тебя обидеть...» И ушла, не произнеся больше ни слова. Я постоял немного, сквозь лунный свет глядя им вслед, затем отвернулся и с тяжелым сердцем начал, свой одинокий путь. Вскоре смех малюток догнал меня, словно звон бесчисленных овечьих колокольчиков, он журчал в воздухе и отражался от скал вокруг меня. Снова и снова я оборачивался, смотрел им вслед; они шли вприпрыжку, беззаботные добрые души... Но Лона с ребенком шла отдельно.

Я размышлял на ходу, и мне вспоминались Малютки, и кое-что из того, что я успел о них узнать.

Однажды, когда я спросил, не собираются ли они уйти вместе со мной из страны плохих великанов, чтобы найти другую, они сказали мне: «Но там мы уже будем не мы!»

Так велика была любовь этих малышей к месту, которое было их страной, так она была им необходима, так связана со всем их существованием! У них не было ни честолюбия, ни страха, ни лишений, ни жадности, у них не было повода желать каких-то перемен, ничего плохого они не знали, и, кроме их детей и меня, у них никогда не было повода о ком-нибудь позаботиться. Но вырастут ли они? И еще – с чего бы им расти? Стараясь облегчить им жизнь, не нанесу ли я им вред? И только вред? Стараясь расширить рамки их сознания абстракциями моего мира, не искажу ли я их собственные представления, не сделаю ли я слабее этих детей? Их страх перед вырастанием, как первой ступенью к превращению в плохого великана, вероятно, врожденный!

Некоторые филантропы и впрямь опасны, и если кто-то хочет постараться и помочь чем-то своим соседям, он должен прежде усвоить, как не натворить зла для них же, и первое, что он должен сделать, – вынуть бревно из своего глаза.

Глава 15

СТРАННАЯ ХОЗЯЙКА

Я путешествовал под присмотром луны. Как обычно, она была полной – другой я ее здесь не видел. Но сегодня ночью, когда она садилась, мне показалось, что я заметил на ее лице некое подобие улыбки. Когда ее нижняя кромка уже едва не касалась линии горизонта, в центре ее диска появился будто нарисованный на нем домик, сквозь открытую дверь и окно которого пробивался свет луны, и, когда я это увидел, то понял, что меня там ждут. Почти сразу вслед за этим луна села, и дом будто растаял; ночь быстро темнела; и мой путь пересекло множество рядом расположенных маленьких овражков, и я решил остаться там, где я был, и дожждаться утра. Поэтому я растянулся в песчаной ямке, и устроил себе ужин из фруктов, которыми одарили меня на прощание дети; и вскоре я заснул.

Проснулся я внезапно и увидел над собой созвездие, не известное в моем старом мире, и лежал некоторое время, рассматривая его, и тут только начал осознавать, что рядом со мной, но чуть впереди, находится кто-то; чей-то силуэт между мной и небом, и я отчетливо видел его. Оттуда, где я был (то есть из ложбинки в земле, снизу), силуэт казался больше человеческого.

Он повернул голову, и только тут я заметил, что он сидел ко мне спиной.

– Не пойти ли вам со мной? – произнес приятный, сладкий голос, несомненно, женский.

Я, честно говоря, хотел больше узнать о ней, поэтому сказал:

– Благодарю вас, – ответил я, – но мне и здесь неплохо. Куда вы хотите, чтобы я пошел? Я люблю спать на открытом воздухе.

– Да, это не вредно, – возразила она, – но создания, которые бродят по ночам в этих местах, не из тех, которых бы хотел иметь у себя под боком спящий человек.

– Меня никто не беспокоил, – сказал я.

– Нет; я ведь сижу здесь с тех пор, как вы тут пристроились.

– Это очень мило с вашей стороны! Но как вы узнали, что я здесь? Почему вы оказываете мне такое расположение?

– Я вас увидела, – ответила она, по-прежнему сидя ко мне спиной, – в свете луны, как раз когда она садилась. Днем я вижу плохо, но ночью – прекрасно. Тень моего дома накрыла вас, но обе двери, были открыты. Однако вы заснули прежде, чем я смогла до вас добраться, и мне не хотелось вас беспокоить. Люди пугаются, когда я подхожу к ним внезапно. Они зовут меня женщиной-кошкой. Но это – не мое имя.

Я вспомнил, что дети говорили мне: что она очень уродлива и царапается. Но ее голос был приятен, и говорила она

так, словно извинялась; она не может быть плохой великаншей!

– От меня вы этого не услышите, – отозвался я. – Скажите, как мне будет позволено вас называть?

– Когда вы узнаете обо мне больше, назовите меня тем именем, которое вам покажется наиболее подходящим мне, – ответила она. – Это позволит мне узнать, что вы за человек. Люди редко называют меня правильно. И это хорошо, когда им все-таки удается.

– Я полагаю, мадам, вы живете в доме, который я видел на фоне луны, в ее центре?

– Да. Я живу там одна, но иногда у меня бывают гости. Это жалкий домик, но я делаю все, что могу для своих гостей, и иногда им удается сладко поспать там.

Ее голос проникал в меня и я чувствовал себя странно спокойно.

– Я пойду с вами, мадам, – сказал я, вставая.

Она тотчас встала и, ни разу не оглянувшись, пошла впереди меня, указывая мне путь. Я мог видеть ее достаточно для того, чтобы не сбиться с дороги. Она была выше меня, но не такая высокая, как мне показалось вначале. То, что она ни разу не показала мне свое лицо, меня заинтриговало, но не напугало – ее голос был таким честным! Но как же мне в голову придет то имя, которым мне следует ее называть, если я ни разу так ее и не рассмотрел? Я старался двигаться неподалеку от нее, но зря – как только я ускорял свои шаги,

спешила и она, и легко оказывалась далеко впереди. Наконец, я даже слегка испугался.

Почему она так старается остаться вне поля моего зрения? Может быть, тому причина – необыкновенная уродливость? Вероятно, она боится напугать меня! Страх перед невообразимым уродством начал подкрадываться ко мне: не шел ли я сквозь мрак в сопровождении безмолвного ужаса? Я уже почти раскаялся в том, что решил воспользоваться ее гостеприимством.

Никто не произносил ни слова, и молчание становилось невыносимым. Я должен был его нарушить.

– Я хочу найти дорогу, – сказал я, – к месту, о котором я слышал, но названия его я не знаю. Может быть, вы мне его скажете?

– Опишите его, и я укажу вам дорогу. Глупые Мешки ничего не знают, а маленькие легкомысленные Дружочки забывают почти все.

– А где они живут, те, о которых вы говорите?

– Да вы ведь только что от них пришли!

– Я не слышал раньше этих имен.

– И не услышите. Никто из людей не знает своего настоящего имени!

– Странно!

– Может, и так! Но тяжелехонько было бы кому-то где-то узнать свое настоящее имя! Множество утонченных джентльменов выпучили бы глаза, если бы кто-то обратился

к ним по их настоящему имени!

Я хранил молчание, начиная беспокоиться о том, каким может оказаться мое собственное имя.

– А как вам кажется, каким может оказаться ваше имя? – продолжала она, словно подслушав мои мысли. – Впрочем, простите меня, это ведь не имеет никакого значения.

Только я открыл рот, чтобы ответить ей, как обнаружил, что мое имя во мне скончалось. Я не мог вызвать в памяти даже его первую букву! И это было уже во второй раз, когда меня спросили о моем имени, а я не смог ответить!

– Не берите в голову, – сказала она, – это никому не нужно. Ваше настоящее имя, конечно же, написано у вас на лбу, но в настоящее время оно там так вертится, что прочесть его никто не сможет. Я, конечно, предприму некоторые шаги для того, чтобы оно там несколько устоялось. Скоро оно будет вертеться потише, и, я надеюсь, в конце концов усядется.

Это меня напугало, и я промолчал.

– Малютки говорили мне, – сказал я, наконец, – о какой-то дружелюбной зеленой стране, по которой приятно путешествовать!

– Да ну? – спросила она.

– Еще они говорили мне о девушке-великанше, которая где-то там королева: это ее страна?

– В этой заросшей травами стране есть город, – ответила она, – и там есть женщина, и она там принцесса. Город называется Булика. Но конечно же, принцесса – не девуш-

ка! Она старше этого мира и пришла в него из вашего – с какой-то ужасной историей, которая до сих пор не закончилась. Она – злое существо, и правит вместе с Принцем Сил Воздуха. Жители Булики были прежде простыми крестьянами, они возделывали землю и пасли овец. Она пришла к ним, и они приняли ее с радушием. Она научила их копать землю в поисках бриллиантов и опалов и продавать их чужеземцам, и это заставило их оставить пашни и пастбища и построить город. Однажды им встретилась огромная змея и они убили ее, и это ее так взбесило, что она объявила себя их принцессой и стала их ужасом. В то время эта земля называлась Землей Многих Вод, так как тогда те сухие русла, через которые вы переходили, было переполнены живыми потоками живых вод, а долина, та самая, где сейчас у Мешков и Дружочков растут фруктовые деревья, была озером, которое занимало большую ее часть. Но нечестивая принцесса собрала в свой подол все воды, до которых смогла дотянуться, со всей страны, заперла их в яйцо и унесла прочь. Однако в ее подол влезла едва половина вод, и в тот момент, когда она уходила, все, что ей не удалось прихватить с собой, ушло под землю, и страна осталась такой же сухой и пыльной, как и сердце принцессы. Если бы под землей не осталось воды, все живое погибло бы в те далекие времена. Ведь там, где нет воды, не идет дождь, а там, где не идет дождь, не наступает весна. С тех самых пор принцесса живет в Булике, держа его обитателей в постоянном страхе, и делая все для того, чтобы

они не плодились. Пока что они хвастаются и полагают себя процветающим и самодовольным народом, ловким в ведении сделок и в покупках, продажах и мошенничествах, они поддерживают друг друга в общих интересах, и чрезвычайно вероломны тогда, когда их интересы сталкиваются, гордятся своими деяниями и мощью своей принцессы и презирают всех, кто лучше их самих, никогда не сомневаются в том, что они – благороднейшая из наций, и каждый ее отдельный представитель считает себя лучше всех прочих. Мету же их испорченности и тщеславия не может оценить никто из тех, кто не был там и не видел, во что могут превратиться живые создания, обманутые негодным правителем.

– Я благодарю вас, мадам. А теперь не будете ли вы столь любезны и не расскажете ли мне что-нибудь о Малютках – дружочках? Они долго заботились обо мне. Кто они, или что из себя представляют? И как они тут оказались? Эти дети – большее из чудес, которые повстречались мне здесь, в этом мире, который сам по себе чудесен.

– В Булике вам могли бы пролить немного света на этот предмет. Один древний стих в дворцовой библиотеке сказал мне (естественно, никто там не смог бы его прочитать), и это явственно видно из тех строк, что, когда Дружочки пройдут сквозь многие беды, и узнают, наконец, свое собственное имя, они заполнят страну, и великаны будут служить им.

– К тому времени они ведь вырастут немного? Или нет? – сказал я.

– Да, они подрастут, но все-таки не вырастут. Можно вырасти и не стать взрослым, можно чуть подрасти, а можно – очень, и все в одно и то же время, то есть стать старше из-за того, что не стать более взрослым!

– Странные эти ваши слова, мадам! – возразил я. – Но, я слышал, говорят, что некоторые слова из-за того, что слишком много значат, кажутся пустыми!

– Это правда, и поэтому эти слова будут когда-нибудь поняты. Было бы хорошо, если бы принцесса Булики прислушалась к тому, о чем взывает к ней ежедневно с утра до вечера само молчание здешних земель. Но она далеко не так умна, чтобы что-то разобрать.

– Тогда, я полагаю, когда дружочки подрастут, вода вернется на их земли?

– Не совсем так. Когда они действительно возжаждут, тогда они получают воду, а когда они получают воду, они вырастут. Чтобы расти, им нужна вода. И она уже течет – там, внизу.

– Я дважды слышал эти воды, – сказал я, – однажды, когда я лежал и дожидался луны – а когда я проснулся, светило солнце! А в другой раз, когда я лежал избитый до полусмерти плохими великанами, и оба раза я слышал голоса в воде, и оба раза они меня излечили.

Женщина ни разу не повернула головы и держалась все время чуть впереди меня, но мне было слышно каждое слово, которое слетало с ее губ, и ее голос сильно напоминал

мне голос женщины в доме смерти. Большую часть того, о чем она говорила, я не понимал, и, следовательно, не мог и запомнить. Но я забыл, что я когда-то ее боялся.

Мы шли и шли, и пересекли широкую полосу песка, прежде чем добраться до дома. Его фундамент стоял в глубоком песке, но я заметил, что под ним – скала. С виду дом напоминал дом могильщика, но стены его были толще. Дверь, тяжелая и крепкая, немедленно открылась в большую голую комнату, в которой было два маленьких окна одно напротив другого. Окна были без стекол.

Хозяйка вошла первой в открытую дверь, из которой лился лунный свет, и сразу прошла в самый дальний конец, взяла ткань, длинный белый кусок ткани с пола, и обмотала ею свою голову и лицо. Затем она закрыла вторую дверь, через которую проникал свет луны, зажгла маленький фонарь, который стоял на камине, и повернулась, чтобы встретить меня.

– Вы желанный гость здесь, мистер Уэйн, – сказала она, обратившись ко мне по имени, которое я забыл. – Прием, оказанный вам, будет скуден, но, так как ночь еще не прошла, а день не близок, лучше вам быть по эту сторону порога. Здесь вы будете в безопасности, а небольшая нужда лучше, чем большие невзгоды.

– Искренне признателен вам, мадам, – ответил я, – но, так как вы знаете то имя, которое я не смог вам назвать, не могли я узнать ваше?

– Меня зовут Мара, – ответила она.

Мне вспомнился могильщик и маленькая черная кошечка.

– Некоторые люди принимают меня за жену Лота, плачущую над Содомом, а некоторые думают, что я – Рахиль, оплакивающая своих детей, но я ни та, ни другая.

– И снова благодарю вас, Мара, – сказал я. – Могу я отдохнуть здесь, на полу, пока не придет утро?

– Поднимитесь по этой лестнице, – ответила она. – Вас ждет кровать, на которой некоторым удастся отдохнуть лучше, нежели они предполагают, а некоторые просыпаются всю ночь и спят весь следующий день. Это не слишком удобно, но это лучше, чем песок; к тому же гиены не унюхают вас здесь!

Лестница, крутая и узкая, поднималась прямо из комнаты на чердак, большой и нештукатуренный, с одним широким и низким слуховым окном. Под наклонной крышей стояла узкая кровать, и от вида ее, накрытой белым покрывалом, меня пробрала дрожь, так ярко она напомнила мне ложа в палате смерти. На столе лежал сухой хлеб, рядом с ним – чашка холодной воды. Долгие месяцы я не ел ничего, кроме фруктов, и сейчас для меня это было просто лакомство.

– Когда наступит темнота, я должна буду вас покинуть, – произнесла хозяйка откуда-то снизу. – Этот фонарь у меня только один, и мне сегодня ночью необходимо кое-что сделать.

– Это не имеет никакого значения. Я благодарю вас, мадам, – ответил я. – Поесть и попить, лечь и заснуть – это вещи, которыми вполне можно заняться в темноте.

– Усните с миром, – сказала она.

Я съел хлеб, до капли выпил воду и улегся. Кровать была жесткой, покрывало тонким и слишком маленьким, а ночь – холодной: мне снилось, что я сплю в палате смерти, между воином и леди с заживающей раной.

Я проснулся посреди ночи, как мне показалось, разбуженный ревом диких животных.

«Я полагаю, существа, живущие в пустыне, вынюхивают меня», – сказал я себе, и, зная, что я в безопасности, собрался заснуть снова. Но в этот миг грубое рычание, переросло в вой у меня под окном, и я спрыгнул с кровати затем, чтобы посмотреть, что за зверь издает эти звуки.

Перед дверью дома в свете полной луны стояла спиной ко мне высокая женщина, одетая в белое. Она наклонилась над большим белым зверем, похожим на леопарда, похлопывая и поглаживая его одной рукой, в то время как другой она показывала на лунную дорожку к небесам, что было примерно перпендикуляром к линии горизонта. Внезапно существо выскользнуло из ее рук с ошеломившим меня проворством в указанном выше направлении. Мгновение мои глаза следили за ним, затем я попытался найти женщину, но она ушла, и мне так и не удалось увидеть ее лицо! Снова я посмотрел на зверя, но... Показалось ли мне, или я на самом деле увидел

где-то вдали белое пятнышко? Что это значит? Куда и зачем она послала это чудище-кошку? Меня пробрала дрожь, и я отправился назад, в постель. И тут я вспомнил, что, когда я отдыхал на краю песчаной ложбины, луна заходила, а теперь она снова была здесь, несколькими часами позже, сияющая во всей своей славе! «Что-то здесь не так, – сказал я себе, – даже с движением небесных тел!»

Впоследствии я узнал, что тот мир освещали несколько лун, но законы, по которым они двигались по небосклону и то, чем отличались их орбиты, мне так и не довелось исследовать.

И снова я заснул, и в этот раз спал спокойно.

Когда утром я спустился вниз, меня ждал хлеб и вода, и хлеб был таким большим, что я съел едва половину. Хозяйка сидела рядом со мной закутанная, пока я насыщался, закончив таким образом мой долгий пост. Когда я вошел, она поздоровалась и с тех пор не произнесла ни слова, пока я не попросил ее рассказать мне, как попасть в Булику. Она сказала мне тогда, чтобы я шел по берегу речного русла до тех пор, пока оно не исчезнет; затем забирать вправо до тех пор, пока я не окажусь в лесу, в котором мне следовало провести ночь, но из которого мне необходимо убраться до того, как взойдет луна. Придерживаясь того же направления, сказала она, я достигну бегущего потока, который мне надо пересечь под большим углом, и дальше идти прямо до тех пор, пока я не увижу на горизонте город.

Я поблагодарил ее и рискнул заметить, что, выглянув ночью в окно, я был потрясен тем, как хорошо ее понимает ее посыльный, который может столь быстро и безоговорочно проследовать в указанном ею направлении.

– Если бы вы дали мне в проводники такого вот зверя... – продолжал я, надеясь узнать что-то о том деле, за которым она его послала, но хозяйка перебила меня словами:

– Она отправилась в Булику – кратчайшим путем.

– Она выглядела такой умной!

– Астарта знает свое дело достаточно для того, чтобы его можно было ей доверить, – ответила она.

– Есть ли у вас еще посланники, подобные этой?

– Столько, сколько я призову.

– Их тяжело учить?

– Их не надо учить. Они все одной породы, но ни один из них не похож на другого. А их происхождение столь естественно, что вам оно может показаться невероятным.

– Я не смогу это понять?

– Одно из них впервые пришло ко мне этой ночью. Его родиной была ваша собственная голова. Это случилось, пока вы спали.

Я засмеялся.

«Кажется, все в этом мире любят загадки! – сказал я себе. – Некоторые мои случайные слова содержат фантазии, и, пользуясь ими, она строит догадки».

– Тогда это создание – мое! – воскликнул я.

– Вовсе нет! – ответила она, – Что-то может быть нашим только в той действительности, в которой это наше является значимым.

«Ха! Опять метафизика!» – отметил я про себя, но промолчал.

– Могу я взять то, что осталось от хлеба? – спросил я чуть погодя.

– Но вам не надо больше сегодня, – возразила она.

– Но, может, завтра понадобится! – возразил я.

Она встала и пошла к двери, говоря на ходу:

– Что вам завтра? Но вы можете взять его, если хотите.

Она открыла дверь и стояла, придерживая ее. Я встал, взял хлеб, но задержался, страстно желая увидеть ее лицо.

– Что же, я могу идти?

– Никто не спит в моем доме две ночи подряд! – ответила она.

– Что ж, я благодарен вам за ваше гостеприимство и желаю вам всего хорошего! – сказал я и собрался идти.

– Придет время, и вы проведете со мной много дней и много ночей, – грустно прошептала она сквозь свою накидку.

– Охотно, – ответил я.

– О, нет, не охотно! – ответила она.

Про себя я подумал, что она права – вряд ли с большой охотой я стал бы ее гостем во второй раз. Но я туг же почувствовал упрек в своем сердце, и я с неохотой перешагнул порог и еще раз обернулся.

Она стояла посреди пустой комнаты, и ее белые одежды, будто вспенившиеся волны, лежали у ее ног, и я увидел, наконец, ее лицо. Оно было прекрасно, как звездная ночь. Ее огромные серые глаза смотрели в небо, и по ее бледным щекам текли слезы. Она сильно напоминала мне жену могильщика, несмотря на то, что та выглядела так, будто не плакала уже тысячи лет, а эта – так, будто плакала постоянно там, среди своего белого одеяния. И что-то еще было в этих плачущих глазах, что-то, что словно бы говорило: «Ночь – для плача, но утром придет счастье».

Я наклонил голову ненадолго, поклоном пытаюсь попросить у нее прощения, и, поднимая голову, обнаружил себя уже вне дома, у которого не было дверей. Я обходил его кругом раз за разом, но так и не нашел входа.

Я остановился под одним из окон и чуть было вслух не произнес слова раскаяния, когда внезапный крик, воющий вопль достиг моих ушей, и мое сердце замерло. Что-то вылетело из окна над моей головой и вспыхнуло где-то далеко от меня. Я обернулся и увидел огромную серую кошку. Шерсть на ней стояла дыбом, она неслась через речное русло. Я упал лицом в песок, и мне показалось, что я, услышал где-то в доме чей-то кроткий плач. Кто-то страдал, но не раскаивался.

Глава 16

УЖАСНЫЕ ТАНЦЫ

Я поднялся затем, чтобы продолжить свои странствия, и прошел множество пустынных миль. Так я добрался до скалы, или просто высокого утеса, на вершине которого смог осмотреться. И увидел лишь мрачные пространства, пересохшие каналы и осыпающиеся ложбины. Чье предвидение все еще вело меня? Что-то, что внутри человека, а не то, что лежит за пределами его видения, есть основная причина всех неприятностей, которые с ним происходят, извне на него воздействуют обычно случайные вещи. Предвидение не есть понимание, ведь тогда, несомненно, дар пророчества в человеке чаще бы проявлялся!

Солнце было на полпути к горизонту, когда я увидел впереди морщинистый горный склон; но прежде, чем я достиг его, мое желание карабкаться на него иссякло, и мне страстно захотелось отдохнуть. К этому времени солнце почти уже село, и в воздухе сгустилась темнота. У моих ног лежал мягчайший, зеленый ковер из мха – королевское ложе! Я разлегся на нем, и усталость, наконец, отпустила меня, и вот моя голова склонилась, еще секунду спустя я услышал шум многих вод где-то под собой, играющих короткие отрывки и неземные созвучия мертвыми камнями, похороненными

в осыпавшихся каналах. Прекрасный хаос музыкальной ткани арфы вод поднимался и достигал моих ушей! Что мог бы сделать Гендель с этим превращающимся журчанием и колокольчиковым капанием, смешивающимися и взаиморазрушающимися мелодиями с общим припевом!

Лежа и слушая, я рассматривал горный склон, нависший надо мной, читая на его лице то, что было написано на нем века назад водопадами, наполнявшими каналы, которые лежали у его основания. Мое сердце переполнялось восторгом, когда я думал о том великолепном грохоте воды, когда волны весело и беспомощно танцуют, низвергаясь и собирая всю свою музыку в едином органном реве – там, внизу. Но вскоре невидимые ручьи убаюкали меня, и их колыбельная смешалась с моими снами.

Я проснулся раньше восхода и немедленно вскарабкался наверх, чтобы увидеть, что там, вдали. Увы, ничего, кроме пустыни бесконечных песков! Ни один след не покидал реку, которая когда-то низвергалась со скал! Крошащийся камень наполнил ее почти до уровня угрюмой равнины, окружающей ее берега.

Оглянувшись, я увидел, что река разделяется на два потока, по берегу одного из них я сейчас спускался к подножию скалистой осыпи и этот поток – тот, который я пересек первым, когда попал в Лес зла. Лес я рассмотрел тоже – он был между двумя ручьям где-то очень далеко. Налево от меня, насколько хватало глаз, простиралась пустыня, но далеко

справа я разглядел некую приподнятость на линии горизонта, и это дарило мне надежду достичь-таки леса, в который направила меня моя хозяйка.

Я присел и нащупал в кармане половину хлеба, который я прихватил с собой, и тут впервые понял, что имела в виду хозяйка, когда говорила мне об этом хлебе. Воистину, этот хлеб не годился для какого-то там «завтра», он уменьшился вполовину и стал твердым, как камень! Я выбросил его и продолжил свой путь.

Около полудня я подошел к нескольким тамарискам и можжевельникам, а чуть погодя – к двум низкорослым пихточкам. Дальше по пути мне повстречались и густые чащи, и высокие пихты, и наконец я оказался в таком же лесу хвойных и других деревьев, в котором Малютки находили своих младенцев, и уверился в том, что я вернулся к следующей порции того же самого. Но что значит «где», когда «езде» – то же самое, что «нигде»! И только делая что-то в этом «нигде», я могу превратить это в «где-то»! Я еще не был живым, мне только снилось, что я жив! Я был словно наблюдатель, находящийся в бессознательном состоянии! Правда, я не был чем-то другим и в том мире, который я оставил, но теперь я об этом знал! Я сказал себе, что, если в этом лесу я найду сверкающий отблеск зеркала, необходимо как-нибудь неожиданно для себя не угодить в ловушку и не вернуться к своему прежнему существованию: здесь я должен стать кем-то, который делает что-то! Я даже не мог думать

о том, чтобы вернуться назад с такой кучей неоконченных начинаний. Малютки должны узнать, какая судьба им предназначена, злая ведьма, которую я никогда не встречу, мертвые, которые будут дозревать и вставать – без меня... И мне нужно всего лишь проснуться для того, чтобы понять, что я спал и что всех моих путешествий не было. Лучше мне идти и идти и идти, нежели вот так вот все это закончить.

Я глубоко погрузился в лес, я устал и собирался в нем отдохнуть.

Деревья здесь были больше и стояли более правильно, почти геометрически точно, таким образом, что между ними оставались большие пространства. Подлесок был невысок, и я далеко видел в любом направлении. Лес был похож на огромную церковь, торжественную, тихую и пустую, ибо я никого не встретил за весь день – ни двуногого, ни на четырех лапах. Правда, время от времени что-то быстро, а иногда медленно пересекало то пространство, на котором в это время останавливался мой взгляд, но это всегда происходило на некотором расстоянии и только обостряло ощущение пустоты и простора. Я слышал пение нескольких птиц и видел множество бабочек, некоторые из них были удивительно ярко и пестро расцвечены, а некоторые были ослепительно белыми.

Я пришел туда, где сосны несколько раздвинулись и уступили место цветущим кустарникам, и, в надежде на то, что рядом окажется какое-нибудь жилище, я выбрал направле-

ние, в котором было все больше и больше цветущих розовых кустов, ибо я до смерти хотел увидеть лицо или услышать голос кого-либо подобного мне, любую живую душу, конечно, не только человека, просто любого, кого мне удалось бы каким-нибудь способом понять. Какой же чертовский ужас, думал я, бродить в одиночестве по голой действительности, никогда не выходящей из себя, никогда не расширяющей свою жизнь до пределов другой жизни, но, связанной веревками собственной убогой особенностью, прозябающей вечным узником в темнице собственного существования! Я начал понимать, что кто-то не может жить в одиночестве – его всегда спасает присутствие кого-то еще, – а теперь почувствовал, что увы, бывает. Бывает только зло, без добра! А эгоизм – лишь паразит на дереве жизни! В своем мире я любил петь в одиночестве, здесь же ничего, кроме тихого шепота, не покидало моих губ. Там я пел, не размышляя, а здесь я думал и не пел! Там у меня не было близких друзей, здесь же привязанность идиота показалась бы мне божьей милостью. «Ах, если бы у меня была здесь хотя бы собака, чтобы я мог ее любить!» – вздохнул я и с большим удивлением взгляделся в собственную прошлую душу, которая предпочитала компанию книг или пера живым мужчинам и женщинам, которая, если бы вдруг появился здесь автор той сказки, пребывать в которой я имел удовольствие, желала бы, чтобы тот удалился, чтобы иметь возможность вернуться в его историю. Живому я предпочитал мертвое, глупое – разумному. «Любой

человек, – сказал бы я теперь, – больше, чем величайшая из книг!» Я не заботился о своих живых братьях и сестрах, а теперь моим утешением не могло быть даже общество мертвых.

Лес стал еще более тонким, сосны стали выше, их огромные стволы вздымались вверх, подобно колоннам, словно стремящимся достичь небес. Появилось множество других деревьев, лес стал богаче! Розы теперь больше походили на деревья, и их цветки были изумительно великолепны.

Внезапно я увидел что-то, что показалось мне огромным домом или замком; но его очертания были странно неотчетливы, я не был уверен, что это не просто случайное сочетание древесных стволов и их теней. Я подходил ближе, линии, образовавшие их, держались вместе, но ни они сами, ни то, что они составляли, не становилось более отчетливым, и, когда в конце концов я оказался с этим чем-то нос к носу, я, как и прежде, продолжал сомневаться в том, что оно из себя представляет. Нет, несомненно, это был не дом и не замок, в котором жили люди. Должно быть, это были руины, заросшие розами и плющом! Все здание было укрыто листвой, и даже крохотного кусочка стены не удалось мне разглядеть. Снова и снова мне казалось, что я пойму, чем могло бы быть это здание, но снова и снова при ближайшем рассмотрении впечатление пропадало.

Может ли быть, подумал я, что плющ окутал огромное здание и поглотил его, и разрушает, и его переплетенные вет-

ви поддерживают уже лишь тени стен, которые превратились с ним в одно целое? Я мог быть уверен, что оттуда ничего не появится.

Передо мной было прямоугольный проход – призрак дверного проема без двери; я прошел через него и оказался среди большого открытого пространства, похожего на большой зал с полом, заросшим травой и цветами; а потолок и стены покрывали плющи и винограды, переплетенные с розами.

Вряд ли я найду лучшее место, чтобы провести ночь! Я собрал кучу сухих листьев, сложил их в углу и улегся на них. Красный закат заполнил зал, ночь была теплой, а мое ложе успокаивало. Я лежал, глядя на живой потолок с узором из сучьев и веточек, с облаками листвы, через которые проглядывали кусочки высоченного потолка. Мой взгляд с трудом пробирался сквозь все это, будто увязая, до тех пор, пока не село солнце и небо стало темнеть. И тогда красные розы стали темными, и вскоре я мог разглядеть только желтые и белые. А когда исчезли и они, их место, заняли звезды, они расцвели в листве, словно живые топазы, они пульсировали, искрясь и вспыхивая разными цветами: меня укрывало дерево из пещеры Аладдина!

Затем я обнаружил, что там полно гнезд, откуда выглядывали крохотные, почти неразличимые головки, они высывались оттуда, разок-другой чирикали и снова исчезали. Некоторое время они шуршали, двигались и немного

молились; но, когда сгустилась темнота, маленькие головки успокоились, и, наконец, каждая пернатая мама спрятала свой притихший выводок под своими крыльями, разговоры в крошечных кроватках прекратились, и Бог птичьей детской комнаты смог отдохнуть в волнах их снов. И еще несколько раз крылатое существо привлекало мое внимание: где-то наверху сыч переплывал зал. Я видел только проблеск где-то вверху, но несколько раз он пролетал так близко, что я чувствовал ветер от его крыльев. Мамы-птицы не двигались, они знали, что ему нужна мышь, а не их дети.

Около полуночи меня насторожил негромкий веселый шум и я проснулся. Близко это было или далеко, но оно утихло. Мои глаза были так ослеплены, что некоторое время я вообще ничего не видел, но наконец зрение вернулось ко мне.

Я лежал на моих сухих листьях в конце чудесного зала. Передо мной была толпа великолепно одетых мужчин и женщин, одетых изящно. Никто из них меня, казалось, не замечает. Танцем, одним за другим, они неявно рассказывали историю своей жизни, своих встреч, страстей, прощаний. Шекспировский студент, я знал что-то о движениях каждого из танцев и, следовательно, мог частично понять несколько из тех, что сейчас видел – менуэт, павана, коранта, лаволта. Танцоры и одеты были по-старинному, под свои танцы.

Пока я спал, взошла луна; она светила сквозь бесчисленные окна в потолке, но этот свет пересекало такое количество теней, что вначале я не мог разобрать почти ничего на

лица танцоров; я не мог упустить, однако, то, что некоторая разница между ними есть: я встал, чтобы лучше их разглядеть – о, небеса! Я сказал, что у них есть лица? Черепа! Тяжелые, блестящие кости, обнаженные челюсти, разбитые носы, зубы без щек, которым уже никогда не удастся принять посильное участие в какой-либо из улыбок! Некоторые из них были стиснуты, белые и смертоносные, остальные были тронуты гнилью, многих не хватало; ломаные, цвета земли, в которой они проводили большую часть времени. Все еще жуткие, впадины глаз не были пустыми, в каждой из них, не прикрытый веками, был живой глаз! На этих останках лиц светились или сверкали, или искрились глаза всех цветов, форм и с любым выражением. Красивые, гордые глаза, темные и блестящие, снисходительные ко всему, на чем они останавливались, – что может быть ужаснее? Прекрасные, томные глаза, более отталкивающие, чем недалекие, грустные глаза, и утрачивающие выражение, когда закатываются, были чрезвычайно печальны и возмущали сердце против ходячего кошмара, которому они принадлежали.

Я встал и подошел к призракам, страстно желая узнать что-то об их жизни и о том, чему они принадлежат. Души ли это чьи-то, или и они, и их равномерные движения лишь нечто невзаправдашнее, то, что произошло когда-то? Ничем: ни взглядом ни жестом, ни легкой дрожью, пробежавшей по их рядам, – они не выдали то, что знают о моем приближении – я был для них не настоящим; но как же они знакомят-

ся друг с другом? Конечно, они видят своих партнеров так же, как их вижу я! Или каждый из них только снится себе и остальным? Знает ли каждый, каким видят его другие – мертвым и с живыми глазами? Может, они используют свои лица не для того, чтобы общаться, не для того, чтобы выражать мысли и чувства, не для того, чтобы разделить участь ближнего, но лишь для того, чтобы явиться такими, какими им захотелось, и скрыть то, какие они есть на самом деле? И, превратив свои лица в маски, и, следовательно, лишившись вместе с маской лица, может, они были приговорены жить без них, пока не раскаются?

«Сколько же им придется вот так выставлять напоказ свою безликость – к тому же глазам без лиц? – удивился я. – Сколько еще будет длиться это чудовищное наказание? Смогут ли они в конце концов полюбить и станут ли мудрее? Неужели они все еще не расплатились за бесчестье, постигшее их?»

Я не слышал ни слова, не заметил движения ни одного обнаженного рта. Потому ли это, что они лишены дара речи? Глазами они говорили так, словно они отчаянно хотели быть понятыми: было ли это правдой, или обманом; то, о чем говорили их глаза? Казалось, они знают друг друга, кажется ли им один череп – красивым, а другой – простоватым? Разница здесь все же была, а у них было время узнать о черепках достаточно много.

Мое тело не было преградой для них; был ли я – телом, а

они только видимостью? Или я был лишь тень, а они были настоящими? В какой-то момент один из танцоров подошел ко мне совсем близко, и тут же он (или она) уже был с другой стороны меня, и, если можно так сказать, был ли то мужчина, или женщина, но они прошли сквозь мою скорлупу.

Многие черепа сохранили волосы и, несмотря на то, что они были собраны в прически или казались им самым красивыми, мне казались жуткими – эти волосы на костях лба и на висках. Если снаружи сохранилось и ухо, то на мочке уха была подвешена ушная драгоценность (как называют их Сидней), блестящая и мерцающая, либо сверкающая; жемчужина, опал или бриллиант в ночи каштановых или черных локонов; в ряби золотого восхода или в бледном лунном свете, в завитках, мягких, как пушистый мох, и все это – на белоснежных или грязно-желтых голых костях черепа. Я смотрел вниз и видел чей-то изящный подъем, смотрел вверх – и видел пухлые плечи, берущие начало от круглой полной шеи, которая примерно на половине своей высоты плавно превращалась в провал голого черепа.

Музыка стала дикой, они кружились все быстрее и быстрее, глаза сверкали и вспыхивали, подмигивали и блеснули драгоценности, отбрасывая цветные блики на скалящихся танцоров, скользящих по зале, сплетающихся в жутком ритмическом реве лабиринта из множества движений, когда внезапно настала пауза и все глаза уставились в одну точку – в дверном проеме стояла женщина. Ее формы были без-

упречны, она хорошо сохранилась, цвет ее лица был свежим; она рассматривала компанию, словно богиня с пьедестала, пока танцоры стояли навтыжку, будто обмороженные смертью, которая увидела убитую ею жизнь. «Мертвые вещи, я – живая!» – говорил ее презрительный взгляд. И тут, наконец, словно листья, между которых пробежал быстрый ветерок и разбудил их, они повернулись друг к другу и снова погрузились в гармонию мелодичного движения, и новое выражение их глаз (прежде их выражения были различными) теперь наполнилось торжеством общего триумфа. «Ты тоже, – казалось, говорили они, – скоро увянешь и станешь такой же немочной, как мы! Твое увядание будет таким же, как наше!» Я снова повернулся к женщине – и увидел сбоку от нее маленькую блеклую тень.

Казалось, она поняла, почему изменились взгляды мертвых, она посмотрела вниз, она поняла говорящие глаза; она прижала обеими своими прекрасными руками эту тень, придушенно всхлипнула и убежала. Птицы зашебуршились в своих гнездах, и вспышка удовольствия сверкнула в глазах танцоров, когда внезапный порыв теплого ветра, который набирал силу, пронизывая пространство, сдул все огни. Но низкая луна все еще мерцала над горизонтом и наблюдала с болезненным любопытством; и мутное сияние все еще светилось в таком количестве глаз, что я прекрасно рассмотрел то, что произошло после.

Каждая тень была окутана словно бы снежным покрыва-

лом, и они стали распадаться на кусочки, сдуваемые потоком теплого ветра. Тонкими хлопьями вышелушивались тела со своих костей, одежды стекали вниз, как грязный снег, дрожа ошметками и полосками, и белые скелеты, освобожденные и от одежды, и от собственных тел, стояли, голые и дряблые, среди разбросанных по полу гниющих останков. Слабый дребезжащий трепет пролетел по обнаженному обществу и, пара за парой, светящиеся глаза покинули зал; вокруг меня сгустилась темнота, и я остался один. На мгновение шелохнулись листья – все в одном направлении, затем ветер стих, и в тихую ночь куда-то бесшумно пролетела сова.

Я-то испугался вовсе не на мгновение. Это правда, что кто бы ни пересекал порог любого мира, должен оставить страх за этим порогом, но я, к сожалению, не могу этим похвастаться. Никакая сознательная, особенная храбрость во мне не просыпается, мне просто не страшно. Я не знаю, ни почему я не боюсь, ни даже почему, собственно, я должен бояться. Я опасаясь даже не самого страха – просто мне нужно знать, какая из опасностей наибольшая.

Я вернулся в лес, чтобы наконец продолжить свое путешествие. Взошла другая луна, и я обернулся к ней.

Глава 17

АБСУРДНАЯ ТРАГЕДИЯ

Я и десяти шагов не прошел, когда заметил странного вида предмет, и подошел поближе затем, чтобы узнать, что бы это могло быть. Это была подгнившая старинная карета, дряхлая, но вполне еще способная устоять на своих тяжелых колесах. С каждой стороны дышла, каждый на своем месте, лежали скелеты лошадей, и от их мрачных голов к руке скелета-кучера в рванине, в которую превратилась его ливрея, тянулась пара сморщенных поводьев. Обе двери кареты отвалились, внутри сидели еще два скелета, откинувшись каждый к своей стенке.

Пока я смотрел, они начали просыпаться, и, скрежеща костями, каждый выпрыгнул из ближайшей к нему дверцы. Один упал и не вставал, другой постоял немного, его составляющие опасно тряслись, а затем с трудом, так как его суставы одервенели, пополз, цепляясь за задок кареты, на противоположную сторону на тонких костях ног, которые, казалось, едва несли на себе весь его вес. Там он, склонившись над другим скелетом, попытался поднять его, сам чуть не падая при каждой попытке.

Тот, распростертый, наконец, поднялся, так, словно у него внезапно получилось, в сидячее положение. Несколько се-

кунд он вертел своим желтоватым черепом из стороны в сторону, а затем без помощи соседа встал, ухватившись за спицы заднего колеса. Таким вот образом полувыпрямившись, он стоял спиной к другому, с руками, сложенными на сведенных коленях. С несколько меньшим усилием и не так сильно вихляясь, поднялся и тот, что стоял на коленях, и обратился к своему спутнику.

– Вы поранились, мой господин? – сказал он отдаленным, нечленораздельным голосом, будто принесенным откуда-то призрачным ветром.

– Да, так оно и есть. – ответил ему другой, похожим голосом, но грубее. – Вы ничего не сделали, чтобы помочь мне, и я выбил колено.

– Я старалась, мой господин.

– Да, несомненно, миледи, но получилось плохо. Я думал, мне уже никогда не удастся найти свою ногу! Но, клянусь душой, мадам! Вы в одних костях!

Она бросила на себя беглый взгляд.

– У меня нет больше ничего, в чем я могла бы выйти, – возразила она. – Знаете, по-моему вам не стоит жаловаться! Но что это может значить на этой земле? Сплю я, что ли?

– Может, вы и спите, мадам, я не могу сказать точно, но это колено не позволяет мне быть благодарным за эту иллюзию. Ха! Смотрите-ка, у меня тоже не нашлось ничего, кроме костей, чтобы выйти! Однако, это не очень-то подходит мужчине! Клянусь милосердием, это не мои кости! Каждая

из них болит больше, чем другая, а эта коленка – больше, чем все остальное! Постель, должно быть, была слишком сырой, а я – слишком пьян, чтобы это заметить.

– Очень может быть, мой кокаиновый лорд!

– Что-что? Вы пытаетесь заставить меня думать, что и мне все это снится – и боль, и все остальное? Откуда вам-то знать, что я – бузотер и хулиган? Я вас не помню! Так или иначе, у вас нет права фамильярничать! Мое имя... я господин... ах ты!.. да что же это... Как вы меня называли, когда я... я имею в виду, когда вы были еще трезвой? Я не могу... минуточку... Да что такое! Я не могу вспомнить, как меня зовут! Я должен был быть очень пьяным, когда отправился спать. Со мной такое часто бывает!

– Вы так редко у меня бываете, что я не знаю вашего имени, мой господин; но я сказала бы словечко про то, что вы из себя представляете!

– Я надеюсь!

– ...если только это не бессмысленно!

– Ца-ца-ца! Да я вам за всю свою жизнь ни разу ни солгал!

– Ничего, кроме лжи, я от вас не слышала.

– Клянусь честью! Что же это такое?! Я же никогда не видел раньше эту женщину!

– Вы узнали меня достаточно хорошо, чтобы начать врать, мой господин!

– Мне и впрямь начинает казаться, что я вас где-то встречал раньше, но, честное слово, что знать о вас? Когда вы без

одежды, кто вас знает, кем вы только не можете оказаться? В одном могу поклясться: настолько раздетой я вас раньше ни разу не видел. О, небеса! Я ничего не могу о вас вспомнить!

– Рада это слышать. Мои воспоминания о вас менее неприятны. С добрым утром, мой господин!

Она отвернулась, хромая и потрескивая, отошла на несколько шагов и снова остановилась.

– Вы столь же безжалостны, как... как и любая другая женщина, мадам! Где в этом адском месте мне найти своего слугу? Каким окаянным именем я обычно называю этого дурака?

Он повел своей обнаженной головой и она, повернувшись на своем скрипучем основании, снова уткнулась в колени со сложенными руками.

– Сегодня я побуду вашим слугой, мой господин, – сказала леди, еще раз повернувшись к нему. – Что я могу для вас сделать? Это непросто решить!

– Пристегнуть мне мою ногу, конечно, вы, дура! Вы что, не видите, ее же просто нет! Хэй-хо! Мои деньки, мои танцельки!

Она обвела пространство вокруг него взглядом своих пустых глазниц и нашла кусочек волокнистой травы, которой попыталась связать вместе те части, которые составляли его колено. Когда ей это удалось, он сделал несколько осторожных шагов на пробу.

– У вас раньше была совсем другая походка, мой госпо-

дин! – сказала она, поднимаясь с колен.

– Э? Что? Смотрю я на вас и думаю, что раньше я вас, наверное, ненавидел! Э?

– Так оно и есть, мой господин! Вы и впрямь ненавидели просто толпу народу! И, естественно, и свою жену заодно с остальными!

– А! Я начинаю... Но... Я, наверное, куда-то уезжал надолго! Я на самом деле забыл! Смотрите! Этот проклятый несчастный кусок травы разорвался! Мы, верно, неплохо проводили время вместе?

– Что-то не припомню, мой господин. Все минутки счастья, которые достались мне от вас, разбросаны по первой неделе после нашей свадьбы.

– Это как же я делал? Ха-ха! Ну, да это дело прошлое, помилосердствуйте!

– Хотелось бы в это верить! Почему мы сидели здесь, в этой карете? Она внушает опасения. У меня плохие предчувствия!

– Я думаю, мы развелись, моя госпожа!

– Вряд ли; мы ведь все еще вместе!

– Горькая правда! Но, может, есть лекарство? Лес-то, кажется, достаточно большой.

– Я сомневаюсь!

– Виноват, не могу подобрать любезность, чтобы отплатить вам – не вру, и впрямь никак. Судя по вашей фигуре и цвету лица, с тех пор, как я вас покинул, вы едва своди-

ли концы с концами. Но я не могу ходить настолько раздетым, как ваша милость! Приношу вам свои извинения, мадам! Надеюсь, вы их примете, это я так шучу во сне! Однако, это не имеет никакого значения, сплю я или бодрствую, все равно – это все только видимость! Нельзя быть в чем-то до конца уверенным, это все равно, что ничего не знать. Жизнь учит этому всех дураков!

– Меня она тоже кое-чему научила. Я тоже дура – потому, что любила вас!

– И вы не единственная дура, с которой это произошло. У женщин есть обыкновение падать в обморок от любви ко мне – я забыл, что вы одна из них!

– Я любила вас, мой господин – немного – однажды!

– А! Здесь вы ошибаетесь, леди. Вам следовало любить меня сильнее, вам надо было любить меня преданно, неистово, вечно! Тогда бы я скорее от вас устал и не ненавидел бы так впоследствии! Но пусть прошлое останется прошлым! Где мы? Вот предмет, достойный изучения. А быть или не быть – это не вопрос!

– Я полагаю, мы в другом мире!

– Благодарствуйте! В каком именно? Что это за мир? Это не может быть адом!

– Должно быть. В нем есть супружество. В любом другом нас бы прокляли.

– Но я не похож на Отелло, которому повезло с прекрасной женой. О! Я вспоминаю своего Шекспира!

Она подняла сломанную ветку, упавшую в куст и, опираясь на нее, пошла прочь, покачивая своим маленьким черепом.

– Отдай мне палку! – закричал ее покойный муж. – Мне она нужна больше, чем тебе! Она ничего не ответила ему.

– Ты хочешь, чтобы я тебя умолял?

– Вовсе нет, мой господин. Просто я собираюсь оставить ее для себя, – ответила она, медленно удаляясь.

– Сейчас же отдай ее мне! Я должен ее получить! Мне она нужна!

– К несчастью, я тоже думаю, что мне она пригодится! – ответила леди и пошла несколько быстрее, громко потрескивая суставами и клацая костями.

Он было последовал за ней, но скоро упал, его травинка, связывающая колено, разорвалась, и он остановился и, ругаясь, снова схватился за колено.

– Подойди и завяжи ее как следует! – собрался было рявкнуть он, но получился лишь свист и сипение. Она повернулась и посмотрела на него.

– Подойди и завяжи ее. Немедленно! – повторил он.

– Клянусь, я не дотронусь до тебя! – закричала она.

– Клянись на здоровье, о господи! Здесь же никого нет, кто тебе поверит? Но я молю, держи себя в руках, иначе ты рассыплешься, а где потом взять столько веревки, чтобы удалось связать все твои сумасшедшие части вместе, я понятия не имею.

Она вернулась и снова завязала узел. Вначале, однако, она положила палку так, чтобы он не мог до нее дотянуться, а она – могла.

В тот миг, когда она закончила узел, он сделал попытку схватить ее, очевидно, пытаясь вцепиться ей в волосы, но его сильные пальцы соскользнули с голой макушки.

– Мерзавка! – пробормотал он и схватил ее за верхнюю кость руки.

– Ты сломаешь ее! – сказала она, глядя на него снизу вверх.

– Ясно, сломаю! – ответил он и потянул кость.

– Я не буду в следующий раз подвязывать тебе ногу, когда она отвалится! – пригрозила она.

Он вывернул ей руку, но, к счастью, ее кости были в лучшем состоянии, чем его. Она протянула свою вторую руку к сломанному суку.

– Вот и правильно, дай-ка мне палку! – ухмыльнулся он.

Она вернула ему палку вместе с таким ударом, что одна из костей его ноги с треском сломалась. Он упал, давясь проклятиями. Леди засмеялась.

– Теперь тебе придется вечно подвязывать палочку! – сказала она. – Такие сухие кости никогда не срастутся!

– Ты – дьявол! – крикнул он.

– К вашим услугам, мой господин! Принести вам пару колесных спиц? Они подойдут, но, боюсь, будут тяжеловаты.

Он отвернулся и ничего не ответил, но разлегся и засто-

нал. Меня удивило то, что он вообще не рассыпался на куски, когда падал. Леди встала и пошла прочь, не без некоторого изящества в походке, как мне показалось.

– Что их ждет? – спросил я себя. – Вот двое, которые будут несчастны в любом из миров, а этот – не ад, ведь в нем находятся Малютки, и те, кто спит, там... Что все это может значить? Могут ли скелеты иметь душу?

– Эти вопросы сложноваты и для вас и для меня, все они – об одном, и каждый из них – о разном, – произнес кто-то рядом со мной голосом, который был мне знаком.

Я оглянулся, и никого не увидел.

– Вы не в аду, – продолжил голос. – И я не в аду. А эти скелеты – в аду!

Еще до того, как он закончил, я заметил тень ворона на ветке букового дерева, справа от моей головы. В ту же минуту он покинул ветку и приземлился на траву, и оказался передо мной худой старик из исчезнувшей библиотеки с длинным носом и в длиннополых одеждах.

– Этот человек никогда не был джентльменом, – продолжил он, – и на костлявой стадии регресса, со скелетом, не обтянутым кожей и с характером без манер, он тоже им не выглядит. Женщина не так груба и у нее есть немного сердца. Но привычная жизнь и общество далеки, и им нет нужды соблюдать приличия, поэтому вы видите их сейчас такими, какими они есть, да и всегда были.

– Расскажите мне, мистер Рэйвен, что с ними случится

дальше? – сказал я.

– Увидим. – ответил он. – В свое время они были прекраснейшей парой при дворе; и даже теперь, когда от них остались только высохшие кости, кажется, они высоко ценят свою прошлую репутацию и относятся к ней, как к неотъемлемой собственности. Если мне придется еще хоть раз столкнуться с ними лицом к лицу, может быть, я что-то для них и сделаю! Они казались себе богачами, пока у них были карманы, но они уже начинают чувствовать, что, пожалуй, лучше быть ограбленными. «Мой господин» был склонен считать «свою госпожу» никчемной иждивенкой, так как он устал от ее красоты и прожил ее деньги; теперь же она нужна ему затем, чтобы собирать его по частям. И в этом для них есть росток надежды. К тому же они теперь не могут слишком далеко удаляться друг от друга, и рядом нет никого подобного им: в конце концов они должны устать от взаимного отвращения и начать любить друг друга! Ибо только любящие, а не те, кто ненавидят, могут постигнуть, что именно Любви приятно в сущем.

– Я видел недалеко отсюда, примерно в часе пути, целый зал подобных им, – сказал я.

– Да, они похожи, но те – существа другого сорта, – ответил он. – Многие годы этим двум не увидеть никого из тех, кого вы видели прошлой ночью. Столетия пройдут, прежде чем это произойдет. Вы видели тех, кто уже может даже слегка одеться. Правда, им пока не удержать на себе одежды

столько, сколько это им необходимо, а только на часть ночи, но они способные, и у них получается все лучше и лучше; и вот-вот у них должны уже появиться лица. Ведь каждое зерно правды пускает корень их будущей человечности. Ничто, кроме истины, созидать не может, в каком бы виде она перед нами не предстала.

– Их поддерживает эта надежда? – спросил я.

– Надежда их поддерживает, но даже толика ее им не знакома – они неизмеримо далеки еще от понимания этого. – ответил мистер Рэйвен.

Его неожиданное появление не удивило меня. Словно я был ребенком, которому все интересно и который ничему не удивляется.

– Вы здесь затем, чтобы найти меня, сэр? – спросил я.

– Вовсе нет, – ответил он. – Я не беспокоился о вас. Такие, как вы, всегда возвращаются к нам.

– Будьте добры, скажите мне, кто они – такие, как я? – сказал я.

– Я не обсуждаю поступки моих друзей. – ответил он, улыбаясь.

– Да, когда эти друзья живые! – пристал к нему я.

– Отказываюсь более решительно, – возразил он.

– Ну, а если бы эти друзья сами вас попросили? – упорствовал я.

– Тем более категорично я отказался бы. – продолжал он.

– Но почему?

– Потому что он и я, мы оба говорили бы тогда о двух различных людях так, будто бы они – один и тот же человек. Весьма различно, например, то, чем вы себе представляетесь, и то, что я о вас знаю!

Отвороты его одежды разлетелись в стороны, и складки поднялись вверх, и я подумал, что превращение из человека в ворона вот-вот произойдет прямо у меня на глазах. Но одежды сомкнулись на нем, и он добавил:

– В этом мире пока не нашлось существа, которому удалось бы вас хоть раз обмануть. Прежде всего, не делайте что-то только потому, что вас об этом кто-то попросит.

– Я постараюсь запомнить, – ответил я, – но я могу и забыть!

– Тогда произойдет нечто плохое, но для вас это будет к лучшему.

– А если я все-таки запомню?

– Тогда не произойдет ничего плохого, но для вас это будет не очень хорошо.

Мне показалось, что старик словно расплылся по земле, и тут же я увидел ворона в нескольких ярдах от меня, летящего низко и очень быстро.

Глава 18

ЖИВОЙ ИЛИ МЕРТВЫЙ?

Я шел до тех пор, пока не увидел еще невысокую луну, лучи которой пронизывали лес. Я не знаю, что беспокоило ее, но она была темной и какой-то вдавленной, словно старый и мятый медный диск, и выглядела унылой и усталой. Ни облачка не было рядом, чтобы составить ей компанию, а звезды были для этого слишком яркими. «Неужели эта прогулка будет продолжаться вечно?» – казалось, говорила она. Она шла своей дорогой, а я – своей, и только по лесу мы подолгу шли вместе. Мы не слишком много общались, я большей частью смотрел на землю, но она-то смотрела на меня своим безутешным взглядом; я чувствовал это не глядя. Мы долгое время были вместе, я и луна, шли бок о бок, она – тускло сияя, я – живой тенью.

Что-то под стелющимся над самой землей деревом привлекло мой взгляд своей чистой белизной, и я повернул туда. Потому ли, что было скрыто в тени листвы, это нечто, по мере моего приближения, показалось мне человеческим телом. «Еще один скелет!» – сказал я себе, встав на колени, и дотронулся до него. Однако это было когда-то именно телом, а не скелетом. И особенно отрадно то, что кому-то посчастливилось здесь иметь тело. Оно лежало на боку и было

очень холодным – не таким холодным, каким бывает камень, но так, как бывает холодно нечто, когда-то бывшее живым, а теперь уже – не живое. Я рассмотрел его ближе, потрогал его несколько раз, и, наконец, мне показалось, что это не смерть, а нечто другое. На один короткий миг я вообразил, что это – одна из танцевавших на балу, призрачная Золушка, например, которая забыла дорогу домой и умерла этой странной ночью под открытым небом этого мира. Тело было совсем голым и таким тощим, что даже в тени я смог, не приближаясь и не дотрагиваясь, пересчитать у него все ребра. Все ее кости, конечно, были видны настолько, насколько это позволяла тончайшая, обтягивающая их кожа. Ее красивые, но ужасные зубы, неприлично приоткрытые оттянутыми губами, жутко посверкивали в темноте. Ее волосы, чернее ночи, густые и очень приятные на ощупь, были длиннее ее самой.

Это было тело высокой, и, вероятно, привлекательной женщины. Как она сюда попала? Не сама, конечно, ведь она была так истощена! Силы, видимо, покинули ее, она упала, и лежала здесь, пока не умерла от голода! Но как же, даже если это было так, могла она так исхудать? И как же она пришла сюда – голой? Кто мог оказаться настолько жестоким, чтобы раздеть ее и бросить здесь? Или это звери утащили ее одежды? А тело они составили потому, что оно им не приглянулось!

Я поднялся на ноги и задумался. Конечно же, я не мог оставить ее лежать здесь, заброшенную и беззащитную!

Обычная вежливость не позволяла сделать это. И нужно ведь было вернуть одежду женщине – нельзя же было оставить ее тело здесь вот так, неприкрытым! Нескромные глаза могут увидеть его! Жестокие когти могут утащить его! Годы пройдут, прежде чем милосердный дождь смоет его, и оно станет землей! Но земля тверда, еще тверже сплетенные корни, и я только остался бы без рук!

Сначала мне казалось очевидным, что она умерла недавно: не было видно никаких следов разложения. Но тогда что оставила от нее гниению медленно уходящая из нее жизнь?

Может, она до сих пор жива? Или – не может? А если она жива? Некоторые вещи оказываются очень странными в этом странном мире! Может быть, она смогла бы вернуться назад, в тот мир, но ведь я должен быть уверен, что она мертва, чтобы похоронить ее!

Когда я выходил из лесного зала, я заметил в дверном проеме гроздь спелого винограда и прихватил ее с собой. Я ел виноград в пути, но несколько ягод еще остались на черенке, и, может, их сок приведет ее в чувство? Во всяком случае, это было все, что я мог сделать для того, чтобы попытаться спасти ее! К счастью, ее рот был слегка приоткрыт, но голова находилась в очень неудачном положении, и я, чтобы подвинуть мертвое тело, просунул руку под плечо, на котором оно лежало, и почувствовал, что сосновые иголки под ним – теплые. Она не могла быть мертвой, она должна быть еще живой, несмотря на то, что я не слышал стука ее сердца и не

обнаружил никаких признаков дыхания! Один из ее кулаков был крепко сжат, вероятно, она прятала в нем что-то маленькое. Я выжал ей в рот ягоду винограда, но она не глотала.

Сделав для нее все, что я мог сделать, я настлал толстый слой хвои и сухих листьев, положил сверху одно из моих одеяний, согретое моим телом, положил ее на все это, и накрыл своей же одеждой; затем навалил сверху огромную кучу листьев: так я сохраню хоть часть тепла, покидающего ее, в надежде на то, что оно вернется к ней вместе с лучами утреннего солнца. Затем я еще раз попробовал выдавить виноградину, но не смог уловить ни малейшего движения ни во рту, ни в горле.

«Сомнение, – сказал я себе, – может быть хорошим поводом для того, чтобы делать что-то, но это плохое оправдание для того, чтобы ничего не делать». Кожа на ее костях была такой тонкой, что я не решился сделать растирание.

Я заполз в кучу листьев, прижался к ней настолько близко, насколько смог, и обхватил ее руками. Тепла во мне, честно говоря, было немного, но тем, что было, я поделился с ней. Таким образом пережив бессонную ночь, я ждал солнца. Ее холод словно расходился по мне волнами, но тепло от меня к ней не переходило вовсе.

Выходит, я бежал от чудесных спящих людей, подумал я, каждый из которых честно спал в сумраке на своем серебряном ложе, для того чтобы оказаться в одной постели с такой вот подружкой. Отказавшись от прекрасной привилегии, я

получил взамен страшную обязанность. Под светом печальной, медленно закатывающейся луны я лежал рядом с мертвой и ждал рассвета.

Темнота отступала, и восточный горизонт проступал сквозь дымку, когда я заметил словно лишь тень движения от чего-то, что двигалось – недалеко от меня и очень близко к земле. Это были извивы огромной змеи, которая передвигалась, оставаясь на одном и том же расстоянии от меня. Некоторое время спустя появились, перемещаясь так, что казались одной точкой, существа, которые показались мне самой косули и ее теленком. Чуть погодя я заметил еще два создания, похожие на медвежат; они шли вместе с тремя или четырьмя еще более маленькими, которые бежали за ними. Светлело теперь настолько быстро, что, несколькими минутами позже, когда рысью мимо проскакали кони, я смог разглядеть, что, хотя больший из них был не выше самого маленького шотландского пони, это были взрослые животные – так прекрасна была их стать, и так похожи были все их движения на повадки взрослых лошадей. Они были разных пород. Некоторые были похожи на ломовых лошадей, некоторые – на строевых, охотничьих, скаковых. Затем мимо прошли бычки-карлики и маленькие слоники.

«И здесь нет детей! – сказал я себе. – Как только я смогу оставить эту бедную женщину, я должен вернуться и позвать их сюда!»

Но куда шли эти существа? Что вело их? Что это – исход

или традиционная утренняя прогулка? Я должен дождаться солнца! До тех пор, пока оно не взойдет, я не мог оставить эту женщину!

Я потрогал тело, но не смог даже заставить себя подумать, что оно стало чуть-чуть теплее. Но оно же должно было принять хотя бы то тепло, которое потерял я! Ну хоть что-то! Здравый смысл подсказывал, что оно не могло только терять его!

Рассвет расцвел румянцем и вскоре вошло солнце, словно затем, чтобы присмотреть за новой суетой, появившейся в новом мире. Его великое чистое сияние подняло меня, и я встал, наполненный жизнью, преодолев оковы смерти. Сняв платок, которым я прикрыл рот и глаза от сосновых игл, я с тревогой посмотрел, на то, что находилось рядом со мной – был ли это бесценный самоцвет, или лишь его пустоеместилище.

Тело было более недвижно, чем когда я нашел его. Лишь теперь, при солнечном свете, я впервые смог рассмотреть, каким сморщенным и впалым было ее лицо, какими острыми были кости под кожей, как каждый зуб торчал из-под ее сморщенных губ. Человеческие одежды, конечно, расточатся до нитки, но небесные птицы еще могли бы угнездиться среди них, могли бы разбудить ее для движения, для песни.

Но солнце уже светило на ее лицо! Я снова прикрыл его платком, бросил сверху несколько листьев и отправился вслед за существами, которые недавно прошли мимо. Их

главная тропа была хорошо утоптана, видимо, они использовали ее уже давно – словно бы множество тропинок стоптались по краям и слились в одну широкую дорогу. Деревья отступали по мере того, как я шел, а травы становились толще. Наконец, лес кончился и моему взору открылась широкая, до горизонта, прекрасная зеленая равнина. Маленькая речка тянулась по самой кромке леса, и к ней вела тропа, при виде воды новая, пока неопределенная надежда проснулась во мне. Поток казался очень повсюду глубоким, и вода поднималась к самой кромке, но нигде он не был шире нескольких ярдов. Синеватый туман, растаивая на лету, поднимался над потоком. На другой стороне в пышной траве паслось множество животных. Вероятно, спали они в лесу, а утром в поисках травы выходили на равнину и переплывали реку, чтобы попасть туда. Я опустился на колени и попытался напиться, но вода была горячеей у нее был странный металлический привкус.

Я вскочил на ноги – здесь было тепло, которое я так долго здесь искал: первое, что нужно для жизни! И я поспешил назад, к своему беспомощному долгу. Никто не сможет понять, не рассудив как следует о том, как я был одинок, что значило для меня вырвать из лап смерти эту женщину. «Я докажу, что она это может! – так думал я. – И я, наконец, не буду одинок!» Я был настолько лишен общества, что, кажется, впервые понял что может значить надежда. Эти благословенные воды изгонят смертельный холод, и в них же

растворится мое одиночество!

Я отнес ее к потоку. Я был с нее ростом, но она показалась мне необыкновенно легкой, ее чуть прикрытые кости были такими тонкими. Еще большую надежду вселило в меня то, что она была далека от окоченения, и я смог нести ее на одной руке, как спящего ребенка, прижав ее к плечу. Я нес ее нежно, оберегая даже от легкого ветерка собственного движения, и радовался, что другого не было.

Вода была слишком горячей для того, чтобы я мог положить ее прямо в нее – шок от такого тепла мог выбить из нее остатки жизни. Я уложил ее на берегу, и, макая в воду одну из моих одежд, начал омыwać ее жалостные очертания. Они были такими чахлыми, что ни по остаткам ее красоты, ни по цвету ее волос нельзя было даже предположить, была ли она молодой или старой. Ее веки были полуоткрыты, что делало ее взгляд еще более мертвым; это было как разрыв в ночных облаках – там не было солнца!

Чем дольше я купал несчастные мощи, тем меньше оставалось у меня надежды, что когда-либо они вновь облекутся силой, что когда-нибудь откроются эти веки и из-под них выглянет живая душа; но я продолжал поливать ее теплой водой, не давая холоду вернуться, и постепенно тело стало настолько теплее, что, наконец, я рискнул окунуть его в воду. Я подтащил его к реке и опустил в воду, поддерживая голову над поверхностью и позволяя быстрому, стремительному потоку омыwać все остальное. Я заметил, что ее стиснутая

рука, несмотря на все тепло, не желала расстаться со своим содержимым. Правда, ничего полезного из этого факта я извлечь так и не смог.

Прошло около десяти минут, и я вытащил ее, обсушил и укутал, как смог, а затем побежал в лес за листьями.

Трава и земля были сухими и теплыми, но, когда я вернулся, она потеряла почти все тепло, которое отдала ей вода. Я навалил сверху листьев, и побежал принести еще, а затем – в третий раз, и в четвертый.

Теперь я мог оставить ее и идти исследовать окрестности в надежде обнаружить какое-нибудь пристанище. Я поднялся вверх по реке, к каменистым холмам, которые я заметил; это было не очень далеко.

Когда я к ним подошел, то увидел, что река берет свое начало у подножия одной из скал – она, бурля, вытекала из нее. Мне помнилось, что где-то внутри скалы она спускалась по лестнице потоком, жаждущим вырваться на волю на каждой из ступенек и лишь у подножия отыскавшим открытую дверь.

Поток не заполнял собой все отверстие, которое служило ему выходом, и я заполз в небольшую пещеру и обнаружил, что поток прыгая по ступенькам, он бьет из земли в дальнем конце пещеры, словно основание огромной колонны, и бежит, едва заполняя собой глубокий, довольно узкий канал.

Я осмотрелся и увидел, что с помощью ствола или сука, достаточно длинного для того, чтобы перекинуть его через

канал, и достаточно толстого, чтобы не прогнуться под не таким уж большим весом, я мог бы, собрав немного молодых веток и достаточное количество листьев, устроить над ним удобное ложе, которое будет все время оставаться теплым, благодаря потоку, который бежит под ним. Затем я побежал назад, чтобы посмотреть, как поживает моя подопечная.

Она лежала там же, где я ее оставил. Тепло не вернуло ее к жизни, но не случилось ничего такого, из-за чего пришлось бы отказаться от надежды. Я добыл несколько валунов из канала и прислонил их к ее ногам и бокам.

Я побежал обратно в лес, и мне не пришлось слишком долго заниматься поисками подходящих для моей цели сучьев – я нашел в основном буковые; и сухие желтые листья еще цеплялись за них. Из них я вскоре уже выложил основу для моста-кровати над потоком. Я переплел эти сучья меньшими, сплетя все это вместе хворостинами и густо усыпав листьями и сухим мхом.

И, когда, наконец, после неоднократных походов в лес я закончил строительство теплой и сухой лежанки, я снова поднял тело и перенес его в пещеру. Оно было таким легким, что время от времени, пока я шел, я боялся, что после всего этого она превратится-таки в скелет, и, когда в конце концов я осторожно уложил тело на неопробованный еще помост, он показался мне излишне прочным и большим для того, чтобы всего лишь нести на себе ее вес.

Еще раз я накрыл тело толстым слоем сухих листьев, и,

попытавшись еще раз напоить ее виноградным соком, к своему удовольствию, обнаружил, что могу открыть ее рот чуть больше, чем прежде. Сок, конечно, так и остался не востребовавшимся, но я надеялся, что хоть часть сока дошла по назначению.

После того, как она провела на помосте час или два, ее тело уже не было холодным. Тепло ручья проникло в то, что было ее оболочкой – увы, это была лишь оболочка! И она была на ощупь теплой – не тем, правда, теплом, которое излучает жизнь, но тем, которое дало бы ей возможность (если она вообще была еще жива) пробудиться к жизни. Я читал как-то об одном человеке, который провел в трансе без движения несколько недель!

В этой пещере, день за днем, ночь за ночью, семь долгих дней и ночей, я сидел или лежал, во сне или наяву, но всегда настороже. Каждое утро я вставал и купался в теплом потоке, и после этого чувствовал себя так, словно я только что поел и напился, и это давало мне смелость почти каждый день опускаться в поток и ее.

Однажды, когда я это делал, обесцветившийся участок кожи на ее левом боку поверг меня в ужасный шок, но на следующее утро пятно рассосалось, и я продолжал кормить ее каждое утро, после купания, выдавливая ей в рот свежую ягоду винограда.

Я кормился теми же ягодами, виноградом и другими, которые я находил в лесу, но, по-моему, ежедневного купания

в этой реке хватило бы, чтобы я смог и вовсе обойтись без еды и питья.

Все то время, что я спал, мне снилось, что я найду своего раненого ангела, который не может летать, и поэтому останется со мной до тех пор, пока не полюбит меня и уже никогда не оставит. И каждый раз, когда я просыпался, я видел вместо ангельского лика с сияющими глазами белое, неподвижное и худое лицо на ложе из веток. Но даже Адам, когда впервые увидел Еву спящей, не беспокоился так о том, проснется она или нет, как я, когда охранял эту женщину. Адам не знал ничего о себе, может быть, не знал ничего и о собственной нужде в родственной душе, я же, вырванный из привычного круга общения, научился любить то, что я потерял! Если этот обглодыш женского существа исчезнет, в моей жизни не останется ничего, кроме неутолимого голода. Я забыл даже Малюток, происходящее не шло ни в какое сравнение с ними! Здесь лежит то, в чем может проснуться настоящая женщина, по-настоящему открыть глаза, и посмотреть ими на меня!

Впервые я узнал, что значит одиночество, теперь, когда смотрел на то, что не могло ни видеть, ни слышать, ни двигаться, ни говорить. Теперь мне было понятно, что одинокий человек – это существо, которое способно стать человеком, когда в этом возникнет нужда, и, следовательно, сможет появиться и возможность. Чтобы быть самодостаточным, существо должно быть вечным, порождающим себя са-

мого червем! Так чудесно устроен и так просто составлен человек, что возносит себя на такой высоты пьедестал над низшими организмами и духовными структурами, с которыми составляет одно целое, что никакого воздуха не хватит для того, чтобы питать и поддерживать его жизнь, того воздуха, которого бы с избытком хватило любым другим душам. Ни в чем, кроме как в других жизнях не сможет вырваться его особость, развиться идея себя, индивидуальность, та, которая только и отличает его от всех прочих. Если бы все люди были похожи друг на друга, у каждого из них была бы индивидуальность, ограниченная его собственным сознанием, но это было, бы не слишком большим поводом для того, чтобы считать его чем-то более значимым, чем двое или трое ему подобных. Развитие же этих отличий, которое делает возможным более развитое и высокое единение, то одно, что позволяет собрать миллионы в церковь, оказывает безграничное и бесконечное влияние и не допускающее ошибок и исключений воздействие. Человеку, чтобы быть совершенным до конца, то есть достигнуть необходимого духовного развития (которое только и есть единственный способ наследовать величие своего Отца) постоянным, настойчивым и разносторонним трудом, необходимо получить знания о том, что это такое – мировое братство людей. Охраняя надежду на возвращение к жизни того, что было рядом со мной, я избегал общества зверей, которые паслись и не умели говорить. Лучше пастись с ними – стократ лучше, чем быть одному! Но,

имея в виду слабую перспективу подружиться с женщиной, я, несчастнейшее из созданий, оставался всего лишь мужчиной!

Глава 19

БЛЕДНАЯ ПИЯВКА

Однажды утром меня вырвала из глубокого забытья боль в руке. Тыльная сторона руки сильно раздулась, и в центре опухоли была треугольная ранка, словно от укуса пиявки. К концу дня опухоль спала, и к вечеру ранка почти заросла. Я перерыл всю пещеру, переворачивая, каждый из камней любого размера, но не обнаружил ничего, что могло бы меня так поранить.

Медленно текли дни, и тело ни разу не шевельнулось, ни разу не открыло глаза. Оно не могло быть мертвым, так как на нем несомненно не было признаков разложения, и воздух вокруг него был достаточно чистым. Более того, мне начало казаться, что острые концы ее костей начали исчезать, и формы ее несколько округлились, и кожа уже не выглядела такой пергаментно-тонкой, и если только это все было на самом деле, то в ней должна была теплиться жизнь! Тот поток, что иссяк почти до капли, должен же был когда-то снова наполниться! Вот будет радость мне, если приливная волна жизни на самом деле похоронит под собой эти прекрасные останки и кости, которые он когда-то сам и выкинул на берег! Двадцать раз на дню я наблюдал очевидные изменения, и двадцать раз на дню я сомневался в том, что видел – иногда

даже отчаивался; но я заставлял себя вспомнить, какой она была, когда я ее нашел, и надежда возвращалась.

Так прошло несколько недель, и однажды ночью, после долгого сна, я поднялся, думая выйти наружу и глотнуть прохладного воздуха; правда, из-за бегущей воды потока воздух в пещере всегда оставался чистым, и жара редко была хоть чуточку тягостной. Снаружи было полнолуние, а воздух внутри был темным и прозрачным, и, естественно, я обвел медленным взглядом свое сокровище, прежде чем выйти наружу.

«Клянусь небом! – возопил я. – Неужели я вижу ее глаза?» Огромные глаза, темные, словно вырезанные из беззвездной небесной сферы, сверкающие от избытка темноты, казалось, сияли на мерцающем бледном лице. Я подкрался ближе, мое сердце билось так, что я боялся напугать ее этим стуком. Я наклонился над ней. Увы, ее веки сомкнулись! Надежда и Воображение сыграли со мной злую шутку! Не утолить мне жажду моего сердца! Я отвернулся, поплелся к выходу из пещеры и разрыдался. Но затем я напомнил себе, что ее глаза были слегка приоткрыты, и вот теперь эти жуткие щели, из которых выглядывало небытие, закрылись, и это значит, что она открывала их на короткий миг, и снова заснула! Или, может быть, она проснулась и просто держит глаза закрытыми! В любом случае это сделало более или менее живое существо! Это утешило меня и вскоре я уснул.

В эту ночь меня снова укусили, и я проснулся, мучимый

жаждой.

Утром я снова обыскал все, и снова зря. Ранка была такой же, как в прошлый раз, и, так же, как тогда, почти исчезла к вечеру. Я заключил, что иногда какое-то большое создание, вроде пиявки, поднимается из горячего потока. «Но, если она жаждет крови, – сказал я себе, – все то время, пока я нахожусь здесь, мне нет нужды бояться за свое сокровище!»

В это же утро, когда я, как обычно, чистил виноград, удаляя из него косточки, я заметил, что ее губы чуть двинулись, потянувшись к винограду, и я понял, что она жива!

И столь сильной стала моя надежда, что я стал думать о том, чтобы раздобыть для нее одеяние: у нее должна быть возможность встать тогда, когда она пожелает! И поэтому я отправился в лес затем, чтобы разузнать, чем можно было бы воспользоваться в этих целях, но только я взялся высматривать, как несколько волокнистых остовов деревьев, похожих на колючую грушу, словно бы предложили себя к моим услугам. Я собрал их стволы, разложил их сушиться на солнце, содрал с них волокнистую лозу и начал создавать из них два свободных одеяния: одно укрыло бы ее от пояса, а другое лежало бы на плечах. С помощью острых, как нож, колючек алоэ и различных волокон я сшил вместе три толстых слоя материи.

Всю эту неделю ни одного нового знака не получил я от нее, кроме того, что она явственно тянулась губами к винограду. Но, несомненно, признаков жизни становилось боль-

ше – она, несомненно, поправилась, ее кожа натянулась и стала красивее. Она все еще не открывала глаз, и временами меня охватывал противный страх, я боялся, что она развивается, растет, как на дрожжах, и нескольких ягод винограда для этого никоим образом не достаточно.

И снова меня укусили, и это нечто, чем бы оно ни было, стало регулярно наносить мне визиты с интервалом в три дня. И теперь оно обычно кусало меня в шею или в руку, и неизменно один лишь раз, и всегда в то время, пока я спал, и никогда (даже если я спал) – днем. Часами я лежал без сна, наблюдая, но никогда не слышал, как оно появляется, никогда не чувствовал ничего, что предупредило бы о его приближении. И, видимо, ни разу не чувствовал, как оно меня кусает. Наконец, я настолько потерял надежду отловить его, что я больше не заботился ни о том, чтобы пытаться выследить его днем, ни о том, чтобы не спать ночью, ожидая его появления. По растущей слабости я знал, что опасно теряю кровь, но меня это не очень заботило, ведь на моих глазах смерть сдавалась жизни, и живая душа набиралась сил для того, чтобы спасти меня от одиночества, мы уйдем отсюда вместе, и вскоре я также поправлюсь.

В конце концов я сшил одежды, и, разглядывая плоды своих трудов не без некоторого удовлетворения, я употребил остатки волокна на ремешки.

Однажды ночью я внезапно проснулся задыхаясь, словно очнулся от обморока, и встал, чтобы выползти из пещеры,

когда услышал слабый шорох в настиле, который приковал меня к месту.

– Я поймала какую-то гадость, – эти несколько слов произнес слабый голос на моем родном языке. – Я точно ее поймала!

Она ожила! Она говорит! Я боялся двинуться с места, чтобы случайно не напугать ее.

– Что там у вас? – скорее выдохнул я, чем произнес вслух.

– Та тварь, – ответила она, – что кусала вас.

– И что же это?

– Огромная белая пиявка.

– Насколько большая? – продолжал я, стараясь оставаться спокойным.

– Кажется, почти шесть футов в длину, – ответила она.

– Может быть, вы спасли мне жизнь!.. Но как вы можете держать в руках эту мерзость? Вы такая смелая! – воскликнул я.

– Да. Я смелая. – Это было все, что она ответила, и мне показалось, что голос ее дрожит.

– Где она? Что вы можете сделать с этим чудовищем?

– Я бросила ее в реку.

– Тогда, боюсь, она вернется снова.

– Я думаю, я не смогла бы ее убить, даже если бы знала, как это сделать! Я услышала, как вы стонете, и приподнялась, чтобы посмотреть, что вас беспокоило, увидела это чудовище у вашей шеи и швырнула ее прочь. Но мне не уда-

лось удержаться, мне едва хватило сил, чтобы отпихнуть ее от себя. Я только слышала, как она упала в воду.

– В следующий раз мы ее точно убьем! – сказал я, но при этом повернулся, чтобы глотнуть свежего воздуха, и упал.

Когда я пришел в себя, уже встало солнце. Леди стояла чуть поодаль и, даже в том неуклюжем наряде, что я соорудил для нее, выглядела восхитительно и мило. Я видел эти чудесные глаза! Они светились ночью! Темные, как сама первозданная ночь, теперь они затмевали свет дня! Она стояла, прямая, как столп, рассматривая меня. На ее бледном лице не было ни тени волнения, оно только вопрошало меня о чем-то.

– Нам нужно идти! – сказал я. – Белая пиявка...

Я остановился: странная улыбка пробежала по ее прекрасным губам.

– Вы нашли меня здесь? – спросила она, указывая на пещеру.

– Нет, я принес вас сюда, – ответил я.

– Вы меня принесли?

– Да.

– Откуда?

– Из леса.

– Что вы сделали с моей одеждой – и с моими драгоценностями?

– У вас не было ничего, когда я нашел вас.

– Тогда почему вы меня не оставили там?

– Потому что я надеялся, что вы еще не мертвы.

– Но отчего вас это заботило?

– Потому что я был очень одинок, и хотел, чтобы вы остались жить.

– Вы были очарованы моей красотой, и поэтому заботились обо мне? – сказала она с гордым презрением в голосе.

Ее слова и ее вид вызвали во мне возмущение.

– Тогда в вас не оставалось ничего, что можно было бы назвать красивым, – сказал я.

– Тогда почему же вы не оставили меня в покое?

– Потому что вы были такой же, как я.

– Как вы? – воскликнула она презрительно.

– Я думал так, но теперь вижу, что ошибся!

– Несомненно, вы меня пожалели!

– Не было еще женщины, более нуждающейся в жалости, и менее – в каком-либо другом из чувств!

С выражением боли, разочарования и невыразимого раздражения она отвернулась от меня и стояла молча. Черная ночь лежала глубоко в морях ее глаз, ненавидящая того, кто осмелился вернуть их назад затем, чтобы померк их блеск. Свет жизни погас в них.

– А если бы вам не удалось меня разбудить, что бы вы тогда делали? – спросила она вдруг, не двигаясь.

– Я похоронил бы тело.

– Тело! Что? Вы бы похоронили это? – воскликнула она, мгновенно обернувшись ко мне в бешенстве, с вздетыми

руками; глаза ее метали молнии холодного пламени.

– Нет, это не стал бы! Но если бы снова вернулись те недели, которые я провел, охраняя вас и наблюдая за вами, – ответил я (ибо с такого рода женщиной следовало говорить без обиняков!), – и если бы я заметил малейшие признаки разложения, то тотчас же похоронил бы вас.

– Что за осел! – крикнула она, – Я была в трансе!.. Самуил! Что за судьба!.. Ступайте и приведите мне ту дикарку, у которой вы одолжили эти жуткие обноски!

– Это я сделал их для вас. Они, конечно, ужасные, но я старался.

Она выпрямилась во весь свой рост.

– Сколько времени я была без чувств? – спросила она. – Женщина бы не сделала это платье за день!

– Даже не за двадцать дней, – возразил, я, – Я еле в тридцать уложился.

– Ха! И сколько же по-вашему я пролежала в обмороке? Отвечайте немедленно!

– Я не могу сказать, сколько. Но когда я нашел вас, от вас оставались только кожа да кости, и это было больше трех месяцев тому назад... Ваши волосы были красивы, и больше ничего. Я сделал все, что смог.

– Мои бедные волосы! – сказала она и вытащила из-за спины большую охапку волос. – Мне понадобится больше, чем три месяца, чтобы снова вернуть их к жизни! Кажется, я должна поблагодарить вас, хотя не могу сказать, что я вам

благодарна!

– В этом нет нужды, мадам! Я бы сделал то же для любой женщины, да, и для мужчины – тоже!

– Но почему мои волосы не спутаны? – спросила она, ласково их перебирая.

– Они часто купались в реке.

– Как это? Что вы хотите сказать?

– Я не мог вернуть вас к жизни иначе, чем купая каждое утро в теплой реке.

Она вздрогнула с отвращением, и некоторое время стояла с остановившимся взглядом, уставившись в спешащий куда-то поток воды. Затем она повернулась ко мне:

– Наверное, мы пойдем друг друга! – сказала она. – Вы меня дважды жестоко обманули – вы заставили меня вернуться к жизни и обесчестили меня – ни то, ни другое я вам простить не могу!

Она подняла левую руку и сделала жест, будто отталкивая меня. Что-то холодное, как лед, ударило меня в лоб. Когда я пришел в себя, я лежал на земле, мокрый и дрожащий.

Глава 20

УЙТИ! – НО КАК?

С замершим сердцем я встал и осмотрелся. Мгновение я не мог ее видеть, и одиночество вернулось ко мне, как туча после дождя. Та, которую я вернул к жизни от самого края могилы, бежала от меня, оставив меня моей печали. Ни на миг я не осмеливался остаться в таком страшном одиночестве. Неужели я в самом деле причинил ей зло? Я посвящу свою жизнь тому, чтобы разделить с ней ношу, к которой я вынудил ее вернуться!

Я увидел ее вдали быстро идущей по траве прочь от реки сделал глоток воды, чтобы подкрепить свои силы, и последовал за ней. Я ослаб после последнего визита белой пиявки и перепалки с женщиной, но вот уже силы вернулись ко мне, и мне не составляло труда держать ее в поле зрения.

«Что же, вот и конец?» – на ходу спрашивал я себя, и в аду моей души рождался печальный стон. Ее взгляд, ненавидящий, злой, преследовал меня. Я мог понять ее возмущение тем, что я насильственно вернул ее к жизни, но чем еще я умудрился ее обидеть? Отчего она питает ко мне такое отвращение? Может ли целомудрие быть задето рыцарской услугой? Как может благородная дама, осведомленная обо всем, что я сделал, после всего этого считать, что я поступил

с ней бесчестно? Как еще более благочестиво мог бы я ее касаться? Словно отец, который ухаживает за ребенком, оставшимся без матери, пеленал я ее и ухаживал за ней. Неужели весь мой труд, все мои надежды, все мое отчаяние вернуло к жизни лишь ее черную неблагодарность? «Нет! – ответил я себе – у красоты должно быть сердце! Как бы глубоко ни было оно сокрыто, все же оно должно быть! Чем глубже оно похоронено, тем сильнее и благороднее станет, очнувшись от сна в своей прекрасной могиле! Разбудить такое сердце – лучший подарок его хозяйке, чем возможность прожить счастливейшую из жизней! Это дало бы ей возможность прожить более возвышенную и благородную жизнь!»»

Она спускалась по большому склону впереди меня и шла прямо и уверенно, как человек, который знает, куда идет, когда я понял, что она уходит от меня слишком быстро. Я подтянулся и ощутил прилив сил. Мои вены наполнились соком жизни! Тело показалось мне невесомым, и легко и быстро, словно несомый ветром, я догнал ее.

Она ни разу не обернулась. Она двигалась быстро, как греческая богиня, но без спешки. Я был не дальше, чем в трех ярдах от нее, когда она резко, но с прежней грацией обернулась и остановилась. По ней не было видно, чтобы она стала или хотя бы разогрелась. Она была белой, а не бледной, ее дыхание было ровным и глубоким. Ее глаза, казалось, были полны светом небес, и освещали мир, лежащий перед ними. Был почти полдень, но мои чувства были обострены, как

бывает глубокой ночью, когда невидимые небесные росы заставляют звезды казаться больше.

– Почему вы идете за мной? – спросила она спокойно, но довольно строго, так, словно она до сих пор меня никогда не видела.

– Я так долго жил, – ответил я, – одной лишь надеждой увидеть ваши глаза, что мне теперь их не хватает.

– Вы не будете больше за мной следить! – сказала она холодно. – Я приказываю вам остаться там, где вы сейчас стоите.

– Не раньше, чем я найду безопасное место, в котором я мог бы вас оставить, – ответил я.

– Тогда будьте готовы отвечать за последствия, – сказала она и возобновила свое путешествие вниз по склону.

Отворачиваясь, она бросила на меня взгляд, острый, как дротик. Но ее презрение не достигло цели – я уже был сражен ее красотой!

Отчаяние сломало мою волю, чары разрушились, я побежал и догнал ее.

– Сжальтесь надо мной! – воскликнул я.

Она даже не прислушалась. Я побежал за ней, как ребенок за матерью, которая притворяется, что уходит от него. «Я стану вашим рабом!» – сказал я, и схватил ее за руку.

Она обернулась так, будто ее ужалила змея. Я съехал под ее жгучим взглядом, но не мог отвести от нее свой.

– Сжальтесь! – снова воскликнул я.

Она продолжила свой путь.

Целый день я шел за ней. Солнце поднималось в небо словно затем, чтобы, отдохнув в зените, спуститься по другой стороне небосклона. Ни на мгновение она не остановилась, ни на секунду не останавливался и я. Она ни разу не повернула головы, ни разу не замедлила свой шаг.

Солнце спустилось еще ниже и настала ночь. Я старался держаться к ней поближе: если я упущу ее из виду на миг, то может получиться так, что этот миг будет последним, и я ее больше никогда не увижу!

Весь долгий день мы шли по мягкой густой траве; и вдруг она остановилась и рухнула на траву. Было еще довольно света для того, чтобы увидеть, что она измождена до предела. Я стоял подле нее и мгновение смотрел вниз, на нее.

Любил ли я ее? Я ведь знал, что она не очень хороший человек! Может быть, я ее ненавижу? Но оставить я ее не мог! Я встал рядом с ней на колени.

– Прочь! Не смей меня трогать! – крикнула она.

Он лежала, раскинув руки так, словно они были парализованы.

Внезапно они сомкнулись на моей шее, твердые, как тиски гильотины. Она повернула к себе мое лицо, и ее губы прижались к моей щеке. Боль, такая, будто меня ужалили, пронзила меня где-то и пульсировала во мне. Я не мог шевельнуться даже на ширину волоска. Постепенно боль прошла. Спокойная усталость и сонная истома овладели мной,

и дальше я ничего не помню.

Почти сразу я пришел в себя. Луна была чуть выше горизонта, но света почти не давала, она была лишь светлым пятном на темном фоне. Моя щека горела, я приложил к ней руку и нащупал мокрое пятно. Шея болела – и там тоже нашлось мокрое пятно! Я тяжело вздохнул и почувствовал страшную усталость. Я апатично осмотрелся вокруг и увидел, куда делся свет луны – он собрался вокруг женщины! Она стояла в мерцающем ореоле света! Я встал и, пошатываясь, предстал перед ней.

– На колени! – крикнула она надменно, словно обращалась к непокорному псу. – Иди за мной следом, если посмеешь!

– Я иду! – прошептал я из последних сил.

– Если ты ступишь ногой на порог моего города, мои люди закидают тебя камнями – они не любят нищих попрошайек!

Я с трудом прислушивался к ее словам. Слабый, как вода, словно в полусне, я не двигался с места, но расстояние между нами сократилось. Она подошла ко мне ближе на шаг, подняла левую руку и, кажется, ударила меня кулаком по лбу. Мне показалось, что я принял на себя удар железного молота. Я упал.

Я поднялся на ноги замерзший и мокрый, но голова была свежей, и силы вернулись ко мне. Неужели этот удар вернул меня к жизни? От него не осталось ни синяка, ни боли! Но отчего я промок? Я не мог долго оставаться без сознания,

ведь луна с тех пор не взошла выше!

Леди стояла в нескольких ярдах, спиной ко мне. Она что-то делала, но что, я разобрать не мог. Затем я понял (из-за того, что что-то на ней внезапно сверкнуло), что она снимает одежды и стоит, белая, в неподвижном свете луны. Миг она стояла – и упала вперед.

Какая-то белая полоска кинулась прочь длинным росчерком. В ту же секунду луна стала прежней, сияющей в полную силу, и я рассмотрел, что эта белая полоска – нечто с длинным, вытянутым телом, торопливо исчезающее, извиваясь, где-то в высокой траве. Темные точки, казалось, бежали с ее спины потоком и, словно бы растекаясь по кромке леса, прятались под сенью листвы.

«Господь милосердный! – воскликнул я, – неужели это чудовищное создание тоже спешит в тот окутанный тьмой город?»

И мне показалось, что внезапный порыв ветра принес откуда-то издалека вопль ужаса и слабый стон ярости, несущийся от дома к дому, режущий, смертоносный.

Пока я в болезненном оцепенении наблюдал за этим существом, мимо меня, сзади, как быстрая, но бесшумная стрела, стремительно пронеслось другое огромное создание, белого Цвета. Оно несло прямо туда, где только что упала леди и где, как я думал, она и лежала. Мой язык словно прилип к небу. И я ринулся вперед, вслед за ним. Но в один миг место, где она лежала, оказалось далеко позади зверя.

«Хорошо, – подумал я, – что я не мог кричать: если бы она поднялась, чудовище оказалось бы прямо над нею!»

Но когда я добрался до этого места, леди там не было; только одежды, которые она там бросила, темнели в лунном свете.

Я стоял и искал взглядом второго зверя. Он несся над землей значительно проворнее, чем предыдущий; длинными, ровными, скользящими скачками – он был просто олицетворением неистощимой скорости. Он держался того же направления, что и прежний, и становился все меньше и меньше, пока не исчез где-то вдали.

Но куда же делась леди? Может быть, первый зверь напугал ее своим бесшумным появлением? Но я не слышал ее крика. И у него не было времени сожрать ее! Может быть, он схватил ее и утащил ее в свою берлогу? Но так тяжело нагруженный зверь вряд ли смог бы так быстро бегать! И я наверняка увидел бы, что он что-то тащит.

Страшные сомнения стали просыпаться в мне. После тщательных, но бесплодных поисков я отправился по следам двух животных.

Глава 21

БЕГУЩАЯ МАТЬ

Пока я спешил вслед за ними, луна скрылась за облаком, и из серой темноты внезапно возникла белая женская фигура, прижимающая к груди ребенка и слегка наклонившаяся вперед – она бежала, она была совсем рядом со мной, но меня не замечала, так спешила. И в каждом ее движении был страх и тревога.

«За ней охотятся! – сказал я себе. – Какая-то тварь в этой жуткой ночи преследует ее!»

Если бы я побежал за ней, она могла бы еще больше испугаться, поэтому я встал на ту тропу, по которой она бежала, чтобы остановить ее преследователя.

И пока я стоял, глядя ей вслед сквозь сумерки, позади себя я услышал быстрые, мягкие шаги, и прежде, чем я успел повернуться, что-то перескочило через мою голову, лягнуло меня в лоб и сбило с ног. Я тут же вскочил, но все, что я успел рассмотреть, была лишь исчезающая светлая тень. Кровь хлестала у меня из головы; я побежал вслед за зверем, успел сделать только несколько шагов, когда крик отчаяния пронзил затрепетавшую ночь. Я побежал быстрее, хотя опасался, что уже слишком поздно.

Через одну-две минуты я заметил небольшую светлую

ть, приближающуюся ко мне через туман, наполненный лунным светом. Сначала я подумал, что это, должно быть, другая тварь, так как она шла медленнее, почти ползла странными, барахтающимися прыжками, словно умирающий зверь.

Я отошел в сторону с его дороги и ждал. Когда он был уже совсем рядом, я увидел, что он передвигается на трех ногах, волоча высоко над землей свою левую переднюю лапу. Множество тёмных овальных пятен покрывало его светящуюся белую шкуру, и его сопровождал низкий, шипящий звук, словно дождь шумел в травах. Когда оно проходило мимо меня, я заметил, как что-то течет из-под его поджатой лапы.

«Это кровь! – подумал я. – Какой-то более быстрый, чем я, воитель ранил этого зверя.»

Но, странное дело, на меня вдруг нахлынула такая жалость при виде страдающего создания, что, даже если бы у меня в руке был топор, я не смог бы его ударить. Хромая и запинаясь, оно, наконец, исчезло из виду, но его кровь, казалось, еще падала где-то рядом со мной мягкой тонкой струйкой. «Если кровотечение не остановится, – подумал я, – страдания его скоро прекратятся!»

Я пошел дальше, так как я все еще мог оказаться полезным для той женщины, и все еще надеялся на ее спасение.

Я обнаружил ее неподалеку, сидящей на траве с ребенком на коленях.

– Могу я что-то для вас сделать? – спросил я.

Услышав мой голос, она страшно вздрогнула и собралась было встать.

Я сел рядом с ней на траву.

– Вам нет нужды бояться, – сказал я. – Я преследовал зверя, когда вам повстречался другой защитник! Он прошел мимо меня с такой кровоточащей раной на лапе, что скорее всего сейчас он уже наверняка мертв!

– На это мало надежды! – ответила она, дрожа. – Разве вы не знаете, чей это зверь?

У меня было некоторое подозрение, но я ответил, что ничего не знаю об этой твари, и спросил, кто же тот воитель, что защитил ее.

– Какой воитель? – возразила она. – Я никого не видела.

– Тогда кто же заставил чудовище так страдать?

– Я бросила него камень, так сильно, как смогла. Разве вы не слышали, как она кричала?

– О! Вы храбрая женщина! – ответил я. – Я подумал, что это вы кричали!

– Нет, это была леопардиха.

– Я никогда не слышал, чтобы так кричало животное! Это был похоже на крик женщины, которую пытали.

– У меня пропал голос. Я не могла даже закричать, чтобы спасти своего ребенка! Когда я увидела эту жуткую глотку у шеи моего малыша, я схватила камень и раздавила ей лапу, наверное, ту, на которую она потом хромала.

– Что это за создание? Расскажите мне о нем. – сказал я. – Я странник в здешних краях.

– Скоро вы о нем все узнаете, если вы идете в Булику! – ответила она. – А я туда никогда не вернусь!

– Да, я иду в Булику, – сказал я, – Я должен увидеть принцессу.

– Будьте осторожны, а лучше вовсе не ходите туда!.. Но, может быть, вы... Принцесса очень хорошая, добрая женщина!

Я услышал легкое движение. Облака к этому времени так плотно укрыли луну, что я едва мог разглядеть мою собеседницу: я боялся, что она встала затем, чтобы убежать от меня.

– Вы вне опасности; я не причиню вам никакого вреда, – сказал я. – Как мне убедить вас не бояться?

– Я поняла по вашемуговору, что вы не из жителей Булики, – ответила она. – Я рискну вам поверить! Я ведь тоже не из них, мне так и не удалось стать одной из них: ведь они никому не верят! Если бы я только могла вас увидеть! Но мне нравится ваш голос!.. Ну вот, моя радость заснула!.. Эта грязная тварь не смогла ее обидеть!.. Да, это за моим малышом она охотилась! – продолжала она, баюкая малыша. – Но прежде, чем она ее унесет, ей придется разорвать ее мать на куски!.. Некоторые говорят, что у принцессы есть две белых самки леопарда, – продолжала она. – Я знакома только с одной – крапчатой. Все ее знают! Если принцесса узнает, что у кого-то появился ребенок, она немедленно по-

сылает ее напиться крови малыша, и тогда тот или умирает, или вырастает идиотом. Я бежала прочь с моим ребенком, но принцессы не было дома, и я подумала, что могу чуть-чуть отдохнуть и набраться сил. Но, должно быть, она взяла зверя с собой и как раз шла домой, когда я убегала, и пересекла где-то мои следы. Я услышала, как леопард меня вынюхивает где-то позади, и побежала – о, как я бежала!.. Но моя малышка не умрет! На ней нет отметины!

– Где вы ее взяли?

– Об этом никто никогда не говорит!

– Но что же останется от ее страны, если она убьет всех детей?

– Она не думает о своей стране. Она посылает повсюду ведьм, чтобы научить женщин заклинаниям, которые позволяют избавиться от ребенка, и дают им есть для этого ужасные вещи! Некоторые говорят, что она в сговоре с миром тьмы затем, чтобы положить конец нашему роду. Ночью мы слышим зверя, ищущего свою добычу, и дрожим, и не можем спать. И когда она находит дом, в который приходит ребенок, она ложится у двери и ждет, чтобы заполучить его. Есть слова, которые могут заставить ее убраться прочь только это не всегда срабатывает... Но что же я сижу тут и разговариваю с вами, а зверь в это время уже, верно, добрался до дому, и его хозяйка, верно, пошлет теперь за нами другого...

Так сказала она и в спешке вскочила.

– Я не думаю, что она уже добралась до дому. Давайте, я

помогу вам нести ребенка! – сказал я и тоже поднялся.

Она ничего мне не ответила, а когда я попытался взять малыша, только крепче прижала его к себе.

– Я не мог представить, – сказал я, идя с ней рядом, – что из животного может вытечь столько крови!

– Прислушайтесь к моему совету и не приближайтесь близко к ее дворцу, – ответила она. – По ночам оттуда доносятся звуки... будто мертвые хотят закричать, но не могут раскрыть рта!

Внезапно она попрощалась со мной. Вероятно, она не хотела больше оставаться в моем обществе; и я остался стоять и слушать, как ее шаги затихают в траве, где-то вдали.

Глава 22

БУЛИКА

Я потерял всякое представление о том, где я нахожусь, и шел наугад в беспомощном ожидании, когда внезапно обнаружил, что иду по той же тропинке, где чуть раньше шла леопардиха, и ступаю по крови, которая текла у нее из-под лапы. Кровь доставала мне до лодыжек и текла небольшим ручейком, и я отскочил в сторону так быстро, как только смог. У меня проснулось определенное подозрение о том, чьей могла быть эта кровь. Но я держался рядом с сопровождающим этот ручеек шумом, держась в стороне от потока, так как надеялся, что он приведет меня в Булику.

Но вскоре я стал понимать, однако, что ни леопард, ни даже слон, ни одно из самых больших животных нашего мира, превосходящих размерами человека, не может содержать в себе такой поток, разве что открылась бы каждая артерия их огромного тела, и их чудовищная кровеносная система стала бы заполнять свои сосуды соком лесов, полей и озер с той же скоростью, с какой они опустошали себя; и это не могло быть кровью! Я погрузил в поток палец и тотчас же убедился, что нет, это не кровь. И правда, здесь, по траве, без русла, спешила мягко шуршащая речка. Вода была приятна так же, как звук, который она издавала, но я не отважился напить-

ся, я продолжал идти, надеясь, что все в конце концов разъяснится, и прислушиваясь к близкому звуку, который был чуть слышен и так отличался от того, который издавал горячий ручеек. Обычная влага, по которой я шел, однако, так хорошо освежила меня, что я продолжал идти без устали до тех пор, пока темнота не стала редеть и я понял, что вскоре взойдет солнце. Прошло еще несколько минут, и я смог разглядеть в мутном рассвете башни города – по-видимому, столь же древние, как само время. И тогда я посмотрел вниз, на ручей.

Он иссяк.

Конечно, долгое время я отмечал про себя, что его силы тают, но только теперь перестал обращать на это внимание. Я посмотрел назад: травы полегли в ту сторону, куда недавно бежали воды ручья; там и сям мерцали маленькие лужи. Но в сторону города ручей следов не оставил. Там, где я стоял, похоже, и был источник речки, который только что иссяк!

Вокруг города были сады, и в них в изобилии произрастало множество зелени. Вряд ли я знал название хотя бы одного из этих растений. Не было никаких следов воды, нигде не было видно ни цветов, ни каких-нибудь животных. Сады жались к стенам города, но были отделены от них кучами гравия, покрытыми мусором, набросанным сверху, со стен с бойницами.

Я подошел к ближайшим воротам, и обнаружил что они наполовину открыты, не очень прочны и их никто не охра-

няет. Судя по петлям, их и не удалось бы открыть или, наоборот, закрыть на щеколду.

За воротами была длинная древняя улица. Там было чрезвычайно тихо и мало что указывало на то, что сейчас здесь кто-то жил. Неужели я оказался в мертвом городе? Я повернулся и вышел из города, пробираясь через груды мусора, и пересек несколько дорог, каждая из которых поднималась к городским воротам, но я не собирался возвращаться, пока не проснется хоть кто-то из жителей города.

Зачем я здесь? Чего я жду, что надеюсь найти?

Я должен увидеть, хотя бы еще только один раз, женщину, которую я вернул к жизни! Я не жаждал ее общества, ибо она пробудила во мне страшные подозрения; а о дружбе, и, тем паче, о любви между нами было даже дико подумать! Но ее присутствие оказывало на меня странное действие, и, стоило ей оказаться рядом, я чувствовал, что должен сопротивляться этому воздействию, но в то же время анализировать его! Мне было не проникнуть в то, что было в ней, вероятно, непостижимо, а чтобы понять что-то о том, как и зачем она живет, нужно было заглянуть в такие дебри, которые недоступны человеческому воображению! И в этом я, пожалуй, был даже чересчур отважен: человек не должен ради знания поддаваться соблазну. С другой стороны, я вызвал к жизни дьявольскую силу и в меру своих сил должен отвечать за возможные последствия. Я узнал, что она враг детям – значит, она может причинить вред Малюткам. Когда я покинул их,

они надеялись на то, что я пролью хоть чуть-чуть света на их историю, а теперь я должен сделать большее – я должен защитить их!

Расслышав, наконец, некое движение внутри пустого города, я прошел через следующие ворота, за которыми поднялся между высокими домами узкой улочки к маленькой площади и присел на основание колонны, вершина которой была украшена каким-то чудовищным созданием, похожим на летучую мышь. Вскоре мимо меня не спеша прошли несколько жителей города. Я заговорил с одним из них, он ответил мне наглым взглядом и грубыми словами, после чего ушел.

Я поднялся и пошел дальше, минуя одну за другой узкие улочки, постепенно уставая от встреч с бездельниками, и не очень удивляясь тому, что на улицах нет детей. Вскоре недалеко от каких-то ворот мне повстречалась группа молодых людей, которые напомнили мне плохих великанов. Они приближались, пристально присматриваясь ко мне, и некоторое время спустя начали толкать меня, а затем и бросаться всякими предметами. Я толкался, как мог, стараясь не вызывать большей вражды там, где я собирался остаться еще на некоторое время. Не раз и не два я взывал к прохожим, которые выглядели более или менее благожелательно, но ни один из них не остановился хотя бы на секунду, чтобы выслушать меня. Я выглядел нищим, и этого для них было достаточно: жителей Булики, словно дворовых псов, бедность оскорбля-

ла! К уродству и болезням относились с неодобрением, и никакие законы их принцессы не одобрялись с таким усердием, как те, что заставляли бедность служить богатству.

Наконец, я удрал, и никто не последовал за мной за ворота. Сидящий у ворот и жующий ломоть хлеба дюжий детина поднял было камень, чтобы бросить его мне вдогонку, но в своем идиотичном порыве швырнул в меня не камень, а хлеб. Я подобрал хлеб, а он не осмелился последовать за мной с тем, чтобы его отобрать, – за стенами города они все до одного были трусами. Я прошел несколько сотен ярдов, прилег на землю, съел хлеб и лег спать, и спал на траве беспробудным сном, где жаркий солнечный свет восстанавливал мои силы.

Была ночь, когда я проснулся. Луна взирала с небес самым дружеским образом, словно на старого знакомого. Она была очень яркой, как та луна, подумал я, что приглядывала за мной во время той ужасной первой ночи, которую я провел в этом странном мире. От ворот разило холодным сквозняком, несущим с собой смрад, но мне не было холодно: так солнечный свет напитал меня теплом. Я снова прокрался в город. И там я встретил нескольких людей, которые еще были на улице и жались по углам, чтобы укрыться от порывов ветра.

Я медленно шел по длинной узкой улице, когда прямо передо мной что-то огромное и белое пересекло улицу, на одно мгновение сверкнуло в лунном свете и исчезло. Я свернул в

ближайшее открытое место, страстно желая увидеть, что бы это могло быть.

Я свернул на узкую улочку, почти такую же узкую, как та, по которой я прежде шел, но она вывела меня на другую, более широкую. И в тот миг, когда я как раз выходил на последнюю, я увидел на другой стороне, в тени домов, существо, которое я принял за человека и за которым я шел, преследует, вероятно, собака. Он ежесекундно оглядывался через плечо на животное, которое шло за ним по пятам, но не пыталось ни заговорить с ним, ни прогнать прочь. Там, где оно пересекло пятно лунного света, я заметил, что оно не отбрасывает тень, и само похоже на тень на стене, словно существующую только в двух измерениях.

Но, хоть это и была всего лишь тень, она была непрозрачной, так как не просто затеняла какой-то объект, находящийся прямо за ней, но делала его на самом деле невидимым.

В тени она была темнее тени; в лунном свете она выглядела так, словно натянула на себя свою собственную тень, так как даже ни намек на таковую не двигалось рядом или под ней. В то же время слабо мерцающий зверь, со своей стороны, который шел за ней по пятам так близко, что сам казался светлой тенью от ее темной фигуры (и которого я теперь смог рассмотреть, и понял, что это леопардиха), отбрасывал свою собственную скользящую тень на землю.

Когда они вместе оказывались в лунном свете, тень темнела, зверь лучился светом. Мгновение я шел рядом с ни-

ми по другой стороне улицы, и мои босые ноги шлепали по плоским камням, и зверь ни разу не повернулся ко мне, даже не повел ухом, тень, казалось, один раз взглянула на меня, так как я вдруг потерял ее профиль, и некоторое время выглядела тонкой вертикальной линией. И в это мгновение ветер обнаружил меня и завертелся вокруг меня волчком, я задрожал с головы до пят, и мое сердце застучало в груди, словно рассыпающийся галькой шум детского суматошного веселья.

Глава 23

ЖЕНЩИНА БУЛИКИ

Я свернул в переулок и нашел себе убежище под небольшой аркой. Я остановился у входа в нее, и выглянул наружу затем, чтобы посмотреть на лунный свет, который заливал переулок. В тот же миг вслед за мной под арку впорхнула женщина, обернулась, дрожа, и тоже выглянула наружу. Прошло несколько секунд, и вот огромный леопард, белая шкура которого была покрыта множеством пятен, пронесся от края до края арки. Женщина прижалась ко мне, и мое сердце наполнила жалость. Я обнял ее.

– Если эта тварь подойдет сюда, я постараюсь удержать ее, – сказал я, – а вы бегите.

– Спасибо!.. – прошептала она.

– Вы когда-нибудь прежде ее видели? – спросил я.

– Несколько раз, – ответила она, продолжая дрожать, – это домашняя кошка принцессы. Вы не здешний, а то бы вы ее знали!

– Я не отсюда. – ответил я. – И что же, она позволяет ей бегать без привязи?

– Она держит ее в клетке, в наморднике, а ее лапы – в колodках из крокодиловой кожи. Она еще и привязана цепью, но она часто удирает прочь и пьет кровь любого ребенка, до

которого сможет добраться. К счастью, редко кто в Булике становится матерью!

С этими словами она разразилась рыданиями.

– Хочу быть дома! – всхлипывала она. – Принцесса вернулась только прошлой ночью, и вот здесь уже ее леопард. Как я теперь попаду домой? Она за мной гоняется, я знаю! Она будет лежать у двери моего дома и поджидать меня!.. Но какая же я глупая, зачем я говорю с чужаком?

– Все чужаки очень неплохие люди! – сказал я. – Тебя не тронет зверь, пока будет иметь дело со мной, а до тех пор ты уже окажешься дома. Тебе повезло, у тебя есть дом, в который ты можешь вернуться. Какой жуткий ветер!

– Отведите меня домой, и, если мы доберемся целыми и невредимыми, и я позволю вам укрыться от него, – ответила она. – Но мы должны немного подождать.

Я задал ей множество вопросов. Она рассказала мне, что люди здесь ничем другим не заняты, кроме добычи драгоценных камней в своих клетушках. Они богаты, и все, что им необходимо, делают для них в других городах.

– Но почему? – спросил я.

– Потому что работать позорно, – ответила она. – В Булике все это знают!

Я спросил, как они могут быть богаты, если никто из них не зарабатывает денег. Она ответила, что содержание им оставили предки, и поэтому деньги никогда не кончаются. А когда все же кто-то нуждается в деньгах, он продает немного

своих драгоценностей.

– Но кто-то при этом должен становиться беднее! – сказал я.

– Я думаю, так и есть. Но мы никогда не думаем о таких людях. Если кто-то становится бедным, мы забываем о нем. Так мы сохраняем богатство. Мы можем быть богатыми всегда.

– Но вы выкопаете все свои драгоценные камни и продадите их, и проживете деньги, и когда-то у вас ничего не останется!

– У нас их так много, и так много осталось еще в земле, что этот день никогда не настанет!

– Но, допустим, чужие люди нападут на вас и отберут все, что у вас есть!

– Никто из чужаков не осмелится! Все они страшно боятся нашей принцессы. Она – та, кто дает нам возможность жить в безопасности, свободе и богатстве!

Все то время, пока она это говорила, она останавливалась и оглядывалась.

Я спросил ее, почему жители города так ненавидят чужаков.

Она ответила, что их присутствие оскверняет город.

– Почему это? – спросил я.

– Потому что мы более древняя и благородная нация, чем любая другая. И поэтому, – добавила она, – мы всегда выставляем чужих из города прежде, чем наступает ночь.

– Но как же тогда вы пустите меня в дом? – спросил я.

– Для вас я сделаю исключение, – ответила она.

– Неужели во всем городе нет ни одного места, где мог бы остановиться странник?

– Такое место разорили бы, а его хозяина – сожгли. Как можно сохранить чистоту, если не держать чернь на должной дистанции? Достоинство – это такая деликатная вещь!

Она рассказала мне, что принцесса правит уже тысячи лет, что у нее есть власть над воздухом и водами, равно как и над землей – и, она предполагает, и над огнем тоже; поэтому принцесса может делать все, что ей заблагорассудится, и ни перед кем не отчитываться.

Когда она наконец набралась храбрости, чтобы рискнуть попробовать, мы продолжили путь по улочкам и узким проходам и добрались до ее двери, не встретив по дороге ни одного живого существа. Дверь находилась на широкой улице, между двумя высокими домами, к ней вела узкая, крутая лестница, по которой хозяйка поднималась медленно, и я последовал за ней. Но еще до того, как мы добрались до ее верха, она испугалась и буквально взлетела вверх по оставшимся ступенькам. Я поспел как раз к тому времени, когда передо мной захлопнулась дверь, и, сбитый с толку, стоял на площадке между дверями двух домов, находящимися друг напротив друга. Ширины лестничной площадки было едва достаточно для того, чтобы там мог прилечь взрослый человек.

Уставшему и не желающему осквернить Булику своим присутствием, мне пришлось воспользоваться преимуществами по-настоящему скромного приюта.

Глава 24

БЕЛЫЙ ЛЕОПАРД

У подножия лестницы лежала залитая лунным светом улица, все вокруг было пронизано нездоровым, недружелюбным сквозняк. Но вовсе не его тяжелым дыханием было вызвано мое отступление, и я уже пристроился отдохнуть, когда мои глаза открылись, и я увидел рядом с собой голову того светящегося создания, которое я недавно видел, того, что сопровождало Тень; голова возвышалась над верхней ступенькой! В тот миг, когда его взгляд встретился с моим, оно остановилось и стало спускаться хвостом вперед. Я поднялся и оно, не имея достаточного места развернуться, прыгнуло назад, головой через хвост, приземлилось на свои лапы и в мгновение ока оказалось у подножия лестницы и скрылось. Я спустился вслед за ним и внимательно осмотрел всю улицу. Его там не было, и я вернулся к своей жесткой постели.

Таким образом, получалось, что два злобных создания шастали по городу, и одно из них было крапчатым, а второе – нет! Я не был расположен рисковать ни ради мужчины, ни ради женщины, если они были жителями Булики, но жизнь ребенка была несомненно важнее жизни такого ничтожества, как я, и я отважился покараулить у двери до конца ночи.

Некоторое время спустя я услышал, как скребется, отодвигаясь, щеколда, медленно-медленное я посмотрел вверх и увидел, что дверь полуоткрыта, поднялся и тихонько проскользнул в нее. За ней стояла не та девушка, которой я недавно помог, а та укутанная женщина, с которой я повстречался в пустыне. Не произнося ни слова, она поманила меня за собой в комнату, вымощенную камнем, и указала мне на коврик, который лежал на полу. Я завернулся в него и снова попытался улечься спать. Она прикрыла дверь комнаты, и я услышал, как открылась и снова закрылась наружная дверь. И от того лунного сияния, которым был наполнен воздух снаружи, не осталось ничего.

Так как я лежал, и сон не шел ко мне, я начал слышать чьи-то придушенные стоны. Я слышал их довольно долго, а затем послышался детский плач, а за ним последовал ужасный визг. Я вскочил и бросился в проход: а из другой двери в него вошла белая леопардиха с новорожденным младенцем в пасти, которого она несла так, словно он был ее собственным детенышем. Я бросился к ней и заставил ее отпустить ребенка, который упал на каменные плиты с жалобным воплем.

Появилась и укутанная женщина – она кричала. Она встала между нами – мной и зверем, в узком проходе, где мы сражались, схватила ребенка и унесла его прочь. Вернувшись снова, она оттащила меня от животного, открыла дверь и осторожно вытолкнула меня вон. Следом за мной последовала и леопардиха.

«И она тоже предала меня, – подумал я. – Она отдаст меня зверю, чтобы тот мог со мной позабавиться! Но без драки я не сдамся!»

Я сбежал вниз по лестнице, опасаясь того, что она бросится мне на спину, но она последовала за мной спокойно и тихо. У подножия я обернулся, чтобы схватиться с ней, но она перепрыгнула через мою голову, и когда я снова обернулся, чтобы встретить ее лицом к лицу, она лежала у моих ног. Я наклонился и погладил ее прекрасную белую шкуру, а она лизнула своим тяжелым мокрым языком мою голую ногу. Тогда я похлопал и приласкал ее, повинуюсь приливу нежности, захлестнувшему вдруг мое сердце. Может, и она тоже предательница, но если я отвергну хотя бы одно проявление любви, которое впоследствии окажется притворством, то как я смогу вообще отыскать настоящую любовь, Которой всегда есть место в любом из миров?

Я выпрямился; поднялась и она, и стояла рядом со мной. Какой-то громоздкий предмет упал с тяжелым хлопом почти на середину улицы, в нескольких ярдах от нас. Я побежал к нему, и он оказался некой мягкой массой, в которой с большим трудом можно было угадать женское тело. Должно быть, она выпала из одного из соседних окон! Я огляделся и увидел Тень. Та шла по другой стороне улицы с белой леопардихой, которая следовала за ней по пятам.

Я последовал за ними и догнал их, очень надеясь в душе на то, что, возможно, леопардиха не разгуливает без привя-

зи. Однако, когда я оказался неподалеку от них, она бросилась на меня с таким ужасным рычанием, что я инстинктивно отскочил назад, и тут же она заняла свое место – за Тенью. И снова я подошел ближе, и снова она бросилась на меня, ее глаза горели, словно живые изумруды. И еще один раз я решил попробовать: она бросилась на меня, словно собака, и укусила меня. Мое сердце упало, я завопил, после чего создание обернулось и наградило меня взглядом, в котором я ясно прочел: «Зачем ты заставляешь меня это делать?»

Я отвернулся, рассердившись на себя. Я только и делал, что зря терял время, оказавшись здесь! Ночь подходила к концу, и я должен был идти прямо во дворец! От площади, которую я там видел – вверх, к сердцу города, окруженному множеством укреплений, напоминавшему скорее крепость, чем дворец!

Но при ближайшем рассмотрении его укрепления оказались полузаброшенными и частью разрушенными. Похоже, целые века за ними никто не присматривал! У крепости были огромные и мощные ворота, с чем-то вроде подъемного моста над трещиной в скале; но они стояли открытыми, и трудно было себе представить, что когда-то вода наполняла низину перед ними. Вокруг было так тихо, что казалось, что сон пропитывает даже лунные лучи, которые выглядели здесь чересчур уж бодрствующими. Либо я должен был красться, как вор, либо должен был разбить оковы тишины, которая путалась даже тени звука!

Как бродячая собака, я бродил у стен крепости, когда обнаружил небольшую выемку в камне и что-то вроде скамейки; я решил укрыться там от ветра, прилег, и, несмотря на то, что мне было очень холодно, заснул.

И проснулся оттого, что по мне что-то прыгало и лизало мое лицо шершавым кошачьим языком. «Это белая леопардиха! – подумал я. – Она пришла затем, чтобы напиться моей крови! Но почему же она не возьмется за дело? Мне проще уступить ей, чем пытаться защищаться!» И я тихо лежал и ждал боли. Но она заставляла себя ждать, вместо ее клыков приятное тепло начало проникать и растворяться во мне. Вытянувшись вдоль моей спины, она прижалась ко мне так плотно, как только смогла и тепло ее тела медленно проникало в меня, и ее дыхание, в котором не было ничего звериного, окутывало мою голову и лицо чудесным веянием. У меня появилась полная уверенность в том, что ничего плохого она мне не сделает. Я повернулся, словно спящий ребенок, положил на нее свою руку и погрузился в глубокое забытие.

Когда я начал приходить в себя, мне показалось, что я лежу в своей кровати – так мне было тепло и сухо. «Может быть, я и есть дома?» – подумал я. Хорошо знакомые мне запахи сада, казалось, окружают меня. Я открыл глаза и огляделся: я лежал на голем камне, в самом сердце ненавистного города!

Я поднялся со скамейки. Действительно ли я выспался в обществе леопардихи, или мне это только приснилось?

Должно быть, она только-только оставила меня, ведь тепло ее тела все еще было со мной!

Я оставил свое убежище с новой надеждой, настолько же сильной, насколько неопределенной. Одно только я знал точно: я должен найти принцессу! Несомненно, я получил какую-то власть вместе с ней, если не над ней!

Разве я не спас ее жизнь, разве она не продолжала жить только за счет моих жизненных сил? Это соображение дало мне мужество искать с ней встречи, чем бы она ни была.

Глава 25

ПРИНЦЕССА

Делая круги по территории замка, я снова подошел к открытым воротам, пересек похожий на овраг ров, и оказался посреди мощеного двора, обсаженного с равными интервалами пирамидальными деревьями, похожими на тополя. В центре стоял один из них, и он был выше остальных; его ветви около вершины слегка разрослись и сделали его немного похожим на пальму. За огромными стволами словно мерцал дворец, стиль которого показался мне странным, но скорее напоминал индийские образцы. Он был длинным и низким, с высокими башнями по краям и одним огромным куполом посередине, вздымающимся над крышей на половину высоты башен. Главный вход был в центре фасада – низкая арка, которая казалась половиной эллипса. Никого не было видно, двери стояли широко раскрытыми, и я вошел без приглашения в большой длинный овальный зал. У одной из его стен стояла клетка, в которой лежала мордой на лапах огромная леопардица, прикованная стальной цепью, в наморднике и со связанными лапами. Она была белой, с овальными темными пятнами, и лежала, уставившись в пространство широко раскрытыми глазами с похожими на каноэ зрачками в огромных зеленых радужках. Я был уверен, что она наблюдает за мной,

но ни глазами, ни лапами, ни движением усов, ни вытянутым, словно железный прут, хвостом она этого не выдавала. Я даже не мог решить, живая ли она на самом деле, или нет.

Из этого зала было два выхода, два низких прохода, и я пошел по одному и обнаружил, что он разветвляется на множество других, неправильной формы и узких. В одном из таких мест, где как раз один из этих проходов разделялся на два, я столкнулся лицом к лицу с мальчишкой-пажом. Он в панике кинулся назад, но, разглядев меня как следует, набрался наглости и вернулся назад, чтобы осведомиться, зачем я сюда явился.

– Мне нужно увидеть принцессу, – ответил я.

– Только и всего-то? – ответил он. – Сегодня утром я и сам не видел ее высочество!

Я взял его за шкуру, встряхнул и сказал:

– Или ты немедленно отведешь меня к ней, или я буду таскать тебя за собой, пока не найду ее сам. Она должна знать, как ее слуги привечают гостей!

Он обжег меня взглядом и потащил, словно собака-поводырь, и приволок на огромную кухню, где множество не очень занятых слуг лениво подремывало. Я ожидал, что они набросятся на меня и вышвырнут вон, но вместо этого они широко раскрывали глаза и смотрели – не на меня, а на что-то за моей спиной, и чем дальше смотрели, тем больше пугались. Я повернул голову и увидел белую леопардиху, обводившую их таким взглядом, от которого застыло бы и более

храброе сердце.

И все же, наконец, один из них, сообразив, что атаки прямо сейчас, вероятно, не предвидится, несколько пришел в себя. Я повернулся к нему и отпустил мальчика.

– Отведи меня к принцессе, – сказал я.

– Она еще не выходила из своей комнаты, ваша светлость, – ответил он.

– Доложи ей, что я здесь и жду приема.

– Не будет ли ваша светлость столь любезна и не назовет ли мне свое имя?

– Скажи, что некто, хорошо знакомый с бледной пиявкой, хочет ее видеть.

– Если я так и скажу, она просто убьет меня, я не могу. Я не посмею.

– Ты отказываешься?

Он взглянул на мою спутницу и таки отправился. Остальные перестали пялиться – они слишком ее боялись, чтобы просто так рассматривать. Я повернулся туда, где стояло это прекрасное создание, с мордой, склоненной к моим ногам, белая, как молоко, мерцающая теплым сиянием в этом мрачном месте, наклонился и похлопал ее. Она посмотрела на меня снизу вверх, и одного движения ее головы оказалось достаточно для того, чтобы слуги бросились врассыпную. Она поднялась на задние лапы, и положила передние мне на плечи; а я поднял руки, чтобы обнять ее. Она прижала уши и бросилась прочь; мгновения не прошло, как она исчезла из

виду.

Вошел человек, которого я послал к принцессе.

– Пожалуйста, следуйте за мной, господин, – сказал он.

Мое сердце застучало в висках предчувствием встречи. Я шел за ним через множество проходов и наконец оказался в комнате, такой огромной и такой темной, что я не мог разглядеть ее стен. Единственное светлое пятно было на полу, но вокруг этого пятна все было черно. Я посмотрел вверх и увидел на огромной высоте овальное отверстие в потолке, по краям которого можно было разглядеть швы между плитами черного мрамора. В пятне света на полу можно было разглядеть плотно пригнанные друг к другу плитки из того же материала. Позже мне удалось разглядеть, что сводчатые стены тоже были из черного мрамора, поглощающего тот слабый свет, который попадал на них. Потолок был вытянутой половиной эллипсоида, и отверстие в нем находилось над одним из фокусов эллипса пола. Мне показалось, я вижу какие-то отблески красноватых линий, но когда я попытался рассмотреть их повнимательнее, они исчезли.

И, наконец, посреди всей этой тьмы, стояла светлая фигура, от которой во все стороны расходилось мерцающее сияние. По сияющим белым одеждам струились водопадом черные, как сам мрамор, на который они падали, волосы. Ее глаза светились чернотой, руки и ноги были теплого цвета слоновой кости. Она приветствовала меня невинной улыбкой девочки. Ее лицо, фигура, движения – все говорило о том,

что она едва переступила порог, который отделяет девочку от девушки.

«Увы! – подумал я. – И вот это – то, чего я опасался? Может ли быть она той женщиной, которую я спас, той, которая ударила меня, презирала, бросила?» Я стоял, глядя на нее из темноты, а она смотрела, глядя в темноту так, словно искала в ней меня.

Она исчезла.

«Она не признала меня!» – подумал я. Но в следующий миг ее глаза сверкнули в темноте, и ее взгляд остановился на мне. Она увидела меня и шла ко мне!

– Вы все-таки нашли меня наконец! – сказала она, положив свою руку мне на плечо. – Я знала, что вы сможете это сделать!

Мое существо пробрала и оставила обессиленным дрожь недоумения от того, что меня завлекали и отталкивали – и все это происходило одновременно.

– Вы дрожите! – сказала она. – Вам холодно здесь! Идите.

Я стоял и молчал: я онемел от ее красоты, своей привлекательностью она приковала меня к месту.

Взяв за руку, она отвела меня туда, где на пол падало пятнышко света, и снова подняла на меня глаза. Снова она оказалась рядом.

– Вы загорели с тех пор, как я вас последний раз видела, – сказала она.

– Почти впервые я оказался под крышей с тех пор, как вы меня покинули, – ответил я.

– А в другой раз кто приютил вас? – спросила она.

– Я не знаю, как звали эту женщину.

– Я была бы рада узнать ее имя! Не очень-то силен в моих людях инстинкт гостеприимства!

Она снова взяла меня за руку и отвела сквозь темноту по множеству ступенек к черному занавесу.

За ним была белая лестница, по которой мы поднялись в прекрасную комнату.

– Как вам должно было не доставать бегущего потока горячей реки! – сказала она. – Но здесь, вон в том углу, есть ванна, и в ней нет бледных пиявок. У изголовья вашей постели вы найдете одежду. Когда вы спуститесь, я буду в комнате, слева от вашей, у подножия лестницы.

Она ушла, а я стоял и ругал себя: как мог я предположить, что в этой прекрасной женщине, которая относилась ко мне так, словно была моей сестрой, что-то плохое? Как произошло такое чудесное перевоплощение? Она ударила меня и бросила, а вот теперь встречает с распростертыми объятиями.

Она оскорбила меня, сказав, что знает, что я пойду за ней и буду искать встречи! Знает ли она о сомнениях, которые во мне пробудила – сколько еще мне ждать, пока они разрешатся? И сможет ли она объяснить все? А ее гостеприимством, несомненно, заслуженным мною, я воспользуюсь, по

крайней мере до тех пор, пока не составлю себе определенного мнения о ней.

Может ли такая красота, какую я видел и такая злоба, которую я в ней подозревал, уживаться в одном существе? А если это так, то как такое может быть? Я не смог ответить на первый вопрос, а ответа на второй мне точно придется подождать!

Кристалльно чистая вода в большой белой ванне отбрасывала сверкающие блики из угла, где она находилась чуть ниже уровня мраморного пола, и, казалось, звала меня в свои объятия. С тех пор как я покинул дом, я не видел воды нигде, кроме горячего потока, тех нескольких глотков, которые я сделал в доме женщины, укутанной в вуаль, и в лужицах, которые остались в следах раненой леопардихи, и теперь вода казалась мне чем-то неземным, волшебным. И я нырнул в нее.

И тут же я почувствовал запах, и он забрался мне в голову, запах, странный и изысканный, и не могу сказать, что он мне вполне понравился. И снова я усомнился в принцессе – может, это какие-то снадобья? Может, вода заколдована? Может, она хочет поступить со мной нечестно? И откуда столько воды во дворце, если в городе нет ни капли? Я вспомнил раздробленную лапу леопардихи и выскочил из ванны.

В чем это я купался? Снова перед моим взором встала мать, которая спасалась из города, снова я услышал вой, вспомнил хромого зверя. Но какая разница, откуда взялась

вода? Разве она не была мне приятна? Может, это была та самая вода, которую исторгают из своих сердец плотоядные растения затем, чтобы подманить усталого путника? Вода приходит с небес; что плохого может произойти в тех местах, где она накапливается, кроме того, что наступит весна? И все же я не смог вернуться в ванну.

Я надел приготовленные для меня белые шерстяные одежды, с вышивкой по воротнику и подолу, и спустился вниз по лестнице к комнате, в которую направила меня моя хозяйка. Она была кругла, сверху до низу отделана гипсом и без единого окна. Свет шел отовсюду, даже, скорее, не свет, а мягкое жемчужное мерцание. Мутные темные тени метались по стенам и низкому потолку, словно рыщущие по серому небу грозовые облака.

Принцесса стояла и ждала меня в одеждах с вышитыми на них серебряной нитью кольцами и дисками, прямоугольниками и ромбами, сплетающимися вместе в серебряную чешую. Казалось, одежда составляет одно целое от ее шеи до самых пят, но рукава оставили руки открытыми.

В комнате был стол из слоновой кости, а на столе были пироги и фрукты, костяной кувшин с молоком, хрустальный кувшин с бледно-розовым вином и белый хлеб.

– Здесь мы не убиваем, чтобы есть, – сказала она, – но, я думаю, вам понравится то, что я могу вам предложить.

Я ответил, что не могу желать ничего лучшего, чем то, что вижу перед собой. Она присела на кресло возле стола и при-

гласила меня сесть рядом с ней. Она налила мне миску молока и, протягивая мне хлеб, предложила отломить тот кусок, который мне больше по вкусу. Затем она налила вина из кувшина в два серебряных кубка необыкновенно изящной работы.

– Вы никогда прежде не пили такого вина! – сказала она.

Я выпил и был потрясен – казалось, каждый цветок Хюблы и Гиметты послал по кусочку своей души, чтобы наполнить душу напитка!

– А теперь, чтобы вы были в состоянии меня слушать, – продолжала она, – мне необходимо сделать все, что я могу для того, чтобы вы меня поняли и чтобы мой рассказ был вразумительным. Однако мы настолько разные, что это будет непросто. Мужчины и женщины живут, но должны умереть, мы, то есть такие, как я, а нас немного, живем, чтобы продолжать жить. Старость вас пугает, а я ее жду и для меня она – подарок, мы взрослеем и приближаемся к своему расцвету. Ваш расцвет беден, наступает рано, длится недолго, наш же – сам по себе есть постоянное совершенствование.

Я сама еще не созрела, а прожила уже тысячи ваших лет – а сколько точно, меня никогда не заботило. Вечное нет смысла мерить.

Много поклонников добивались меня, мне никто был не мил: они хотели сделать меня своей рабой; домогались меня так, как жители моего города жаждут заполучить драгоценный камень. Когда вы меня нашли, я поняла, что встретила

настоящего мужчину! Я предложила вам небольшое испытание, и вы его выдержали с честью; ваша любовь – истинна! Но, однако, далека от совершенства, ей далеко до той любви, которую могла бы испытывать я. Вы любите меня по-настоящему, но не настоящей любовью. Это жалость, а не любовь. Какая женщина в каком из миров променял бы любовь на жалость? Та любовь, которую вы испытывали ко мне тогда, была мне ненавистна. Я знала, что, если вы увидите меня такой, какая я есть на самом деле, вы полюбите меня так, как любят смертных – тех, кому нужно, чтобы о них либо заботились, либо подчиняли. Но я не такая. Я хочу, чтобы меня любили по-другому! Я хочу, чтобы у меня была любовь, которая способна превозмочь безысходность, которая отринет безразличие, ненависть, презрение! Поэтому я сделала вид, что я жестокая, злобная, неблагодарная. И, когда я покинула вас, я знала, что из жалости вы за мной не последуете – ведь я больше не нуждалась в вас! Но вы должны были удовлетворить мою жажду или освободить меня – вы должны были доказать либо свою бесценность, либо бесполезность! Чтобы удовлетворить голод любви, вы должны были последовать за мной, ничего не рассчитывая получить взамен – ни благодарности, ни хотя бы жалости. Вы должны были последовать за мной и найти меня, чтобы удовлетвориться простым присутствием и терпеть – бесконечно... Я потерпела поражение и проиграла спор, я, а не вы!

Она нежно посмотрела на меня и спрятала лицо в ладонях

Но я заметил, как сверкнули ее глаза за поволокой нежности и не поверил ей. Она старалась показаться беззащитной и поработить меня или околдовать.

– Прекрасная принцесса, – сказал я, – как случилось, что я нашел вас в таком ужасном состоянии?

– Есть вещи, которые я объяснить не смогу, – ответила она, – до тех пор, пока вы не будете в состоянии их понять – а это произойдет лишь тогда, когда ваша любовь станет совершенной. Есть много вещей, настолько скрытых от вас, что вам не стоит даже стремиться их узнать; но на любой вопрос, который вы зададите, я как-нибудь найду ответ.

Я отправилась навестить часть своих владений, захваченных дикими карликами, сильными и жестокими, врагами закона и порядка, сторонящихся любого прогресса... злой народ. Я отправилась одна, ничего не опасаясь, не испытывая ни малейшей необходимости принять какие-то меры предосторожности. Я не знала, что за горячим потоком, рядом с которым вы меня нашли, некая женщина, конечно, не такая сильная, как я, не бессмертная, произнесла надо мной то, что вы называете заклинанием, которое только и может, что сделать недвижимым живое и все прочее, но находится много выше понимания смертных, тех, что используют эту силу. Я продолжила свое путешествие, дошла до потока, перепрыгнула через него...

Тень замешательства проскользнула по ее лицу. Запнувшись на минутку, она продолжала:

– Вы знаете ведь, что кое-где он не шире нескольких шагов! Но, когда я уже сделала это, смутное сомнение объяло меня холодом. Я, наконец, сообразила, чем может грозить мне этот наговор, и поняла, какой эффект может он произвести. Собравшись с последними силами, я доплелась до леса – и с тех пор ничего больше я не могу вспомнить, до тех самых пор, когда я увидела вас спящим и этого ужасного червя у вашей шеи. Я подползла к вам, отбросила прочь чудовище и прикоснулась губами к вашей ране. Вы начали просыпаться, и я забралась обратно в листья.

Она поднялась, ее глаза сверкали так, как никогда не сверкают человеческие глаза, и воздела руки над головой.

– Все, что вы сделали для меня, вернется к вам сторицей! – воскликнула она. – Я вознагражу вас так, как ни одна женщина не смогла бы! Моя сила, моя красота, моя любовь теперь ваша – примите ее!

Она бросилась передо мной на колени, обняла меня за ноги и снизу вверх посмотрела мне в лицо.

И тут впервые я заметил на ее левой руке большую грубую перчатку. И я увидел под ней каким-то внутренним зрением шерсть и когти, но тем не менее я знал, что рука, хорошо укутана – может, потому, что сильно покалечена. Я взглянул на другую: милая женская ручка, совершенно обычная... И я почувствовал, что, если я буду хоть чуть-чуть меньше ненавидеть, то полюблю.

Она стала подниматься. Я сидел ни жив ни мертв, не под-

нимая глаз.

«Может быть, мне она сказала правду!» – произнесло во мне мое тщеславие. И в это мгновение я испытывал страшный соблазн возлюбить неправду.

Скорее какой-то запах, чем простая и благородная пульсация воздуха, окутал меня. Я поднял глаза...

Она стояла передо мной, выпрямившись и помахивая надо мной своими прекрасными руками самым колдовским образом.

Ужасающий рев снова заставил мое сердце запрыгать по своей клетке. Гипс затрясся так, словно его кто-то расшатывал нарочно. Принцесса тоже заметно тряслась.

– Мое вино слишком сильно на вас подействовало! – произнесла она дрожащим голосом. – Я не должна оставлять вас на этом сквозняке! Идите и поспите немного, и, когда проснетесь, просите меня обо всем, что может доставить вам радость. Я пойду с вами. Идемте же.

Когда мы уже поднимались по лестнице, она сказала:

– Меня не удивляет, что этот рев вас напугал! Должна сознаться, он напугал и меня: на секунду я подумала, что она вырвалась. Но это невозможно.

Однако отчего-то мне показалось (не могу сказать почему именно), что это рычала белая леопардиха, и обращалась она ко мне, а не к принцессе.

Улыбнувшись, она оставила меня у двери моей комнаты, но когда она отворачивалась, я прочитал на ее лице тревогу.

Глава 26

КОРОЛЕВСКАЯ БИТВА

Я бросился на кровать и стал обдумывать про себя ту сказку, которую она мне рассказала. Она забылась, и одно необдуманное слово устранило одно затруднение, которое касалось тех обстоятельств, при которых я обнаружил ее в лесу. Это леопардиха прыгала через поток, а принцесса лежала на берегу ничком. Горячий поток расколдовал ее! Но ее собственное описание цели ее путешествия обнаружило надвигающуюся опасность для малюток – я спасу их жизни от этого чудовища!

Добравшись в своих рассуждениях до этого умозаключения, я заснул. Должно быть, чудесное вино не было настолько невинным, как казалось.

Когда я открыл глаза, была ночь. Лампа, подвешенная под потолком, заливала комнату ярким мягким светом. Восхитительная слабость окутывала меня. Мне казалось, я плыву где-то далеко от земли по поверхности сумрачного моря. Жизнь казалась приятной, я не чувствовал боли. Ну конечно, я же умер!

Не болит! – ах, что за смертная боль пронзила меня! Что за тошнотворное жало! Оно жалит прямо в сердце! И снова! Какая резкая, и какая же тошнотворная! Я не мог поднять

руку, чтобы положить ее на сердце, что-то держало ее!

Боль прошла, но все мое тело казалось парализованным. Что-то злое было надо мной, я боролся с чем-то омерзительным. Я сражался, но не мог выиграть битву. Моя воля прилагала отчаянные усилия, чтобы заявить о себе, но напрасно. Затем я начал чувствовать чью-то мягкую руку, прижимающую мою голову к подушке, и почувствовал что-то тяжелое и живое, лежащее поперек меня.

Дышать стало свободнее, я больше не чувствовал на себе чьего-то веса; я открыл глаза.

Принцесса стояла надо мной на кровати и с видом лунатика озиралась по сторонам. Ее большие глаза были чистыми и спокойными. Ее рот выглядел так, словно она только что удовлетворила свою страсть; она вытерла с него красную полосу.

Она поймала мой взгляд, соскользнула прочь и набросила мне на глаза платок, который был у нее в руке; я почувствовал, как глаза словно полоснули ножом и на секунду или две я ослеп.

Я услышал глухой низкий звук, словно где-то рядом приземлился на мягкие лапы большой зверь. Я открыл глаза и увидел, как покачивается, исчезая за полуоткрытой дверью, длинный хвост. Я бросился за ним.

Это создание куда-то уже исчезло. Я бросился вниз по лестнице в гипсовую комнату. Луна стояла высоко, и это место было залито слабым лунным отражением солнечного

света. Принцессы здесь не было. Я должен был ее найти – в ее присутствии я мог себя защитить, а без нее – нет! Я был для нее домашним животным, которое ее кормило, источником человеческой крови для одержимого! Она оказывала мне знаки внимания затем, чтобы было проще меня использовать! Когда мои глаза открыты, я не боюсь ее, но рано или поздно они закроются, и придет она! Я не видел ее, но мне казалось, что она повсюду, но где-то же она должна быть – должна дожидаться меня в каком-нибудь закоулке сна! Только когда мои глаза видели ее рядом, я мог чувствовать себя в безопасности.

За гипсовой комнатой была дегтярная темнота, и я нащупывал путь руками и ногами. Наконец, я нащупал занавеску, сдвинул ее и вошел в черный зал. Там было большое молчаливое собрание. Как все это могло быть видимым, я не рассмотрел и даже не могу себе представить, так как стены и пол были скрыты чем-то, что казалось бесконечно черным, чернее черной беззвездной ночи, и вдобавок я никого не мог разглядеть отчетливо или хотя бы неясно в смешавшихся, разделенных и окруженных темнотой толпах. Казалось, что мои глаза никогда уже не будут видеть как прежде. Я тер глаза, смотрел снова и снова, но то, что я видел, не становилось отчетливее. Темнота смешалась с очертаниями, тишиной и с неясным движением широкого пространства. Все двигалось в призрачном, беспорядочном танце, заполненным повторяющимся мельтешением теней. И они не были мне незнако-

мы! Вот появилась женщина с восхитительными глазами, выглядывающими из пустого черепа, а там – вооруженный всадник на скелете коня, то тут, то там появлялись чудовищные рыщущие призраки. Я не смог уловить каких-то закономерностей или порядка в их потоках и круговертях. Если мне казалось, что я заметил-таки тень, которая передвигалась в осмысленном ритме танца, этот ритм ломался и снова торжествовал хаос. За развевающимися знаменами в руках казавшихся более прочными призраков собирались беспорядочные толпы теней, каждая из которых вела себя так, как ей заблагорассудится. Я повсюду высматривал принцессу, но нигде на этой мельтешащей калейдоскопом сцене ее не было, и даже признаков ее присутствия я не смог отыскать. Где она была? Что бы она могла сейчас делать? Никто не обращал на меня ни малейшего внимания, пока я бродил там и сям, разыскивая ее. Потеряв, наконец, последнюю надежду, я повернул назад, чтобы поискать ее где-нибудь еще. Наткнувшись на стену и придерживаясь за нее рукой, и так и не обнаружив никого, я вернулся к занавешенному проходу в переднюю.

Тускло освещенная луной, клетка леопардихи казалась помостом, с которого можно было наблюдать за безмолвным побоищем. Два поразительно отличающихся друг от друга силуэта – человеческий и звериный, со странно переплетенными и перемешавшимися телами и конечностями, корчились и сражались, сплетаясь в тесных объятиях. Немедленно

вслед за этим я увидел леопардиху уже вне клетки; она быстро шла к открытой двери. Пospешив за ней, я бросил взгляд назад и увидел леопардиху в клетке, лежащую точно так же без движения, как тогда, когда я ее впервые увидел.

Луна, прошедшая уже полпути, освещала все вокруг ровным светом, бесплотная тень, которую я видел накануне ночью, шла под деревьями к воротам; а за ней шла леопардиха, покачивая хвостом. Я пошел вслед за ними, но на некотором расстоянии и так же тихо, как они, но ни одна из них ни разу не оглянулась. Мы прошли через открытые ворота и спустились в город, тихий, как лунный свет над ним. Лик луны был очень спокойным, и в этом его спокойствии было ожидание.

Тень направилась прямо к лестнице, на верхней площадке которой я отдыхал прошлой ночью. Не задержавшись ни на мгновение, она поднялась по ней, и вслед за ней поднялась и леопардиха. Я пошел быстрее, но спустя мгновение услышал крик ужаса. Затем что-то мягко шлепнулось между мной и лестницей, и у моих ног оказалось тело, чудовищно грязное и изувеченное, но в нем вполне еще можно было разглядеть ту женщину, которая пригласила меня к себе домой и после выставила меня вон. Пока я стоял, окаменев, крапчатая леопардиха прыгнула вниз с лестницы, держа в пасти младенца. Я бросился к ней, чтобы успеть до того, как она встанет на ноги, но в этот самый миг откуда-то из-за моей спины белая леопардиха, словно огромная, раскаленная, сверкающая серебром полоса, выпрыгнула из лунного света и вцепилась

ей в глотку. Та уронила ребенка, я поймал его и стоял, глядя на то, как они сражаются друг с другом.

Что это было за зрелище! Ни одна, ни другая не побеждали, обе слишком поглощенные битвой, когда ничего не было слышно, кроме низкого ворчания, хнычущего вопля, гневного рыка, следующего за скрежетанием когтей, когда каждая из них, толкаясь, терзая и таская соперницу боролись чтобы устоять на тротуаре. Крапчатая леопардиха была больше белой, и я волновался за своего друга, но вскоре я заметил, что, хотя она была ни сильнее, ни быстрее, выносливости у нее было больше. Ни разу она не выпустила из пасти шкуру противницы.

Наконец, из глотки крапчатой вырвался предсмертный вой, быстро превратившийся в продолжительное крещендо последнего вопля умирающей женщины. Белая леопардиха разжала челюсти; крапчатая упала в сторону и поднялась на тонкие ноги. Выпрямившись в лунном свете стояла принцесса, и спутанные колышущиеся тени бежали по ее бледному лицу – темные пятна леопардовой шкуры спешили, толпились, бежали под защиту ее глаз, где погружались в небытие. Несколько последних, более выразительных и припозднившихся, смешались с облаком ее струящихся волос, обнажили ее красоту так, как легион маленьких дымок, несомых ветром, исчезает с серебряного диска луны, и, вниз по белой колонне ее шеи от самой глотки, текли струйки крови из каждой из жутких ран, нанесенных зубами ее соперницы. Она

отвернулась, сделала несколько шагов тяжелой походкой Гекаты, упала, снова покрылась пятнами и удалилась длинными прыжками.

Белая леопардиха тоже повернулась, прыгнула ко мне, толкнула меня под руки, поймала ребенка, когда он падал, и понесла его вдоль по улице к воротам.

Глава 27

МОЛЧАЛИВЫЙ ФОНТАН

Я повернулся и последовал за пятнистой леопардихой, заметив, что она карабкается на бровку холма, к воротам замка. Когда я добрался до парадного зала, принцесса набросила на себя одежды, которые она оставила у входа на полу. Ее раны уже перестали кровоточить, а кровь засохла, высушенная ветром.

Когда она заметила меня, вспышка гнева исказила ее лицо, и она отвернулась. Затем, с натянутой улыбкой, она посмотрела на меня и сказала:

– Я попала в небольшую передрыгу! Я узнала, что женщина-кошка снова наведалась в город, и спустилась, чтобы прогнать ее прочь. Но она прихватила с собой одно из своих ужасных созданий: оно набросилось на меня и вцепилось мне в шею прежде, чем я успела ударить его!

Она дрожала, и я не мог не пожалеть ее, хотя и знал, что она лжет, – ведь раны ее были вполне настоящими, а ее лицо напоминало мне сейчас, как она выглядела тогда, в пещере. В сердце своем я чувствовал себя виноватым в том, что не помог ей, когда она сражалась, и, боюсь, по мне это было заметно.

– Какая неосмотрительность! – сказала она, выдавив из

себя еще одну улыбку. – Да не плачьте же, в самом деле! Подождите меня здесь, я загляну на минутку в черный зал. Я хочу чтобы вы кое-что сделали для моих царапин.

Но я пошел за ней, не отставая. Я боялся ее, когда она была вне поля моего зрения.

В тот миг, когда принцесса вошла в зал, я услышал звук множества низких голосов, и, одна за другой, толпы по очереди стали высвечиваться словно бы лучами света, которые путешествовали от точки к точке. Группа за группой на некоторое время словно выступали из темноты и снова возвращались в общий хаос, пока другая часть громадной толпы словно вспыхивала на мгновение.

Некоторые события, которые на время становились видимыми при этом освещении, были знакомы мне – я участвовал в них или видел их прежде, а теперь я видел еще и то, что делало с ними присутствие принцессы. Вот черепоголовые танцоры выступают по траве лесного зала, а принцесса смотрит на них от двери. Битва кипит в Лесу зла, и это принцесса была в ее средоточии и подливала масла в ее пламя. Пока я стоял за ней все это время, она не двигалась, склонив голову. Но вот беспорядочный шепот стих, беспорядочное мелькание света и теней прекратилось, и только луч света продолжал метаться, посверкивая. Наконец, он остановился будто посреди вересковой пустоши, и там была принцесса, которая бродила туда-сюда, тшась рассеять вокруг себя призрачный туман! И тут впервые я испугался того, что увидел:

к ней подошел старый библиотекарь, остановился на мгновение, пристально посмотрел на нее, и она упала; ее конечности отделились от нее и уползли прочь, а тело исчезло.

Дикий вопль окружил собственным эхом это место, и, как только упал ее призрак, принцесса, которая стояла передо мной окаменевшая, словно статуя, тяжело упала, и осталась лежать недвижимой. Я повернулся и вышел прочь – я не собирался снова возвращать ее к жизни. И когда я стоял, дрожа, перед клеткой, я сообразил, что, когда я был в этом черном эллипсоиде – я попал в самый мозг принцессы! И я снова увидел дрожащий хвост леопардихи.

Пока я старался успокоиться и собраться с мыслями, я услышал позади меня голос принцессы.

– Идемте же, – сказала она. – Я хочу показать вам то, что я хочу, чтобы вы для меня сделали.

Она указала мне путь во двор. Я ответил ей ледяным согласием.

Луна была почти в зените, и ее серебряное сияние казалось ярче золота отсутствующего солнца. Она провела меня мимо деревьев к самому высокому из них, к тому, что стояло в центре. Оно было не похоже на остальные, так как его ветви, соединяясь у вершины попарно, были похожи отсюда, снизу, на еловую шишку. Принцесса подошла к нему вплотную, посмотрела наверх, словно разговаривая о чем-то сама с собой.

– На вершине этого дерева растет крошечный цветок, ко-

торый сразу же излечит все мои раны. Я превращусь ненадолго в голубку и достану его, но я вижу там, в листьях, маленькую змейку, укус которой много опаснее для голубя, чем укус тигра – для меня!.. Как же я ненавижу эту женщину-кошку!

Она быстро повернулась ко мне и произнесла, улыбнувшись одной из своих наисладчайших улыбок:

– Вы сможете туда забраться?

Короткий вопрос – и улыбка исчезла, и лицо ее тут же изменилось, и выглядело теперь грустным и измученным.

Я собирался было оставить ее страдать дальше, но то, как она дотронулась до своей израненной шеи, тронуло мое сердце.

Я осмотрел дерево. Весь его ствол был покрыт остатками сучьев, как ствол у пальмы остатками опавших листьев.

– Я могу забраться на это дерево, – ответил я.

– Но не с голыми ногами! – ответила она.

В спешке, когда я бежал за исчезнувшей леопардихой, я оставил сандалии в моей комнате.

– Это не имеет значения, – сказал я, – я долго ходил босиком.

Снова я посмотрел на дерево, осмотрел весь ствол до того места, где он терялся в ветвях.

Лунный свет тут и там падал и пенился на стволе дерева, и легкий порыв ветра пробежал по его вершине с мягким шуршащим звуком, таким, какой издает падающая вода. Я

подошел к дереву, чтобы начать карабкаться на него. Принцесса остановила меня.

– Я не могу дать вам попробовать это сделать, пока на вас нет обуви! – настаивала она. – Если вы упадете с вершины, вы убьетесь!

– Укушенный змеей! – ответил я, полагая, однако, что никаких змей там нет.

– Вы от этого не пострадаете! – ответила она. – Подождите-ка минутку.

Она оторвала от своей одежды две толстые каймы, которые были связаны вместе посередине, опустилась на одно колено, заставила меня поставить на второе сначала одну мою ногу, а затем вторую, и обмотала мои ноги толстыми вышитыми полосками ткани.

– Вы оставили концы болтаться, принцесса! – сказал я.

– Мне нечем их отрезать, но они не запутаются – они недостаточно длинные, – ответила она.

Я подошел к дереву и начал карабкаться.

Холод не так чувствовался в Булике, как бывало в других частях этой страны, особенно у дома могильщика, но, когда я чуть взобрался на дерево, я почувствовал страшный холод, и чем выше я забирался, тем становилось холоднее, и сильнее всего мороз был там, где я пробирался через ветви. Я задрожал, мне показалось, что еще немного – и я перестану чувствовать руки и ноги.

Ветра не было, и сучья не качались под моим весом, но,

пока я карабкался по веткам, я стал пугаться любого необычного колебания: каждый сук, на который я ставил ногу или за который я держался, казался мне вехой большого пути. Когда моя голова поднялась над ветками у самой вершины, и в свете полной луны я стал высматривать цветок, я обнаружил, что взмок с головы до пят. Затем, словно ныряя в бушующие волны, я дико взмахнул руками и почувствовал, что падаю. Меня что-то толкало сверху и снизу, било там и сям, разворачивало то туда, то сюда, останавливало, а затем снова швыряло, вертело и било, и я падал ниже и ниже. Задыхаясь и булькая горлом, я, наконец, ударился обо что-то твердое внизу.

– Я предупреждал вас! – каркнул кто-то мне в ухо.

Глава 28

Я МОЛЧУ

Я вытер воду с глаз и увидел ворона, стоящего на кромке огромного валуна, который находился посреди бассейна. Его оперение поблескивало холодным отраженным светом; он стоял и невозмутимо смотрел на меня сверху вниз. Я лежал на спине в воде, над которой, опершись на локти, я только что приподнял лицо. Я находился в чаше бассейна огромного фонтана, который построил когда-то мой отец посреди лужайки. Высоко надо мной сверкала толстая, поблескивающая стальным блеском струя воды, вздымающаяся и расплескивающаяся в воздухе на высоте около сотни футов пенным цветком.

Меня раздражал холодный взгляд ворона, и я сказал:

– Вы меня не предупредили!

– Я сказал вам, чтобы вы не делали ничего, о чем вас попросит некто, не заслуживающий доверия!

– Ну!.. Как это может запомнить смертный?

– Зато вы никогда не забудете последствия, которые стали результатом вашей забывчивости, – ответил мистер Рэйвен, который стоял на дорожке у края чаши бассейна и протягивал мне руку через кромку.

Я воспользовался его помощью и немедленно оказался ря-

дом с ним, на лужайке, мокрый, как курица.

– Вам надо немедленно переодеться! – сказал он. – Конечно, слякоть не имеет большого значения, когда выберешься из такой передряги, вообще все это довольно необычно и может доставить некоторые неудобства и в этом мире.

Он снова был вороном, и шел важной походкой к раскрытой настежь двери дома.

– Да мне почти нечего менять! – засмеялся я, я ведь сбросил почти всю свою одежду перед тем, как начать карабкаться на дерево.

– А мне еще очень долго ждать, прежде чем я сменю оперение, – сказал ворон.

В доме, казалось, все спали. Я отправился в свою комнату, нашел халат и спустился в библиотеку. Когда я вошел, библиотекарь как раз выходил из кабинета. Я развалился в кресле. Мистер Рэйвен взял стул и сел рядом со мной. Минуту-две никто не произносил ни слова. Я был первым, кто нарушил молчание.

– И что же все это значит? – сказал я.

– Хороший вопрос! – ответил мистер Рэйвен. – Никто не может знать, чем на самом деле является что-то, человек может только узнать, что это что-то может значить! А то что он будет делать дальше, зависит от того, какой урок он извлечет из этого.

– Пока мне не удалось извлечь из всего этого какую-нибудь пользу!

– И впрямь немного, но вы теперь знаете, что могли бы, а это уже неплохо! Множеству людей не хватает жизни на то, чтобы усвоить; что они ничего не знают, а делают они и того меньше! В конце концов у вас осталась еще надежда на то, что от вас будет какой-то прок.

– Я хотел сделать что-то для детей – я имею в виду чудесных Малюток.

– Я знаю, что вы хотели – и выбрали неправильный способ!

– Я не нашел правильного.

– И это тоже правда, но вы виноваты в том, что не нашли.

– Я готов поверить всему, что вы говорите, если только мне удастся понять, что это значит.

– Если бы вы приняли наше приглашение, вы бы узнали правильный путь. Если человек не может выполнить свою работу там, где должно, ему придется пройти долгий путь затем, чтобы обнаружить это место.

– Несомненно, я неплохо прогулялся, но пришел в никуда, так как мне не удалось обнаружить, что же я должен сделать! Я оставил детей, чтобы понять, чем я могу им помочь, а узнал только, что им грозит опасность!

– Когда вы были с ними, вы были как раз там, где могли для них что-то сделать, а вы оставили свой пост, чтобы это узнать! Большая мудрость нужна человеку, чтобы понять, когда он должен уйти, зато глупость может подсказать, когда нужно сразу же вернуться.

– Значит ли это, сэр, что я мог сделать что-то для Малюток, если бы остался с ними?

– Могли ли вы чему-то их научить, оставив их?

– Нет; но как я мог их учить чему-то? Я не знал, с чего начать. К тому же, они сильно меня обогнали!

– Это правда. Но вы не являетесь тем мерилом, с помощью которого можно это установить. Конечно, если бы они знали все, что знаете вы, не говоря уже о том, что вы должны бы были знать, они обогнали бы вас в развитии, далеко обогнали бы! Но вы ведь видели – они не растут или же растут так медленно, что в них еще не созрело даже само понятие о необходимости вырасти! Они даже боятся расти! Вы ведь никогда не видели детей, которые всегда оставались бы детьми!

– Но я ведь не могу заставить их расти!

– Вы могли бы устранить некоторые препятствия, которые им мешают вырасти.

– И что это за препятствия? Я ничего о них не знаю. Я думал, это из-за того, что они не пьют воду.

– Конечно же, из-за этого! Им же нечем плакать!

– Я бы с радостью уберег детей от всего, что заставляет их это делать!

– Вне всяких сомнений, вы бы постарались – это цель всех идиотов-филантропов! Почему, мистер Уэйн? Ведь ваш мир никогда не найдет пути к спасению, если в нем не будут плакать. Вы сознались, что вы думали, что дети хотят пить, так

отчего же вы не выкопали для них колодец-другой?

– Это никогда не приходило мне в голову!

– Даже тогда, когда шум воды под землей достигал ваших ушей?

– Я думаю, это все же случилось однажды. Но я боялся, что тогда до них доберутся великаны. Это было именно то, что заставляло меня так долго терпеть их издевательства.

– Конечно же, вы всегда учили благородные маленькие создания бояться глупых Мешков! И пока они кормили, ухаживали и восхищались вами, все это время вы вынуждены были быть слугой жестоких людей! И все это время баловни видели, как их герой превращается в труса! Хуже вы не могли их обмануть. Они открыли вам свои сердца, а вы должны отдать им свою душу! К этому времени вы должны были бы заставить Мешков рубить лес и таскать воду для Малюток!

– Боюсь, то, что вы мне сказали, правда, мистер Рэйвен! Но правда и то, что я боялся, что избыток знаний будет им вреден – они станут не такими невинными, не такими милыми.

– Они не могли дать вам повода для этого страха!

– Но разве недостаточное знание не опасно?

– Это самая обидная ложь вашего мира! Имеют ли какое-то преимущество большие знания одного человека перед меньшими – другого? Или могут ли они из-за этого быть опасными? Иллюзия, что такое знание, которое само по себе – великая вещь, может иметь какое-то преимущество над

другим знанием, опаснее, чем какое угодно невежество. Даже знание всего на свете не добавит человеку величия.

– По крайней мере, все это я делал ради любви к Малюткам, а не из трусости, из-за которой я служил великанам.

– Благодарю покорно. Но должны-то вы были служить Малюткам, а не великанам! Вам нужно было дать малышам воду, а они тогда научили бы великанов своему правильному мировосприятию. Между тем, и сами вы могли бы срубить два-три мерзких дерева, чтобы освободить для нежных малышей толику места. С Малютками вы свой шанс упустили, мистер Уэйн! Вместо того, чтобы помочь им, вы о них рассуждали!

Глава 29

ПЕРСИДСКИЙ КОТ

Я сидел и молчал, и мне было стыдно. То, что он говорил, было правдой – для Малюток я не был мудрым соседом!

Мистер Рэйвен продолжил:

– Но вы также ошибались и на счет глупых созданий. Для них рабство было бы прогрессом. Те несколько уроков, которые вы могли бы преподнести им с помощью палки, отломанной от их собственного дерева, могли оказаться неопределимо важными.

– Я не знал, что они трусливы!

– А что за разница? Человек, действия которого зависят от трусости другого, сам, по существу, трус. И я боюсь, что из-за этого могут произойти более неприятные вещи! До этого времени Малютки были вполне способны защитить себя от принцессы сами, не говоря уже о великанах – с ними они всегда достаточно легко справлялись, потому что смеялись над ними! Но теперь, после ваших с ней разговоров...

– Я ее ненавижу! – закричал я.

– Вы что же, дали ей как-то знать, что ненавидите ее?

Снова мне пришлось прикусить язык.

– И даже ей вы не были верны! Но – тише!.. Боюсь, кто-то шел за нами от фонтана!

– Я не видел ни одного живого существа! Кроме недостойно выглядевшего кота, который шмыгнул в кусты.

– Это был великолепная персидская кошка, страшно мокрая и грязная, но разглядеть, что она из себя представляет, было вполне можно – и это называется хуже, чем просто «недостойный».

– Что вы хотите этим сказать, мистер Рэйвен? – воскликнул я и холодный ужас сдавил мне горло. – Это был просто домашний персидский кот, который убежал, испугавшись плеска воды! Может, он приходил за золотой рыбкой?

– Посмотрим, – возразил библиотекарь. – Я немного знаком с кошками разных видов, и либо я сорву с этой маску домашней киски, либо я сильно в ней ошибаюсь.

Он вскочил, подошел к двери кабинета, принес оттуда изувеченный том, и снова уселся рядом со мной. Я уставился на книгу в его руках – это была вовсе не увечная, а целая и невредимая книга!

– Откуда взялась ее вторая половина? – задохнулся я.

– Прилипла. Вообще-то она хранится в моей библиотеке, – ответил он.

Я промолчал. Еще один вопрос скорее всего разбился бы о берег бездонного моря таких же бестолковых вопросов, ответить на которые просто не было времени!

– Слушайте, – сказал он, – я прочту несколько строк. Здесь есть кто-то, кому наверняка не понравится то, что я буду читать!

Он открыл тонкую обложку и перевернул лист или два.

Пергамент выцвел от времени, и на одном листе было темное пятно, просочившееся через два-три других листа. Он медленно перевернул и этот лист тоже – он, казалось, искал место, где уж наверняка обнаружится целый стих. Где-то на середине книги он начал читать.

Но что по-настоящему произвело на меня впечатление, так это тот эффект, которое это чтение произвело на меня, а не собственно то, что он читал. Стихи были написаны на языке, который я никогда прежде не слышал, но понимал прекрасно, хотя и не могу записать словами или найти простой аналог тому, что они значили. Эти фрагменты – лишь слабая тень того, что осталось в моей голове, когда он закончил чтение:

Но если бы я нашел человека, который бы смог поверить
В то, что он никогда не видел, не чувствовал и даже не
слышал
От него я возьму сущность и приобрету
Стойкость и форму, реагирующую на прикосновение и
видимую,
И оденусь в похожую настоящность
Этой фантазии, где расколется его душа.

Он перевернул лист, и продолжал:

Во мне – каждая женщина, у меня есть сила

Над душами каждого живого мужчины,
Такую, какую женщина никогда не получала в
наследство.

Могу то, чего не могла и не может ни одна женщина.

Всех женщин я, женщина, отныне превзошла.

Превыше была, превыше есть, превыше буду в залах
жилищ.

Так как я, несмотря на то, что он не может ни видеть
меня,

Ни дотронуться хотя бы пальцем руки,

Если бы даже ни разу мое дыхание не коснулось его
волос,

Могу помешать ему дышать

И пустить корни, связать узами, которые и смерть не
расплетет.

Или жизнь, хотя у него никогда и не было надежды.

Снова он запнулся, снова перевернул лист и снова начал
читать:

Так как я лежу рядом с ним, бестелесная вещь.

Не дышу, не вижу, не чувствую, только думаю

И заставляю его любить меня – и жаждать.

Когда он узнает то, чего не знал, если так должно,

Или что-то без имени, что должно случиться

С ним, но вне зависимости от него, для чего я буду петь

Песню, которая не отзовется звуком в его душе,

Я лежу, бессердечная, вне его сердца,

Не давая ему ничего, там, где он отдает все свое

Сущее, чтобы одеть меня в человеческий облик, каждую мою часть.

Когда я наконец вспыхну,

И тогда в его живом сознании я впервые покажусь.

Ах, кто мог еще так завоевать Любовь, так, как я!

Кто так еще воцарялся в сердце мужчины!

Для видимых существ, с счастливым плачем,

Просыпаясь, биение жизни сквозь меня дрожа бежит.

Странный, отталкивающий кошачий вопль откуда-то проник в комнату. Я приподнялся на локтях и огляделся вокруг, но ничего не увидел.

Мистер Рэйвен перевернул несколько листов и продолжил:

Внезапно я просыпаюсь, не ведая наводящего ужаса,
Который является моим вместилищем – не как змея извивается.

Но как дымный пар, испорченный и угрюмый
Наполняет сердце, душу, и грудь, и мозг насквозь.

Мое существо лежит без движения в болезненных сомнениях.

Не смея спросить, как сюда пришел ужас.

Мое последнее воплощение я знаю, но не теперешнее,

Я не понимала, кем я была и где,

Знаю, кем была когда-то, до сих пор у своих бровей я чувствовала

Прикосновение чего-то, чего уже здесь нет.

Я обмерла, умерла и все еще живу в отчаянии,
Жизнью, которая попирает жизнь, кривляясь.
Когда я была королевой, я знала совершенно точно,
И иногда надевала сверкающее на свою голову,
Чье сияние не могла затмить даже темнота смерти,
И похожее на шею, руки и пояс:
И мужчины говорили, что мои закрытые глаза излучают
свет.
Который затмевает алмазы в серебрянкой оправе.

Снова я услышал жуткий женский крик. Это был крик боли. Снова я осмотрелся, но не заметил ни призраков, ни какого-либо движения. Мистер Рэйвен, казалось, прислушался на минутку, но вот снова перевернул несколько страниц и продолжил:

Ужасно мокрые, мои волосы золотого цвета
Запачкали мои гладкие руки: затем, чтобы их быстро
отстричь.
Я отдала свои рубины, и для меня вырыли новые.
Никакие глаза не видели такой тонкой талии
Как глоток воды из рога,
За один грустный вздох мне отдавали голубые сапфиры.
Нет, я отдала свои опалы за оборки,
За одежды крестьянской девушки, грубые и чистые
Мой саван сгнил! Однажды я услышала петуха.
Громко поющего на зеленом холмике над моим гробом
Глухо мое место

Вернулся ответ, как призрачный смех.

И снова раздался зверский вопль.

– Я думаю, что-то нечистое было в комнате!. – сказал библиотекарь, бросив взгляд окрест себя, но тут же перевернул лист-другой и снова начал читать:

Так как я купалась в молоке и медовых росах,
В дожде, от дрожащих роз, которые никогда
не касались земли.

И натирали меня мускусом и амброй.

Никогда не пятнали меня запятнанные от рождения,
Или родинки, или шрамы от бед, или беспокойство
смерти,

Ни одного волоска на мне лишнего не росло.

Чтобы сохранить холодную белизну, я сидела одна,

Но не на солнце, я боялась его бронзового света —

Но его сияние возвращали ко мне зеркала, смягчающие
мощь солнца,

От такого купания в не слишком ярком лунном свете

Моя кожа медленно приобретала цвет слоновой кости.

Но теперь все вокруг темно, все внутри темно!

Мои глаза больше не разбрасывают призрачные
вспышки.

Мои пальцы опускаются в тлен через мягкую кожу,

Мое тело лежит мертвое, барахтается в месиве

Вязкого ужаса

С грозным воплем, с липкой шерстью, торчащей клочьями, хвостом, толстым, как канат, сверкающими, как хризопраз, зелеными глазами, выпущенными когтями, загребающими ковер так, что они путались в нем, откуда-то появилась огромная белая кошка и направилась напрямиком к дымоходу. Быстрым, как мысль, движением библиотекарь бросил рукопись между ней и очагом. Она мгновенно распласталась по полу, ее глаза были прикованы к манускрипту.

Но его голос продолжал звучать так, словно он все еще читал, и его глаза, казалось, по-прежнему были сосредоточены на книге:

Ах, Два мира! Как странно, что они – одно,
И до сих пор неизмеримо широко разделены.
О, если бы я жила без тела и одна
И притуплением чувств спасла бы свою душу,
Язвы бы зажили, и боль бы ушла.
Убежали бы жизнь-в-смерти и стон бесконечного
страдания.

И стоило прозвучать этим словам, как кошка разразилась таким чудовищным и продолжительным воем, что нам пришлось заткнуть уши. Когда вопль прекратился, мистер Рэйвен подошел к очагу, поднял книгу и, стоя между этой тварью и дымовой трубой, на одно короткое мгновение указал на нее пальцем. Она лежала совершенно спокойно. Затем он взял из очага наполовину сгоревшую палку, нарисовал на по-

ду какой-то знак, вернул рукопись на место, с видом, который, казалось, должен был означать следующее: «Теперь она у нас в руках, я полагаю!», и, вернувшись к кошке, встал над ней и произнес спокойным торжественным голосом:

– Лилит, когда ты появилась здесь таким вот дьявольским способом, ты не слишком долго думала о том, в чьих руках ты окажешься! Мистер Уэйн, когда Бог создал меня – не из Ничего, как утверждают неблагоприятные, но из Его собственной бесконечной славы – Он дал мне создание, сияющее ангельской красотой, которое должно было стать моей женой – вот оно, лежит здесь! И первым ее помыслом была сила, она считала рабством быть моей единственной и рожать детей для Того, кто подарил жизнь ей. Одного ребенка, она, правда, родила, и тогда решила, разгоряченная чувством о том, что она его создала, заставить меня преклоняться и почитать ее за это! Обнаружив, однако, что я ее люблю и почитаю вместо того, чтобы подчиняться и поклоняться, она пролила свою кровь затем, чтобы освободиться от меня, присоединилась к армии чужих, и вскоре настолько пленила сердце великой Тени, что он сделался ее рабом, подчинился ее воле и сделал ее королевой ада. Каково ей сейчас, ей лучше знать, но и я тоже это знаю. Единственного ребенка, которого она выносила, она боится и ненавидит, и убьет, утверждая как правду ложь о том, что Бог таким образом через нее пошлет дитя в иной мир. О творении она знает не больше, чем о кристалле, который вбирает собственную тень, или о

черве, от которого происходят два червя, если его расчлени-
ют надвое. Мерзейшее из Божьих тварей, она живет за счет
человеческих жизней и людских душ, питаясь кровью. Она
убивает и поглощает, но не может ни уничтожить, ни создать
что-либо.

Животное лежало без движения, ее берилловые глаза
неотрывно следили, пламенея, за мужчиной: а его глаза дер-
жали ее взгляд прикованным к себе так, что та не могла от-
вести его.

– И тогда Бог дал мне другую жену – не ангела, но чело-
века, – которая отличалась от этой, как свет от тьмы.

Кошка испустила ужасный хрип и стала расти. Она рос-
ла и росла и наконец превратилась в крапчатую леопардиху,
которая испустила рычание, потрясшее дом до основания. Я
вскочил на ноги. Но, мне показалось, мистер Рэйвен даже
век не поднял.

– Это в ней всего лишь говорит ее ревность, – сказал он, –
ревность, которую она сама же и разожгла в себе, губитель-
ная и бесплодная, потому что здесь и теперь я господин для
нее, не захотевшей, чтобы я стал ей мужем! Пока моя пре-
красная Ева еще жива, не умрет и надежда. Ее ненавистная
ей дочь жива тоже, но далека от ее злых помыслов, и в один
прекрасный день произойдет то, что она считает своей гибелью,
– на самом же деле Лилит будет спасена тем, что она
когда-то родила ребенка. Пока же она торжествует оттого,
что моя жена, принадлежащая людскому роду, погрузила и

меня и себя в бездну отчаяния и принесла мне жизнь, наполненную неисчислимым количеством несчастий; но моя Ева раскаялась, и сейчас прекраснее ее нет ни человека, ни ангела, и ее страданиями и тяжелыми трудами этот мир стал колыбелью для детей нашего Отца. И я тоже раскаялся и был прощен. Ты, Лилит, лишь ты до сих пор не раскаялась; но ты должна это сделать. Скажи мне, прекрасна ли великая Тень? Знаешь ли ты, как долго ты сама сможешь быть красивой? Ответь мне, если ты знаешь.

И тут наконец я понял, что мистер Рэйвен на самом деле Адам, древнейший и первый из людей, и что его жена, которая служит ему в доме мертвых, – Ева, праматерь всех нас и госпожа Нового Иерусалима.

Леопардиха встала на дыбы, и ее крапины, трепеща, стали сползать с нее; и вот, наконец, принцесса встала перед нами, облекшись своей сверкающей формой.

– Я прекрасна – и бессмертна! – сказала она, и была божественна, как никогда.

– Как куст, который сгорел дотла и расточился, – ответил тот, кто когда-то был ее мужем. – Что это, под твоей правой рукой?

Ее ладонь лежала на груди, а локоть она прижимала к боку.

Ее лицо, скривилось в гримасе внезапной боли, и разгладилось.

– Это всего лишь пятна леопарда. Они задержались. Но

они быстро сходят, когда я освобождаюсь, – ответила она.

– Это творение прекрасно, потому что его создал Бог, но это творение служит греху; убери руку, не прижимай ее к боку.

Ее рука упала, и, пока она падала, она смотрела на него глазами затравленного зверя, которому ничего не остается, кроме как сдаться.

Он мгновение смотрел на эту точку.

– Она не на леопарде, она на женщине! – сказал он. – И она не сойдет с нее до тех пор, пока она питается чужими душами, и красота будет вытекать сквозь нее, словно через открытую рану!

Она потупилась и задрожала.

– Лилит, – сказал Адам, и его тон изменился: стал нежным, он словно уговаривал ее, – послушай меня и раскайся, и Тот, кто создал тебя, тебя простит!

Она снова прижала свою дрожащую руку к боку, ее лицо потемнело, и она закричала так, как кричал бы кто-то, чья последняя надежда разбилась вдребезги. Крик превратился в вой, и на полу растянулась леопардица, покрытая крапинами.

– То зло, которое ты замысливаешь, – продолжал Адам, – тебе не удастся додумать до конца, потому что Добро, а не Зло правит Вселенной. Битва между ними может длиться долгие столетия, но она окончится; и что тогда будет питать твои силы, когда Время растворится в утренней заре Вечно-

сти? Раскайся, заклинаю тебя, раскайся и стань снова ангелом Господним.

Она встала, выпрямилась, снова став женщиной, и сказала:

– Я не раскаюсь. Я буду пить кровь детей.

Мои глаза были прикованы к принцессе; но когда Адам заговорил, я повернулся к нему: он стоял, возвышаясь над нею; выражение его лица изменилось, и голос его стал ужасным.

– На колени! – воскликнул он. – Или же силой, данной мне, сделаю так, что каждая твоя кость истает!

Она упала на пол, съеживаясь и уменьшаясь, и снова стала серой кошкой. Адам поймал ее, и, приподняв за шкурку, отнес к двери кабинета и швырнул внутрь. Он начертал какую-то странную фигуру над порогом и, закрыв дверь, запер ее на замок.

Затем старый библиотекарь, грустный и потрепанный, вернулся ко мне, украдкой смахивая с глаз слезы.

Глава 30

АДАМ РАССКАЗЫВАЕТ

– Нам следует быть начеку, – сказал он, – иначе она опять нас проведет. Она одурачит кого угодно!

– А каким образом нам следует быть начеку? – спросил я.

– Всеми возможными, – ответил он, – она боится, и поэтому ненавидит своего ребенка, и появилась в этом доме затем, чтобы убить его. Она думает, что рождение детей – смерть для их родителей, и каждое новое поколение должно враждовать поэтому с предыдущим. Она думает, что в ее дочь быстро, как в ручей, стекающий в канал, переливается ее бессмертие (которое она до сих пор считает своей неотъемлемой собственностью), чтобы наполнить ее, и поэтому она преследует ее с неутомимой враждой чуть ли не с самого ее рождения. Но до сих пор результатом ее поисков было лишь то, что в том месте, которое она объявила своей собственностью, появилась колония детей, которых ее дочь укрыла под своим крылом, она и голова и душа этой теплой компании. Моя Ева присматривала за ребенком и была для нее матерью, а девочка была для нее словно первенец, но мы не годились для того, чтобы воспитать ее, и тогда ее отнесли в пустыню, и долгие годы мы ничего не знали о ее судьбе. Но Божьей силой она была воспитана, с ней играли юные

ангелы, и она не знала забот до тех пор, пока не нашла в лесу младенца и в ней не пробудилось любящее материнское сердце. Одного за другим она нашла множество младенцев, и это сердце так и не утолило еще свою любовь. Ее семья – приемыши, и ни у кого еще не было лучшей матери. Ее авторитет среди них огромен, то, что она говорит, не подлежит обсуждению, правда, она об этом не знает, и к тому же она никогда этим не пользуется, кроме как для того, чтобы служить им и защищать их. Она забыла уже то время, когда жила без них, и думает, что тоже пришла из лесу, первой из всего выводка.

Вы спасли жизнь их врага – и ее, и Малюток, и поэтому ваша жизнь принадлежит и ей, и им. Принцесса собиралась их уничтожить и была уже на полпути, когда, пересекая горячий поток, была настигнута отмщением, и, если бы вы не пришли ей на помощь, умерла бы. Но вы вмешались, и вот теперь она в ярости на Малюток и снова попытается до них добраться, если только снова отважится перебраться через поток.

Но есть и еще один путь в счастливую маленькую колонию – из мира трех измерений; но теперь она не сможет попасть обратно, если только не уничтожит свое настоящее тело, или если ей не поможет кто-то из ее слуг. Вы должны предвидеть каждый удобный случай: никогда за все ее долгие годы, у нее не должно быть больше ни одного. Ее рука легчайшим касанием путала ваши шаги тем или иным способом, пока вы ка-

рабкались на дерево. В этой маленькой каморке она теперь будет ловить каждый удобный миг затем, чтобы оттуда выбраться.

– Но она же ничего не может знать об этой двери! Она же не может знать, как она открывается! – сказал я, но в сердце моем не было такой уверенности.

– Тише, тише! – прошептал библиотекарь, остановив меня рукой. – Она может подслушивать буквально через все. Вам нужно немедленно идти к дому моей жены, а я останусь присмотреть за ней.

– Давайте, я пойду прямо к Малюткам! – воскликнул я.

– Берегитесь, даже не думайте об этом, мистер Уэйн. Идите к моей жене, и делайте все, что она вам скажет.

Не очень-то хотелось следовать его совету; зачем спешить, если впереди бессчетные и бесконечные задержки? Если не затем, чтобы защищать детей, то зачем вообще идти? Увы, только теперь я дозрел до того, чтобы начать задавать ему вопросы, но все еще верил недостаточно, чтобы просто подчиниться.

– Ответьте мне сначала, мистер Рэйвен, – сказал я, – почему из всех доступных мест вы выбрали именно это, чтобы притащить ее сюда? И в ту ночь, когда я бежал из вашего дома, я тоже прошел через этот кабинет!

– Этот кабинет не дальше и не ближе от нашего дома, чем любое другое место.

– Но, – продолжил я, упорствуя в том, чего не мог по-

нять, – как же тогда, объясните мне, вы достали из этой самой двери целую книгу, когда я видел и чувствовал, что там только часть от нее же? Вы мне говорили, что другая ее часть застряла в вашей библиотеке. А что, когда вы ее кладете на место, она снова там застревает? Выходит, два места, в котором две части одного и того же тома существуют в одно и то же время, находятся поблизости друг от друга? Или может ли одна часть книги быть одновременно тут или где-то, а другая часть не здесь, то есть в нигде?

– Простите меня, я не могу вам этого объяснить, – ответил он, – ведь вы же просто не готовы понять это. Не просто потому, однако, что вам этот феномен будет нельзя объяснить, но потому, что даже его природа будет вам малопонятна. Но в то же время вы постоянно участвуете в том, чего вы не только никогда прежде не делали, но даже не в состоянии понять. Вы полагаете, что понимаете, но ваше понимание ограничивается тем, как вы их используете, и потому они вас не удивляют. Вы их принимаете не потому, что понимаете, но потому что вынуждены их принять: а они тем не менее остаются сами собой и неизбежно вступают с вами во взаимоотношения! По правде говоря, человек не может понять что-то, пока не поймет, что он этого не понимает, и это и есть его первый робкий шаг – не к пониманию собственно, но к тому, чтобы оно стало в один прекрасный день возможным. В такого рода деле вы не участвовали прежде, и из-за этого вы даже не представляете, что это можно понять. Ни я

и никто другой не сможет в этом вам помочь, но, возможно, я могу вам немного помочь в это поверить!

Он подошел к двери кабинета, тихонько свистнул и прислушался.

Мгновение спустя я услышал (или мне показалось, что услышал) мягкий шелест крыльев, и, взглянув наверх, увидел белую голубку: она вспорхнула на мгновение на самый верх книжных полок, оттуда приземлилась на плечо мистера Рэйвена и прислонилась головкой к его щеке. И только по движениям этих двух голов я мог сказать, что они о чем-то беседуют друг с другом, не слышно же было ни слова. Я не мог отвести от них глаз, но она вдруг исчезла, а мистер Рэйвен вернулся на свое место.

– Отчего вы шепчете? – спросил я, – Ведь наверняка звук здесь не то же самое, что там!

– Вы правы, – ответил он, – я свистел затем, чтобы вы могли понять, что я зову ее. Не сам свист, но то, что он значил, достигло ее ушей. – Нельзя терять ни минуты, вы должны идти!

– Я готов, – ответил я и направился к двери.

– Сегодня вам придется воспользоваться моим гостеприимством, – произнес он, не спрашивая моего согласия, но тоном спокойного и уверенного приказа.

– Но мое сердце рвется к детям! – ответил я. – Но если вы настаиваете...

– Я настаиваю. Иначе вы своей цели не достигнете. Я дой-

ду с вами до зеркала и там с вами попрощаюсь.

Он поднялся. Внезапный стук послышался в кабинете. Видимо, леопардица бросилась на тяжелую дверь. Я посмотрел на своего спутника.

– Идите, идите! – сказал он.

Еще до того, как мы добрались до двери в библиотеку, завывающий вопль достиг наших ушей вместе со скрежетом когтей, рвущих тяжелую дубовую дверь. Я засомневался, и наполовину уже обернулся, прошептав:

– Как подумаю, что оставлю ее здесь, с этой чудовищной раной!..

– Ничто и никогда не закроет эту рану, – ответил он со вздохом, – она, должно быть, доходит до самого ее сердца, а может, и через него. Для самоубийцы смерть – не зло. Только те хорошие, в ком есть злое, умирают не вовремя. Злое должно жить до тех пор, пока не обратится к добру. И только это может покончить со злом.

Я молчал, пока не услышал какой-то странный звук.

– А если она вырвется? – закричал я.

– Да поторопитесь же! – ответил он мне. – А я поспешу вниз в тот миг, когда вы уйдете, но перед тем расстрою зеркала.

Мы побежали и добрались до деревянной каморки, задыхаясь. Мистер Рэйвен схватился за цепи и подготовил козырек крыши. Затем установил зеркала в правильное положение и встал напротив одного из них. Вот уже я вижу горную

цепь, исчезающую в дымке.

Между нами, оттолкнув нас друг от друга, прошмыгнула с ужасным воем огромная туша крапчатой леопардихи. Она прыгнула сквозь зеркало, словно в открытое окно, и в мгновение ока исчезла низким, но тем не менее, быстрым галопом.

Я испуганно посмотрел на своего путника и бросился вслед за ней. Он не спеша последовал за мной.

– Нет смысла бежать, – позвал он меня, – вам не догнать ее. Нам вот сюда.

Так сказал он и направился в противоположную сторону.

– В кончике ее ногтя больше магии, чем я мог бы даже помыслить, – спокойно добавил он.

– Мы должны сделать хотя бы то, что можем! – сказал я и побежал, но быстро потерял ее из виду и, устав, остановился и вернулся к нему.

– Бесспорно, мы должны, – ответил он, – но моя жена уже предупредила Мару, и та сделает свое дело. Но сначала вы должны выспаться, вы дали мне свое слово!

– И не собираюсь его нарушать. Но ведь выспаться – это не самое главное сейчас. Хотя... конечно, конечно, перед тем как действовать, необходимо передохнуть.

– Человек не сделает ничего, если он не в состоянии ничего делать... Смотрите! Разве я не говорил вам, что Мара сделает свое дело?

Я посмотрел туда, куда он показывал и увидел белую точ-

ку, которая двигалась под острым углом к тому направлению, в котором исчезла леопардиха.

– Вон, это она! – воскликнул он. – Крапчатая леопардиха сильна, но белая – сильнее!

– Я видел, как они сражались: никто из них не вышел победителем.

– Как эти глаза, которые никогда не спали, могут об этом судить? Принцесса никогда не признает себя побежденной – она и раньше никогда этого не делала – но ведь она бежала! Когда она признает, что ее последняя надежда исчезла (а ведь в самом деле трудно возражать, когда тебя бьют палкой), только тогда наступит рассвет ее дня. Идемте, идемте же! Тот, кто не может действовать, должен поспешить выспаться!

Глава 31

СТАРЫЙ КОНЬ МОГИЛЬЩИКА

Я стоял и смотрел на то, как последний раз где-то вдали мелькнула спины белой леопардихи, затем неохотно повернулся, чтобы отправиться вслед за своим провожатым. Что со мной произойдет во сне? Конечно, причина одинакова в каждом из миров, но что за причина может здесь заставить живого человека присоединиться к мертвым, если только не пришел еще его час? К тому же никто не разбудит меня, и как я тогда могу быть уверен в том, что я проснусь достаточно рано – или вообще проснусь? Для тех, кто спит в этом доме, утро плавно превращается в полдень, а полдень – в ночь, и они даже не шелохнутся при этом! Все это я шептал про себя, но шел следом, так как не знал, что я еще могу делать.

Библиотекарь шел молча, хранил молчание и я тоже. Время и расстояние скользили мимо нас. Солнце село, стало смеркаться, и я почувствовал, как в воздухе растекается холод из палаты смерти. Мое сердце билось все глуше и глуше. Я начал терять из виду тощую, одетую в длиннополые одежды фигуру и наконец перестал слышать его шуршащие в вереске шаги. Но вместо этого я услышал шум медленных взмахов крыльев ворона и кроме того увидел не то светляков, не то блистание крыльев порхающих в сумеречном воз-

духе бабочек.

Вскоре появилась луна, медленно пересекая линию дальнего горизонта.

– Вы устали или еще нет, мистер Уэйн? – произнес ворон, взгромоздившись на камень. – Вам стоит познакомиться с конем, который понесет вас на себе утром!

Он каким-то странным образом свистнул через свой длинный черный клюв, и далеко на фоне наполовину восшедшей уже луны появилось пятно. Наконец моих ушей достиг стук копыт быстрого галопа, и через минуту или две прямо из диска луны послышалось низкое громоподобное ржание громадного коня. Его грива развевалась за ним, как гребень вспененной ветром волны, разбрасывающей по морю водную пыль, а взмахи его хвоста, казалось, хранили слепящий свет лунного ока. Он был быстроногим, ширококостным, с туго натянутой на выпуклых мышцах кожей – сама Смерть могла бы выбрать его затем, чтобы выезжать из своего укывища и убивать, сидя на нем. Сама луна, казалось, смотрела на него с благоговейным трепетом, в ее робком свете он выглядел скелетом, кости которого были небрежно связанным веревками. Ужасно большой, он двигался в облаке из сверкающих крылатых насекомых. Он приблизился и стал двигаться тише; его хвост и грива опали.

Теперь я был не просто любителем лошадей, теперь я буду любить каждую лошадь, которую встречу. Я никогда ни на что не тратил деньги – только на лошадей, и никогда не

продавал коня. Вид этого могучего существа, на которого было страшно смотреть, разбудил во мне желание завладеть им. Это была чистая жадность, более того, буйная алчность, ужасная вещь в любом из миров. Я не имею в виду то, что мог его украсть, но, если пренебречь тем, в каком месте мы сейчас находились, я бы его купил, если бы смог. Я положил на него свои руки и ощупал кости, которые выпирали из-под гладкой и тонкой шкуры, лоснящейся, как атлас, – такой гладкой, что каждая лунная тень отражалась в ней. Я потрепал его за уши, прошептал в них несколько ласковых слов и вдохнул в его розовые ноздри вздох человеческой жизни. А он в ответ дохнул на меня лошадиным вздохом, и мы полюбили друг друга. Какие у него были глаза! Подернутые голубой дымкой, как глаза мертвеца, но под ней полыхал раскаленный уголь! Ворон, с наполовину раскрытыми крыльями, довольно наблюдал за тем, как я ласкал его великолепного коня.

– Вот и хорошо! Будьте ему другом, – сказал он, – тем охотнее он понесет вас на себе завтра. А теперь нам надо спешить к дому!

Мое желание прокатиться на этом коне превратилось просто в страсть.

– Нельзя ли мне сейчас прокатиться на нем, мистер Рэйвен? – воскликнул я.

– Да сколько угодно! – ответил он. – Садитесь на него и поезжайте на нем к дому.

Конь наклонил голову и нежно положил ее мне на плечо. Я обхватил его за гриву и вскарабкался ему на спину, не без поддержки нескольких выпирающих из него костей.

– Он обгонит любого леопарда во вселенной! – воскликнул я.

– Только не сегодня ночью, – ответил ворон, – дорога трудна. Но идемте! То, что мы упускаем сейчас, позже может пойти нам на пользу! Ждать труднее, чем идти; но награда для того, кто ждет – полнее. Сын мой, скачите же, скачите прямо к дому. Я окажусь там в одно время с вами. Сердце моей жены возрадуется, увидев одного из ее сыновей на этом коне!

Я молчал, а конь подо мной напоминал глыбу мрамора.

– Чего же вы ждете? – спросил ворон.

– Мне так хочется отправиться вслед за леопардихой, – ответил я, – что я едва могу удержаться от того, чтобы осуществить это намерение.

– Вы мне обещали!

– Я полагаю, мой долг перед Малютками больше значит, чем мои обязательства перед вами.

– Поддавшись искушению, вы причините им вред; и себе тоже.

– Что он мне? Я люблю их, а труды во имя любви не могут быть злом. Я еду.

Но по-правде говоря, я забыл о детях, чуть не сойдя с ума по этому коню.

В темноте сверкали глаза, и я знал, что Адам стоит передо мной, приняв свой собственный облик. По его голосу я понимал, что он едва сдерживает негодование, слишком сильное даже для него.

– Мистер Уэйн! – сказал он, – Не знаете ли вы, почему до сих пор вы не сделали ничего полезного?

– Потому что я был дураком, – ответил я.

– В чем именно?

– Во всем.

– Что вы считаете самым своим неблагоприятным поступком?

– То, что я вернул принцессу к жизни: я должен был предоставить ее собственной судьбе.

– Нет, вот теперь вы сказали глупость! Ведь вы не могли тогда поступить иначе, вы же не знали, что она – чудовище! Но вы не возвращали никого к жизни! Как вы могли это сделать, если вы сами мертвы?

– Я мертв? – воскликнул я.

– Да, – ответил он, – и вы будете мертвым до тех пор, пока отказываетесь умереть!

– Опять старая песня! – ответил я с презрением.

– Откажитесь от вашей затеи, и ступайте за мной к дому, – спокойно продолжил он. – Самая большая, и почти единственная настоящая глупость, которую вы сделали – это то, что вы бежите от той смерти, которую мы вам предлагали.

Я сжал коленями бока коня, и мы ринулись прочь, словно

внезапно налетевший порыв ветра. Я похлопал его по шее, и мы понеслись по дуге большого круга, «расстилаясь по земле словно кот, крадущийся за мышью кругами» так, что его грива разметывала по сторонам верхушки вересковых кустов.

Сквозь темноту до меня донесся шум крыльев ворона. Я услышал пять быстрых хлопков, и он оказался где-то рядом с головой коня. Конь немедленно остановился, взметнув вверх землю своими копытами.

– Мистер Уэйн, – каркнул ворон, – подумайте над тем, что вы делаете! Вот уже дважды случались с вами несчастья – одно от страха, другое – по безрассудству: нарушение же данного слова много хуже, это уже преступление.

– Малютки в страшной опасности, и это я навлек ее на них! – закричал я. – Но, конечно же, я не нарушу данного вам слова. Я вернусь и проведу в вашем доме столько дней, ночей или даже лет, сколько вам будет угодно.

– Снова вам говорю, что лучшее из всего хорошего, что вы можете для них сделать, – это остаться здесь на эту ночь, – настаивал он.

Но ложное чувство силы, чувство, у которого не было под собой никакого основания, кроме силы коня, словно влившейся, вибрируя, в мои икры, увы, сделал меня столь глупым, что я не прислушался ни к чему из того, что он мне говорил.

– Вы собираетесь отнять у меня мой последний шанс что-то исправить? – воскликнул я. – Здесь и сейчас я не соби-

раюсь увилывать! Это мой долг, и я выполню его, даже если мне придется за это умереть!

– Так ступайте же, глупый мальчишка! – гневно каркнул он. – Возьмите коня и преследуйте свою неудачу! Может быть, это научит вас слушаться!

Он раскинул свои крылья и улетел. Снова я сжал коленями бока коня под собой.

– Вперед, за пятнистой леопардихой! – шепнул я ему в ухо.

Он повернул свою голову сначала в одну сторону, затем в другую, нюхая воздух; затем тронулся с места, прошел несколько шагов медленным, нерешительным шагом. Внезапно он пошел быстрее, рысью; затем перешел на галоп и за несколько мгновений набрал страшную скорость.

Он ни разу не споткнулся и ни разу не сбился, он не сомневался в выбранном пути; казалось, он видит во тьме. Я сидел словно на гребне волны. Я чувствовал своим телом, как играли все его мускулы и каждый из них в отдельности; его стати были столь подвижны, каждое его движение было так согласовано со следующим, что он меня даже не толкнул ни разу. Он несся со все возрастающей скоростью, пока мне не стало казаться, что он скорее летит, чем скачет. Встречный воздух пропускал нас сквозь себя так, словно мы были смерчем.

Сквозь ужасную низину мы пронеслись, как пущенная из арбалета стрела. Ни одно чудище не тянулось к его шее; всем

были знакомы копыта, которые грохотали над их головами! Мы взлетели на холмы, спустились по дальним склонам; он не остановился перед каменистыми провалами русла реки, он просто перепрыгивал через них, ни на секунду не прервав свой неистовый галоп. Луна проделавшая уже половину своего пути в небесах, смотрела на нас со священным ужасом, застывшим на ее бледном челе. Восхищенный силой своего скакуна и гордый происходящим, я восседал на нем, как король.

Мы были уже на середине пути между многих русел, и конь перепрыгивал, тут и там делая огромные скачки, одно-два из них, когда луна достигла последнего камня, замыкающего арку ее пути. А затем произошло нечто удивительное и ужасное – луна покатила вниз, вертясь, как ступица колеса Судьбы, ведомого богами, и катилась все быстрее и быстрее. Словно у луны нашего мира, у этой тоже было человеческое лицо, и то ее лоб, то подбородок попеременно оказывались сверху. Ошеломленный, я смотрел на это в ужасе.

На равнине раздался волчий вой. Уродливый страх начал заполнять пустоты в моем сердце; самоуверенности у меня тоже сильно поубавилось! Конь умирал свой стремительный бег, насторожил уши и раздувал ноздри, высушенные ветром его собственной ликующей скачки. Но луна, трясущаяся, как колесо старой колымаги, вниз по склону небес, пробудила во мне ужасные предчувствия! Она закатилась, наконец, за край горизонта и исчезла, и весь ее свет исчез вместе с ней.

Могучий мой конь как раз перепрыгивал через широкую мелкую протоку, когда темнота накрыла нас своей сетью. Он кивнул, его стремительность перебросила его беспомощное тело через впадину, он упал и остался лежать там, где упал. Я вскочил, встал перед ним на колени и ощупал его с ног до головы. Я не нашел ни одной сломанной кости, но то, что лежало передо мной, больше конем не было. Я сел на его тело и закрыл лицо руками.

Глава 32

МАЛЕНЬКИЕ ДРУЗЬЯ И МЕШКИ

Мучительный холод пришел вместе с ночью. Тело подомной быстро остыло. Вой волков стал ближе; я слышал, как их лапы мягко касаются каменистой земли, их быстрое дыхание наполнило воздух. Сквозь темноту я видел множество горящих глаз; их полукольцо сжималось вокруг меня. Мое время вышло! Увы, у меня не было под рукой даже палки!

Они стремительно приближались, их глаза горели неистовым огнем жадности, их черные глотки раскрылись затем, чтобы сожрать меня. Я ждал их, потеряв всякую надежду на спасение. Ненадолго они задержались около коня, а затем подобрались ко мне.

Быстро и безмолвно облако зеленых глаз исчезло где-то в стороне. Кто-то прогнал волков, с воплем то слабее, то сильнее волчьего завывающего плача; я узнал по их крику – это были коты, возглавляемые одним – огромным и серым. Кроме его глаз я не мог разглядеть ничего, но все же я узнал его – по росту и цвету. Чудовищная битва преследовала меня, и лишь ее отголосок добрался до меня сквозь тьму. Даже если мне удастся ее избежать, конечно же, эта было то сражение, которое ждало меня! Только что в этом толку? Мой первый шаг обернулся падением! И мои враги, кем бы они ни были,

могли видеть и вынюхивать меня в темноте.

В конце концов вой волков стих, а кошачий вопль стал сильнее. Послышались мягкие шаги, и я понял, что это значит – коты справились с волками! Через мгновение зубы острее бритвы вцепились мне в ногу, мгновением позже коты водопадом посыпались на меня, кусая за все, что можно было укусить, бешено рвали меня где придется и повсюду. Множество навалилось на мое тело, и я не мог спастись бегством. Как одержимый, я вертелся под злобной стаей, каждым кончиком пальца сопротивляясь собственной гибели. Я отрывал их от себя, я давил их под собой, но напрасно: когда мне удавалось отшвырнуть их прочь, они цеплялись за мои пальцы, как банный лист. Я топтал их ногами, колол пальцами в глаза, ловил их челюстями, значительно более сильными, чем у них, но так и не смог избавиться хотя бы от одного из них. Неустанно они выискивали местечко на мне для нового укуса; они растягивали мою кожу вдоль и поперек; они шипели и вертелись у самого моего лица – но ни разу не дотронулись до него до тех пор, пока, отчаявшись, я не упал на землю; и тогда они оставили мое тело и бросились на лицо. Я встал, и немедленно они оставили его, с новой силой принявшись за мои ноги. Измученный, я вырвался от них и бросился бежать неизвестно куда сквозь плотную тьму. Они окружили меня и сопровождали плотным потоком, они то терлись, то прыгали передо мной, но больше не изводили. Когда вскоре я упал, они дали мне время отдохнуть; когда

же из страха упасть я пытался идти тише, они снова принимались за мои ноги. Всю эту печальную ночь они заставляли меня бежать – но они гнали меня по сравнительно ровной тропинке, так как я ни разу не свалился в овраг и, не заметив, миновал Лес зла и оставил его где-то позади, во тьме. И когда наконец настало утро, я был далеко от каналов, на краю равнины. Я был бы не прочь попытаться подружиться со своими преследователями, но, когда я оглянулся, котов нигде не было видно. Я устроился среди мхов, и скоро заснул.

Я проснулся оттого, что меня пнули. Мои руки и ноги были связаны и я снова был рабом у великанов!

«Какая разница? – сказал я себе. – Кому еще я буду принадлежать?» И я засмеялся от отвращения к самому себе. Второй пинок положил конец моему веселью, и вот так время от времени взбадриваемый теми, кто взял меня в плен, я смог наконец подняться на ноги.

Меня окружали шестеро из них. Они разобрали веревки, которые связывали мои ноги вместе, и потащили меня прочь. Я старался идти так ровно, как только мог, но они часто дергали обе веревки одновременно, и я без конца падал, а они снова пинали меня, чтобы поднять на ноги. Сразу же они приволокли меня с месту моей прежней работы, привязали меня за ноги к дереву, связали мои руки и вложили в левую ненавистный кусок кремня. Затем они улеглись поблизости и забросали меня опадышами и камнями, правда, попадали они в меня нечасто. Если бы я мог освободить свои ноги и

дотянуться до палки, которую я заметил в нескольких ярдах от себя, я бы напал на всех шестерых! «Но ночью ведь придут Малютки!» – сказал я себе и успокоился.

Весь день я тяжело работал. С наступлением темноты они связали мне руки и оставили меня под деревом. Я спал долго, но часто просыпался, и каждый раз из-за того, что сердце обманывало меня и я видел сон, будто нахожусь среди детской толпы. Утром вернулись мои враги, прихватив с собой большой запас пинков, хотя мне с избытком хватило бы одного вида их скотской компании.

Время было к полудню, и я почти валился с ног от усталости и голода, когда услышал внезапный шум в кустарнике, за которым последовал взрыв переливающегося колокольчиками смеха, столь милый моему сердцу. Я с удовольствием испустил приветственный крик, и тут же ко мне взошел трубный зов слонят, жеребячье ржание и мычание телят, и из кустов появилась толпа Малюток верхом на маленьких конях, небольших слониках и медведиках; но шумели всадники, а не животные, на которых они восседали. Вместе с теми, кто был верхом, шли старшие мальчики и девочки, и одной из последних показалась женщина со смеющимся ребенком на руках. Великаны вскочили на свои толстые ноги, но были тут же встречены градом острых камней, кони встали им на ноги, медведи схватили их за талии, а слоны обвили их шеи хоботами, повалили их на землю и задали им такую трепку, какую великаны иногда задавали мне, но никогда не получа-

ли сами прежде.

В одно мгновение мои веревки исчезли, и я оказался в руках казавшихся неисчислимыми Малюток. Некоторое время я даже не мог видеть великанов.

Они заставили меня сесть, и ко мне подошла моя Лона, и, не говоря ни слова, стала меня кормить прекрасными желтыми и красными фруктами. Я сел и стал есть, и целая толпа охраняла меня, пока я был этим занят. Затем они привели двоих самых больших своих слонов и поставили их бок о бок, сцепили их вместе и связали им хвосты. Послушные создания могли развязать их одним легким движением и распцепить свои тела просто потому, что забыли бы о том, что должны идти вместе, но и хвосты и тела оставались в том положении, в которое их поставили их маленькие хозяева, и было ясно, что слоны понимают, что им нужно держаться параллельно друг другу. Я поднялся и улегся в ложбинку, образованную их спинами; и мудрые животные не дали мне упасть, так как, почувствовав на себе мой вес, прижались еще крепче, и, опираясь друг на друга, устроили мне еще более удобное лежбище. Правда, мои ноги выступали за их хвосты, но голова лежала на ушах каждого из них. Затем некоторые из меньших детей, словно телохранители, выстроились в одну линию, восседая на своих животных, за спинами каждого из моих носильщиков; из всего этого образовался целый караван и вся процессия тронулась в путь.

Я не пытался строить предположения о том, куда они

несут меня, я доверился им и был почти так же счастлив, как и они. Щебеча, смеясь, весело играя со мной поначалу, они стали спокойны, как судьи, когда заметили, что меня клонит ко сну.

Я проснулся: внезапный музыкальный гул словно пригласил меня открыть глаза.

Мы двигались через лес, в котором они находили младенцев и который, как я подозревал, тянулся до самого горячего потока.

Крошечная девочка уселась совсем рядом с моим лицом и смотрела на меня сверху вниз, словно задабривая, а затем сказала, а остальные, казалось, прислушивались к ее словам.

– Мы хотим обратиться к нашему королю с петиссией, – сказала она.

– И что же в ней, малышка? – спросил я.

– А ты можешь заклясть глаза на минутку? – ответила она.

– С удовольствием! Вот, пожалуйста! – ответил я и зажмурил глаза.

– Нет, нет! Я скажу, когда будет надо! – воскликнула она.

Я снова открыл их, и мы разговаривали друг с другом и смеялись вместе еще почти целый час.

– Заклой глаза! – вдруг сказала она.

Я закрыл глаза и не открывал их. Слоны остановились. Я услышал приглушенный шум, что-то шуршало и суетилось вокруг меня, а затем наступила тишина – так как в этом мире случается тишина, которую можно услышать.

– Открой глаза! – крикнули где-то неподалеку голосов двадцать разом; но, когда я сделал то, о чем они меня просили, вокруг не было видно ни одной живой души, кроме слонов, на спинах которых я восседал.

Я знал, что дети умеют поразительно быстро исчезать с дороги – великаны научили их этому; но, когда я приподнялся и осмотрелся вокруг (а вокруг был пустой лес, и кустов поблизости не наблюдалось), и не обнаружил ни рук, ни ног, прячущихся детей, я застыл, вытаращив глаза от удивления.

Солнце садилось и быстро сгущалась темнота, когда я услышал пение множества птиц. Я прилег послушать их, твердо уверенный в том, что, если я оставлю в покое спрятавшихся детей, на долго их не хватит, и вскоре они появятся снова.

Пение переросло в настоящий маленький шторм из птичьих голосов.

«Это наверняка дети все устроили! Но как они смогли заставить птиц петь?» – сказал я себе, пока лежал и слушал.

Тем не менее вскоре где-то наверху, на дереве, под которым стояли мои слоны, я заметил легкое движение среди листьев и присмотрелся к нему более внимательно. Внезапно на темном фоне листвы появились светлые точки, пение прекратилось, и взрывом детского смеха треснул воздух. Со всех сторон появились светлые точки в листве – на деревьях было полно детей! Заливаясь хохотом, они стали спускаться вниз, и некоторые прыгали с ветки на ветку с такой ско-

ростью, что я с трудом мог убедить себя в том, что они при этом не падают. Я оставил свою подстилку, и тут же меня окружили – ликуя оттого, что цель их веселой шутки столь удачно поражена. С величавым достоинством слоны удалились на отдых.

– Но отчего же, – сказал я, когда улеглась немного их бурная радость, – я не слышал прежде, чтобы вы пели, как птицы? Даже когда я понял, что это были вы, я с трудом мог в это поверить!

– Ах, – ответил один из самых веселых, – но мы же не были тогда птицами! Мы были бегающими созданиями, а не летающими! Раньше мы прятались в кустах, но потом мы перебрались в место, где кустов нет, только деревья, и поэтому стали строить гнезда. А когда мы стали строить гнезда, то превратились в птиц. А раз уж мы превратились в птиц, то и должны вести себя, как птицы! Мы попросили их научить нас петь по-птичье, и они нас научили, и теперь мы и есть самые настоящие птицы! Пойдем, я покажу тебе мое гнездо. Оно не слишком большое и не годится для короля, но его вполне хватит для того, чтобы король мог посмотреть на то, как я в нем сижу!

Я ответил, что не смогу подняться на дерево в темноте, если не буду видеть дороги; а вот когда оно взойдет, я попробую.

– У королей редко бывают крылья! – добавил я.

– Король! Король! – закричал один из них. – А вот, зна-

ешь, ни у кого из нас тоже нет никаких крыльев, – зачем они нам, эти дурацкие крылья? Руки и ноги намного лучше!

– Это правда. Я могу подняться без помощи крыльев – и принести соломы для своего гнезда!

– Точно! – ответил он и удалился, посасывая палец.

Мгновение спустя я услышал, как он зовет меня из своего гнезда, откуда-то с высоты огромного орехового дерева.

– Приходи посмотреть, король! Спокойной ночи! Я спу!

И я больше не слышал его до самого утра, когда он разбудил меня.

Глава 33

РАССКАЗ ЛОНЫ

Я устроился под деревом, и одна за другой, группами, дети оставляли меня и забирались в свои гнезда. Они всегда были по ночам такими усталыми и такими свежими утром, что они одинаково радостно отправлялись спать и просыпались поутру. Я же, несмотря на то, что тоже устал, прилег, но спать не стал, так как Лона не попрощалась со мной, и я был уверен, что она придет.

Я боялся, что, когда снова ее увижу, из-за ее сходства с принцессой не смогу относиться к ней по-прежнему и буду видеть в ней только дочь той матери, о которой говорил мне Адам. Но в этой девочке слепящая красота Лилит была мягче из-за того, что Лона была еще ребенком, и глубже из-за ее чувства материнства.

«Может, она занята сейчас, – подумал я. – с ребенком той женщины, которую я встретил, когда та бежала из Булики?»

Ведь и ему, как она не раз говорила, будет недостаточно половины матери.

Она пришла наконец, села рядом со мной, и, после нескольких минут молчаливой радости, когда она занималась в основном тем, что поглаживала мои руки и лицо, стала рассказывать мне обо всем, что случилось с тех пор, как

я ушел от них. Пока мы разговаривали, появилась луна, и, появляясь среди листвы то тут, то там на короткие мгновения освещала прекрасное лицо девочки – осиянное думой и заботой о тех, кого до сих пор спасала и хранила ее любовь. Как такое дитя могло родиться у такой матери – была ли она простой женщиной, или принцессой, трудно было понять, но тогда у нее, к счастью, были два родителя, а точнее говоря – все три! Она покорила мое сердце тем же, что ей было приятно во мне, а я полюбил ее, как существо, которое достигло всего того совершенства, на которое может быть способен человек, только что вышедший из детского возраста. Я понял теперь, что я любил ее уже тогда, когда оставлял ее, и что надежда повидаться с ней снова была с тех пор моей единственной радостью. Каждое слово, которое она произносила, казалось, проникало прямо в мое сердце, и, так как было чистой правдой, делало и его чище.

Она рассказала, что, когда я покинул фруктовую долину, великаны начали верить чуть больше в существование их соседей и из-за этого стали относиться к ним более враждебно. Иногда Малютки видели, как великаны бешено что-то топчут, когда тем казалось, что они обнаруживали признаки присутствия детей. А дети тем временем стояли где-нибудь поблизости и смеялись над их глупой яростью. Вскоре, однако, их злость нашла себе более практичный выход – они стали уничтожать деревья, на которых росли фрукты Малюток. Эти происки заставили их маму задуматься над тем, каким

особом они могли бы дать им отпор. Однажды ночью она послала одного из самых внимательных детей послушать, о чем говорят их соседи, Лона узнала, что они думают, будто я прячусь где-то поблизости и хочу, лишь только соберусь с силами, подкрасться к ним в темноте и убить их спящими. Из этого она сделала вывод, что единственный способ избежать уничтожения – заставить великанов поверить в то, что они покинули это место. Малюткам следовало переселиться в лес – подальше от жилищ великанов, но не так далеко, чтобы они не могли добраться до своих деревьев, которые им теперь придется навещать по ночам. Главным возражением против того, чтобы переселиться в лес, было то, что подлеска, который мог бы стать их убежищем, а в случае необходимости и укрытием, там не было, или же он был слишком редок.

Но она сообразила, что Малютки могут найти убежище там же, где птицы. Они легко находили общий язык с любыми живыми существами, им было легко освоиться среди диких созданий: так отчего бы им тогда не укрыться от холода и врагов на верхушках деревьев? Чем прятаться в редком подлеске, не лучше ли перебраться в листву на верхних ярусах? Не лучше ли вить гнезда там, где не придется прятаться в норах и рыть укывища? Всему, что умеют птицы, кроме, конечно, умения летать, Малютки могли легко обучиться.

Она обсудила это с детьми, и они слушали с одобрением. Лазать по деревьям они уже умели и часто наблюдали там за

птицами, которые строили там гнезда! Да и деревья в лесу, несмотря на свои огромные размеры, выглядели подходящими для этой цели! Они ближе к небесам, чем голова любого из великанов и протягивают свои руки вверх (а некоторые – вниз), словно приглашая детей прийти к ним и жить с ними! Может быть, на вершине высочайшего из этих деревьев им удалось бы найти гнездо той птицы, которая откладывает яйца, из которых выводятся дети, и потом сидит на них до тех пор, пока они не вылупятся, а затем раскалывает скорлупу, чтобы малыши могли выйти на свет! Да, они построят спаленки на деревьях, где их не увидит ни один из великанов, потому что они никогда не поднимают свои глупые головы, чтобы посмотреть, что творится над ними. И тогда плохие великаны будут уверены в том, что Малютки ушли из страны, а те будут выращивать свои яблоки и груши, инжир и персики по ночам, пока великаны спят.

Вот что заставило маленьких друзей принять выбор Лоны. Результатом этого решения стало то, что Малютки скоро чувствовали себя как дома среди ветвей деревьев, а великаны вскоре пришли к заключению, что они выжили из этих мест детей и напугали их так, что те забыли в ней свои деревья, и с тех пор почти перестали верить в существование своих маленьких соседей.

Лона спросила меня, не заметил ли я, что многие из детей подросли. Я ответил, что нет, но был готов в это поверить. Она уверила меня в том, что это так, и высказала твердую

уверенность в том, что они еще и стали умнее с тех пор, как перебрались вверх, к тому же далеко продвинулись в том, чтобы облегчить ее тревогу от открытия, которое она сделала. В конце коротких сумерек и позже, при свете луны, они спускались в долину и собирали фрукты, чтобы прокормиться весь следующий день; так как великаны никогда не выходили из своих домов в сумерках, которые для них были уже темнотой, и они ненавидели лунный свет: если бы они могли, они бы ее погасили. Но вскоре малыши обнаружили, что фрукты, которые они собирают по ночам, днем уже не так хороши, поэтому возник вопрос – если не стало лучше оттого, что они покинули свою страну, значит, придется сделать так, чтобы плохие великаны сами убрались прочь.

Она сказала, что в то время они уже свели знакомство со всеми жителями леса и с большинством из них в отдельности. Они узнали, что некоторые из них мудры настолько же, насколько сильны, быстры, и при этом послушны. И они, эти звери, предложили им свои услуги, чтобы помочь им в их борьбе с великанами. И вскоре, играя и поддерживая добрые отношения, они полюбили друг друга и стали больше чем друзьями. Сначала они обращались к слону или коню Братец Слон или Сестрица Слониха или Братец Конь или Сестрица Лошадь, но очень скоро они нашли собственное имя для каждого из них. Прошло немного времени, и они стали говорить Сестра Медведица и Братец Медведь, а еще несколько дней спустя она услышала, как один из малышей крикнул:

«Ах, сестрица Змея!» змее, которая куснула его за то, что он обидел ее, заигравшись. Большинство из них никак не могли ничего придумать для гусеницы, кроме того, что наблюдали за ее превращениями, но, когда у нее в конце концов выросли крылья, они немедленно стали говорить ей Сестрица Бабочка, поздравляя ее с успешным превращением – для чего они использовали слово, которое значило примерно «раска-яние», явно считая все произошедшее с нею чем-то священным.

Однажды лунным вечером, когда они отправились собирать свои фрукты, они повстречали женщину, которая сидела на земле с ребенком – ту женщину, которую я встретил по пути в Булику. Они приняли ее за великаншу, которая укра-ла у них ребенка, так как считали всех детей своей собственностью. Разозлившись, они набросились на нее всем гуртом, и отбили ребенка, чем привели ее в совершенное замешательство, и она попыталась убежать, но ребенок вырвался от них и схватил ее за ноги. Придя в себя, она обнаружила, что ее противники всего лишь дети, то есть как раз те, у кого она собиралась просить гостеприимства, и тотчас же отдала им ребенка. Появилась Лона и унесла его за пазухой.

Но, если женщина заметила, что, напав на нее, дети старались не задеть ее малыша, Малютки, в свою очередь, заметили, как она целовала и крепко обнимала Малютку, когда сдалась, то есть поступала точно так же, как и они обычно. Тогда Малютки пришли к заключению, что эта женщина

такая же добрая, каким был добрый великан. И в тот миг, когда Лона забрала ребенка, они предложили женщине свои фрукты и стали оказывать ей все знаки внимания, которые могла предложить их детская компания.

И тогда женщина растерялась оттого, что не могла решить, куда направиться – она не осмелилась вернуться в город, потому что принцесса, конечно, нашла бы ту, которая ранила ее леопардиху. И тогда она решила удовлетвориться дружбой с маленьким народцем и твердо решила остаться, и до сих пор жила с ними, и, если ничего не случится с ее ребенком, когда-нибудь она найдет способ вернуться к мужу, у которого было много денег и драгоценностей и который очень редко плохо с ней обращался.

Здесь я должен отвлечься и дополнить то, что Лона рассказала мне об этой женщине, некоторыми собственными догадками. Вместе с остальными жителями города она, конечно, знала, что принцесса живет в страхе от того, что родится ребенок, который станет причиной ее гибели. Знали они все и о том ужасном средстве, которым она пользовалась для того, чтобы продлить свою юность и сохранить свою красоту, знали и о том, что ее тающие силы заставляют ее все чаще прибегать к этому средству; заместили они и ее растушую неприязнь к детям, которые казались ей знаком ожидающей ее судьбы. И все это, несмотря на то, что никто из них и помыслить не мог о том, чтобы что-то предпринять против принцессы, хотя бы сохраняло их надежду на перемены.

И вот в голове женщины родилась мысль о том, что она могла бы поспособствовать выполнению этого туманного предсказания или хотя бы воспользоваться этим мифом, чтобы вернуться к мужу. Так как что могло бы показаться более вероятным, чем то, что исполнение судьбы возложено на плечи этих самых детей? Они были удивительно отважны, а жители Булики так трусливы с их презренным животным страхом. И если бы ей удалось возбудить в детях достаточно честолюбия, чтобы захватить город, то, если атака захлебнется, она оставит маленькую армию, незаметно доберется до своего дома и в конце концов там укроется!

А когда детям удастся выгнать великанов, она начнет пока они радуются победе, внушать им стремление к более высокой цели. По соотношению сил они, конечно, не годились для войны, они и не ссорились никогда, любили все живое и ненавидели все, что заставляет это живое страдать. И все же они очень легко поддавались чужому влиянию, и, конечно, было нетрудно научить их пользоваться собственной силой! И однажды она научила некоторых из самых маленьких детей бросать камни в цель; и вскоре они все увлеклись новой игрой и достигли в ней больших успехов.

Первым практическим результатом было то, что они использовали камни, когда спасали меня. Они обнаружили меня спящим, когда собирали свои фрукты, отправились домой, собрались на совет, пришли на следующий день с конями и слонами, одолели тех нескольких великанов, кото-

рые охраняли меня, и унесли меня прочь. Торжествуя победу, самые маленькие мальчики хвастались совсем по-детски, более взрослые – поменьше, а вот девочки, наоборот, хотя их глаза сверкали ярче, не были столь словоохотливы, как обычно. И женщина из Булики, вне всяких сомнений, потворствовала этому.

Мы проговорили большую часть ночи, в основном о том, почему растут дети и что это могло бы значить. Я долго не был знаком со способностью Лоны чувствовать правду, а теперь меня стала поражать ее житейская мудрость. Возможно, если бы я сам больше знал о детях, я бы меньше удивлялся.

До утра все еще было далеко, когда я услышал легкое волнение и шорох. Я приподнялся на локтях, осмотрелся и увидел множество Малюток, спускающихся по деревьям из своих гнезд. Они исчезли, и несколько мгновений спустя все вокруг снова затихло.

– Что они делают? – спросил я.

– Они думают, – ответила Лона, – что по своей глупости великаны обыщут лес, и отправились собрать камней для того, чтобы достойно их встретить. Камней в лесу немного, и им придется прогуляться затем, чтобы собрать их достаточно. Они принесут их в свои гнезда, и атакуют великанов с верха деревьев, если те окажутся в пределах досягаемости. Зная их привычки, нет смысла ждать их раньше, чем наступит утро. Если они заявятся, это будет война за изгнание – либо тому, либо другому народу придется убраться. Однако,

в исходе сражения сомневаться трудно. Мы не собираемся убивать их, конечно, их черепа такие толстые, что мы, скорее всего, и не сможем это сделать! Хотя, если их убить, большого вреда им от этого не будет – жизнь и так чуть теплится в них. Если кто-то из них погибнет, их главная великанша раньше, чем дня через три, о них и не вспомнит!

– Выходит, дети так хорошо бросают камни, что такой исход сражения неизбежен? – спросил я.

– Погодите, и вы увидите, как они это делают! – ответила она с оттенком гордости. – Но я ведь еще не рассказала вам, – продолжила она, – о странной вещи, которая произошла за ночь до этой. Мы собирали наши фрукты и уже вернулись домой, и уже спали в своих гнездах, когда нас разбудил ужасный шум звериной драки. Луна была яркой, и на мгновение под нашими деревьями вспыхнули светящиеся маленькие глаза, принадлежащими Двум огромным леопардхам, одна из которых была сияюще белой, а вторая была покрыта темными точками. И эти два зверя рвали и терзали друг друга – не знаю даже каким количеством когтей и зубов. Чтобы спасти свою шкуру, пятнистому созданию приходилось забираться на деревья, когда вторая нападала на нее. Когда я впервые их увидела, они как раз находились под моим деревом, перекатываясь друг через друга. Я спустилась на нижнюю ветку и прекрасно рассмотрела их. Дети наблюдали за представлением, сидя кто тут, кто там – они ведь никогда не видели таких зверей и думали, что они просто играют. Но

когда стал утихать шум драки и почти стихло их собственное рычание, я заметила, что обе они почти уже при смерти, и мне искренне захотелось, чтобы ни одна из них не была уже в состоянии забраться на дерево. Но когда дети увидели, как по бокам леопардих стекает кровь из ран, как вы думаете, что они сделали? Они спустились вниз, чтобы успокоить их и, окружив огромной толпой эти два ужасных создания, стали их похлопывать и поглаживать. Тогда я тоже спустилась вниз, так как они слишком увлеклись, чтобы услышать, как я зову их, но прежде, чем я добралась до них, белая леопардиха прекратила драку и бросилась на них с таким жутким воплем, что они снова взлетели на свои деревья, словно птички. И прежде чем я добралась до своего дерева, злые звери снова рвали и кусали друг друга. Затем Уайти явно стала побеждать, и Спотти ринулась прочь так быстро, как только могла. А Уайти пришла и улеглась под моим деревом. Но через минуту или две она снова встала и бродила рядом с нами так, словно думала, что Спотти скрывается где-то поблизости. Я часто просыпалась и, каждый раз, когда осматривалась вокруг, та была где-то поблизости. А утром ушла.

– Я знаю их обеих, – сказал я., – Спотти – плохой зверь. Она ненавидит детей и убьет при случае любого из них. Но Уайти, наоборот, любит их. Она бросилась на них только затем, чтобы отогнать подальше, иначе бы Спотти позаботилась бы о любом из оказавшихся поблизости. Бояться Уайти не надо!

К этому времени Малютки уже вернулись, и с большим шумом, так как уже не заботились о том, чтобы соблюдать тишину, они ведь были уже в состоянии открытой войны, с великанами и запаслись изрядным количеством камней. Они снова забрались в свои гнезда, хотя и с трудом, так как тащили туда на себе тяжелый груз, и быстро заснули. Лона тоже вернулась на свое дерево. Я лег там, где был, и тоже легко заснул, так как думал, что белая леопардиха наверняка все еще где-то здесь в лесу.

Я проснулся вскоре после восхода солнца и лежал, размышляя. Прошло два часа, и в лесу в самом деле стали появляться великаны по трое-четверо, пока я не насчитал около сотни. Дети еще спали, и позвать я их не мог – это привлекло бы внимание великанов: мне придется сохранять спокойствие до тех пор, пока они меня не обнаружат. Но один прошел прямо надо мной, споткнулся, упал, снова поднялся. Я подумал, что он не обратит на это внимания, но он стал оглядываться по сторонам. Я вскочил на ноги, и ударил его куда-то в середину его огромного тела. Он взревел, и этот рев разбудил детей. Тут же обрушился вниз целый град камней, из которых ни один не задел меня и ни один не миновал великана. Он упал и остался лежать на земле. Остальные были поблизости и град распространился по всему лесу, и когда бестолковые создания приближались к подходящему дереву, они тут же становились мишенью для летящих сверху камней. Прошло очень немного времени, и почти каждый из ве-

ликанов был повержен, и победная торжествующая птичья песня взвилась вверх с верхушек не меньше чем пятидесяти деревьев.

На поле битвы появилось много слонов, и, словно маленькие обезьянки, вниз спустились дети, в мгновение на каждого из слонов забралось трое-четверо ребятишек, и вот так нагруженные, они стали ходить над великанами, которые лежали и ревели.

Устав, наконец, от их воплей, слоны наградили их несколькими пинками и оставили в покое.

До наступления ночи плохие великаны оставались там, где были повержены, лежали они молча и старались не двигаться. На следующее утро они исчезли все до одного, и дети их больше не видели.

Они перебрались на другой конец фруктовой долины и никогда больше не рисковали сунуться в лес.

Глава 34

ПОДГОТОВКА

Как только Малютки одержали победу, женщина из Булики завела разговоры о городе и много рассказывала о его незащищенности, о злобной принцессе, которая там всем управляет, и о трусости его жителей. Прошло несколько дней и дети не говорили уже ни о чем, кроме Булики, несмотря на то, что никто из них не имел ни малейшего представления о том, что из себя представляет этот город. И тогда впервые я стал догадываться о замыслах принцессы, хотя все еще не понимал, зачем ей это надо.

Мысль о том, что надо завладеть этим местом, больше всего запала в голову Лоны – ив мою тоже. Дети теперь так быстро развивали свой дар, что я не видел серьезных преград к осуществлению этого замысла. Я знал об одном уязвимом месте этой ужасной женщины или леопардихи – Лилит, ее судьбу в той ее части, в которой она была связана со своей дочерью. И древнее предсказание тоже повлияло бы на горожан: воистину, все, что в этом предприятии стоило называть риском, можно было не принимать во внимание. Кто мог бы сомневаться в успехе? Только не Малютки, которые из толпы детей стремительно превращались в молодых людей, чье управление и влияние было бы всецело направле-

но на добродетель и справедливость. Может быть, управляя злыми жителями города железной рукой, они бы искупили грехи этого народа?

В то же время я вынужден признаться, что и я сам был не прочь извлечь выгоду из этого предприятия. По правде говоря, мне казалось, что Лона займет трон, который прежде принадлежал ее матери, и, естественно, сделает меня своим супругом и министром. Я бы посвятил свою жизнь служению ей; и, строго между нами, могло ли быть что-то, что мы не смогли бы сделать с помощью Малюток для развития благородного государства?

А еще я вынашивал совсем уж идиотскую мысль об открытии торговли драгоценными камнями между нашими мирами – к счастью, невозможную, так как это не принесло бы ничего, кроме вреда, обоим мирам. Вспомнив то, о чем говорил мне Адам, я предложил Лоне найти им воду, которая, возможно, ускорит рост Малюток. Она благоразумно рассудила, однако, отложить это на будущее, так как мы не знали, что может произойти вначале, но вот потом, с течением времени, это непременно станет предметом обсуждения.

– Они то, что есть и без этого! – сказала она. – Когда мы возьмем город в свои руки, мы поищем воду!

И вот мы начали готовиться, постоянно проводили смотры нашим забавным войскам и боевым товарищам. Лона уделяла больше внимания организации командования, пока я тренировал маленьких солдат. Они совершенствовались в

метании камней, я учил их обращаться с некоторыми другими видами оружия и делал все, что мог, для того, чтобы подготовить из них воинов. Самым трудным было заставить их собираться под своим флагом немедленно после того, как прозвучит сигнал. Большинство из них было вооружено пращами, некоторые из детей постарше – луком и стрелами. У старших девочек были пики из шипов алоэ, твердые, как сталь, и острые, как иголки, снаряженные длинным древком – весьма грозное оружие! Их единственной обязанностью было присматривать, чтобы слишком маленькие дети не принимали участия в сражении.

Лона порядком подросла, но, похоже, этого не замечала: она всегда была и до сих пор оставалась самой высокой из всех детей! Ее волосы были много длиннее, и она стала уже почти взрослой женщиной, но не потеряла детского очарования. Когда мы впервые встретились после нашей долгой разлуки, она отложила в сторону своего ребенка, обняла меня за шею и молча прижалась ко мне, ее лицо сияло радостью: ребенок захныкал, она бросилась к нему и немедленно прижала его к груди. А когда она возилась с каким-нибудь беспечным, упрямым или слишком чувствительным малышом, она была похожа на ласковую бабушку. Мне казалось, я знаю ее уже долгие годы, даже всегда – и даже до того, как началось время. Я с трудом вспоминаю свою мать, но в мыслях моих теперь она была такой же, как Лона; и если я представлял себе сестру или ребенка – неизменно у них было лицо

Лоны! Каждый образ, возникавший в моей голове, обращался к Лоне, она была женой моего сердца! Она почти никогда не искала моего общества, но почти всегда была от меня на таком расстоянии, что я мог ее позвать. Все, о чем я думал и все, что я делал, я обсуждал с ней, и радовался оттого, что, когда она занимается своим делом совершенно независимо, все же она дома, рядом со мной. Никогда она не пренебрегала меньшими детьми ради меня, и моя любовь только подстегивала мое чувство ответственности. Любить ее и выполнять свой долг – это, конечно, не одно и то же, но это неотделимо друг от друга. Она могла предложить мне что-то, что я должен был сделать, или спросить меня, что должна сделать она, но никогда не думала о том, нравится ли это мне, а уж тем более, ей самой, или заботило ее что-то сверх того, что должно быть сделано. Ее любовь захлестывала меня – не ласками, но близостью узнавания, и мне это не с чем это сравнить, кроме как с принесением в жертву священного животного.

Я никогда ничего не рассказывал ей о ее матери.

Лес был полон птиц, чье оперение ничем не уступало великолепию их песням, и это, казалось, возмещало недостаток цветов, которые, вероятно, не могли расти без воды. Их чудесные перья можно было встретить повсюду в этом лесу, и мне запала в сердце мысль сделать из них наряд для Лоны. Пока я был занят тем, что собирал их и выкладывал рядами, она наблюдала за мной, явно оценивая мой выбор цвета и

порядка, но никогда не спрашивала, что я конструирую, хотя несомненно ждала, когда на свет появится результат этих моих трудов. И это в конце концов случилось – через неделю или две я сделал длинную свободную накидку с отверстиями для рук; ее надо было закреплять у шеи и талии.

Я поднял накидку и надел ее на Лону. Она встала, сняла ее и положила к моим ногам – я думаю, надевать на себя такую вещь показалось ей неприличным. Я снова одел ее и показал, куда нужно просунуть руки. Она улыбнулась, посмотрела на перья, погладила их, а затем снова сняла накидку, но положила уже рядом с собой, а когда уходила, то взяла ее, и несколько дней я не видел своего произведения. В конце концов однажды утром она пришла ко мне одетая в накидку и принесла с собой другую одежду, которую она сделала самостоятельно, но из высушенных жестких листьев вечнозеленого растения. Она была прочной, почти как кожа, и выглядела, как кольчуга. Я немедленно примерил ее, и с тех пор мы всегда надевали их, когда ездили верхом.

Верхом, потому что у окраины леса появилось однажды стадо рослых коней, с которыми мы вскоре стали друзьями, так как они были достаточно умны, чтобы не бояться столь отличающихся от них самих созданий. Двух из них, самых изящных, я вышколил для себя и Лоны. Уже привыкшая ездить на маленьких, Лона получила огромное удовольствие, когда впервые она посмотрела вниз со спины огромного животного, а конь выглядел так, словно гордился той, кого нес

на себе. Мы упражнялись с ними каждый день, и в конце концов они прониклись таким доверием к нам, что повиновались немедленно и ничего не боялись, после чего мы всегда выезжали на них на парады и марши.

Со временем наше предприятие, конечно, показалось мне авантюрой, но вера в него женщины из Булики, была ли она настоящей, или наигранной, всегда перевешивала мои сомнения. Магия принцессы, утверждала она, против детей окажется бессильной, так же, как и ее власть над всеми другими силами, и одни наши союзники-животные станут решающим фактором превосходства; она сама, говорила она, готова с палкой в руках одержать верх над любыми двумя мужчинами из Булики. Она признавалась, что очень боится леопардихи, но с нею был готов встретиться я сам. Однако я возражал против того, чтобы взять с собой всех детей.

– Не лучше ли будет, – сказал я, – если вы останетесь в лесу с младенцами и самыми маленькими детьми?

Она ответила, что очень надеется на то, что вид крошек произведет впечатление на женщин, особенно на матерей.

– Когда они увидят Маленьких Друзей, – говорила она, – они завоюют их сердца без боя, и я должна быть там, чтобы остановить их! Если там в ком-то еще и осталась капля отваги, то осталась она именно в женщинах!

– Ты не должна обременять себя и брать с собой кого-нибудь из детей, – сказал я Лоне, – ты будешь нужна повсюду и всем.

Возле нее постоянно находилось еще несколько детей, и одного она почти всегда держала на руках, даже когда была верхом на коне.

– Я не помню, чтобы когда-то я оставалась без ребенка, о котором я должна заботиться, – ответила она, – но, когда мы доберемся до города, я сделаю так, как вы хотите.

Ее доверие к тому, кто однажды потерпел такую неудачу и к тому же столь недостойным образом, заставляло меня стыдиться. Но я не мог ничем подстегнуть их начинание, равно как и не было у меня никаких оснований противостоять ему; и, если у меня не было выбора, то, по крайней мере, я мог постараться помочь чем могу! Что касается меня лично, я был готов и жить и умереть рядом с Лоной. Ее застенчивость и правдивость заставляли меня смириться, и я искренне был готов помочь ей во всех ее начинаниях.

Наш путь лежал через покрытую травой равнину, и не было нужды брать корм для коней и двух коров, которые сопровождали бы детей, но для слонов следовало взять все необходимое. Трава, правда, столь же годилась для них, как и для остальных животных, но была слишком короткой, и они не могли захватить своим хоботом достаточно для того, чтобы наестся. И поэтому мы отправили целую толпу собирать траву затем, чтобы засушить сена, которого слоны сами несли бы на себе столько, сколько могло бы понадобиться на несколько дней. И вдобавок к этому на каждой из остановок мы бы собирали свежую траву. Для медведей мы набрали

орехов, а для самих себя достаточное количество фруктов. Мы поймали и приручили еще несколько больших коней и теперь нагружали их провизией, которую собирались взять с собой.

Затем Лона и я провели общий смотр, и я произнес небольшую речь. Я начал с того, что рассказал им о том, что я лучше узнал их и знаю теперь, откуда они берутся.

– Мы ниоткуда не беремся, – закричали они, перебивая меня, – мы всегда были здесь!

Я рассказал им, что у каждого из них есть своя собственная мать, такая же, как мать последнего малыша; и я полагаю, что каждого из них принесли из Булики, когда они были еще слишком маленькими, чтобы это запомнить; рассказал, что злая принцесса так боится детей и столь полна решимости уничтожить их, что их матери уносили их прочь из города и оставляли их там, где она не могла до них добраться; и что теперь мы отправляемся в Булику, чтобы найти их матерей и избавить их от плохой великанши.

– Но я должен вам сказать, – продолжил я, – что впереди опасный бой, и нам придется выдержать тяжелое сражение, чтобы овладеть городом.

– Мы можем сражаться! Мы готовы! – закричали мальчики.

– Да, вы можете, – ответил я, – и я знаю, что вы будете сражаться; ибо за своих матерей сражаться стоит! Только помните о том, что вы должны держаться вместе.

– Да, да! Мы позаботимся друг о друге, – ответили они, – мы не позволим никому тронуть нас, кроме наших собственных мам!

– Вы должны помнить, все до одного, что надо немедленно выполнять все распоряжения ваших командиров!

– Мы знаем, мы будем выполнять! Теперь мы уже вполне готовы. Давайте уже пойдем!

– И еще одну вещь вы не должны забывать, – продолжал я, – когда вы соберетесь кого-нибудь ударить, это должен быть честный и смертельный удар, а когда вы выпускаете стрелу из лука, не стреляете в спину врага, когда вы бросаете камень, бросайте его прямо и открыто.

– Мы так и поступим! – кричали они торжественными и бесстрашными голосами.

– И, может быть, кто-то из вас будет ранен!

– Мы не боимся! Мы ведь не боимся, ребята?

– Ни капли!

– А кого-то из вас, может быть, убьют!

– Я не боюсь того, что меня могут убить! – крикнул один из самых милых маленьких мальчиков: он сидел верхом на симпатичном маленьком бычке, который подпрыгивал и скакал под ним, как лошадка.

– И я тоже! И я! – послышалось со всех сторон. И тогда сидящая на коне Лона, королева, мать и сестра их всех, сказала, повернувшись ко мне:

– Я отдам свою жизнь за то, чтобы вернуть свою мать. Она

может убить меня, если захочет! Я поцелую ее и умру!

– Вперед же, мальчишки! – закричали девочки. – Мы идем искать наших мам!

Острой болью кольнуло сердце – но я не мог повернуть назад, в глазах Малюток это было бы духовным падением!

Глава 25

МАЛЮТКИ В БУЛИКЕ

Рано утром мы выступили и оказались, являя собой величавое зрелище, на широкой равнине, между голубым небом и зеленой травой. Мы будем идти все утро и отдохнем днем, затем снова будем идти ночью, отдыхать весь следующий день и снова отправимся в путь в коротких сумерках. Остаток нашего пути мы постараемся разделить таким образом, чтобы достичь города ранним утром, и быть уже в воротах, — прежде, чем нас обнаружат.

Казалось, что все жители леса передвигаются вместе с нами. Впереди летело множество птиц, воображая себя, несомненно, передовым отрядом, огромная компания бабочек и других насекомых кружилась вокруг наших голов; и целая толпа четвероногих шла за нами по пятам. Позже, с наступлением ночи, нас покинули почти все, но птицы, бабочки, осы и стрекозы, дошли с нами до самых ворот города.

Мы основательно отдыхали и спали днем: хотя это и был наш первый настоящий поход, но никто из нас не устал. По ночам мы шли быстрее, потому что было холодно. Многие засыпали на спинах животных, и утром просыпались свежими и отдохнувшими. И никто не падал. Некоторым косматым неуклюжим медведям хватало сил угнаться за слонами,

остальные же взгромозились на зверей, похожих на оленей, и все время пытались обогнать друг друга, пока я не прекратил эти скачки. Те же, кто ехал наверху, на спинах слонов на подстилках из сена, разговаривали с ними всю дорогу, все время, пока не спали. Однажды, когда мы остановились, чтобы отдохнуть и поесть, я услышал малыша, который вытаскивал из-под себя сено затем, чтобы дать его слону и обращался к нему, называя его «милым зверем»:

– Милый носатый друг, я спускаюсь с тебя, словно с горы, и скоро уже буду внизу: потерпи, я уже иду! Вот еще чуть-чуть, и ты протянешь ко мне свой нос, и мы поцелуемся, как настоящие добрые слоники! Обязательно!

В эту же ночь они устроили такой шум! Слоны трубили, кони ржали, им подражали дети, и все это разносилось так далеко по равнине, что, как бы далеко мы ни находились от города, мне пришлось быстро прекратить бедлам, чтобы он не предупредил жителей города о нашем появлении.

И вдруг, одним прекрасным утром, солнце и город появились на горизонте одновременно. Детям стены показались просто нагромождением скал, но я объяснил им, что за ним полно каменных гнезд, увидел на их лицах тень опасений и неприязни, закравшихся в их сердца: впервые в жизни – а многие из них долго жили Малютками – они узнали, что такое страх. Это место казалось им плохим: как они смогут найти своих матерей в таком месте? Но они смело продолжили путь, потому что они верили в Лону, и в меня тоже –

немного, сколько я успел заслужить.

Мы прошли через гулкую арку. Без сомнения, никогда не слышала эта старая мостовая такого грохота копыт, шлепанья мягких звериных лап и человеческих ног! Кони вздрагивали и пугались эха собственных шагов, некоторые останавливались ненадолго, некоторые дико отскакивали в сторону и озирались по сторонам, но вскоре успокоились и отправились дальше. Некоторые из Малюток дрожали. Три девочки крепко прижали к себе детей, которых несли с собой. Все, кроме медведей и бабочек, испытывали страх.

На лице женщины была страшная тревога, и я сам чуть было не заразился общим испугом, ведь под моей ответственностью и управлением находилась целая армия: и я сам привел ее к той опасности, чья тень сейчас нависла над нами! Но меня поддерживала мысль о королевстве Малюток, где плохие великаны были бы слугами, а их любимые звери – их послушными друзьями.

Увы, я, хотя и мечтал об этом, сам еще не научился подчиняться! Неправедное, предательское упрямство посетило меня, когда я стоял во главе армии невинных младенцев! Я был подобен рабу, который в любом из миров делал или будет делать только то, что доставляет ему удовольствие. Но Лона, ребенок, который ехал рядом со мной, была несомненно свободна от этих мыслей – она была спокойна, внимательна, молчалива и ни капли не боялась!

Мы оказались почти в самом центре города, прежде чем

некоторые из его жителей проснулись, обнаружив наше присутствие. Но теперь окна стали открываться, и из них высовывались сонные головы. Каждое из этих лиц застывало вначале в глупой гримасе безрадостного удивления, которая превращалась в оцепенение ужаса, когда зеваки обнаруживали у себя под носом животных. Однако, несмотря на страх, они замечали, что их завоеватели – почти все дети, и тогда женщины выбегали на улицу, а вслед за ними и мужчины. Но через какое-то время они все снова прижались к своим домам, оставляя свободными половины улиц, так как они не осмеливались приблизиться к животным.

Наконец малыш лет пяти, который просто сгорал от желания найти свою мать, обнаружив в толпе лицо, похожее на свое собственное, бросился к ней со своей антилопы и обнял ее за шею, несмотря на то, что она не спешила отвечать на его ласки и поцелуи. Но вот мужская рука показалась из-за ее плеча и схватила мальчика за шкуру. Немедленно девочка, находящаяся поблизости, метнула свой острый дротик в эту руку. Дитина издал дикий вой, и, настигнутый еще двумя или тремя дротиками, крича, убежал.

– Точно, они плохие великаны! – сказала Лона, и ее глаза сверкнули, когда она направила своего коня против дылды, который стоял у нее на пути, и, чуть набравшись смелости, вооружился дубинкой. Он не рискнул дожидаться удара, но попытался подкрасться сбоку и в следующий миг упал, настигнутый ударами нескольких камней. Другой огромный

парень, увертываясь от моего удара, оказался вдруг, про-
износя нечто настолько невразумительное, что можно было
разобрать только, что это ругань, между мной и мальчиком,
который ехал позади меня. Мальчик сказал ему, чтобы тот
обратился к королю, а парень ударил его маленькую лошад-
ку молотком по голове, и она упала. Однако, прежде чем хам
смог выпрямиться, один из слонов, шедших сзади, сбил его
с ног и так лягнул, что он не пытался больше подняться до
тех пор, пока сотни ног не прошли по нему, и вся армия
не удалилась.

Но какой страх появился на лице Лоны, когда она увидела
женщин! Едва ли хотя бы на одну из них было приятно по-
смотреть! И ее малыши должны найти своих мам среди вот
этих?

Едва только мы остановились на центральной площади,
как две девочки, задыхаясь от спешки, принесли тревожную
весть о том, что два мальчика куда-то отправились с какой-то
женщиной. Мы быстро вернулись в то место, где это случи-
лось, и только тут впервые обнаружили, что женщина, кото-
рой мы помогали, исчезла вместе со своим ребенком.

Но в это же время мы увидели, как по узкой улочке, кото-
рая вела от площади к дворцу, спускается белая леопардиха.
Малютки не забыли, как две леопардихи сражались в лесу,
и некоторые из детей выглядели испуганными, и их ряды за-
волновались, но они помнили приказ, который я отдал им, и
быстро выровнялись.

Мы остановились и ждали, что будет дальше, когда маленький мальчик, по имени Оди, замечательный тем, что был смелым и шустрым, который слышал, как я говорил, что белой леопардихи бояться не надо, спрыгнул со спины медведя (а тот пошел вслед за ним вразвалочку), и побежал ей навстречу. Леопардиха, опасаясь сбить его с ног, отпрыгнула в сторону так внезапно, что несколько раз перевернулась и, когда снова оказалась на ногах, обнаружила мальчишку у себя на спине. Кто мог сомневаться в том, что эти люди в конце концов подчинятся тому, кого видели верхом на враге их врага, который защищал их от зверя, ежедневно и еженощно державшего их в страхе? Уверенные в том воздействии, которое это событие произвело на всех, мы тронулись дальше.

Когда мы остановились у дома, к которому нас привела наша провожатая, мы услышали вопль, я спрыгнул вниз и постучал в дверь.

Мой конь подошел и оттолкнул меня носом, затем повернулся и начал колотить в дверь копытами, пока не подъехал Оди на леопардихе, увидев которую, конь застыл, дрожа. Но и она тоже услышала крик, и, забыв, что у нее на спине сидит ребенок, прыгнула на дверь, мальчик ударился об нее и упал, потеряв сознание. Прежде чем я смог до него добраться, Лона уже держала его на руках и, как только он пришел в себя, посадила его назад, на спину медведю, который все еще шел за ним.

Когда леопардиха в третий раз бросилась на дверь, та от-

крылась, и она бросилась внутрь. Мы последовали за ней, но она уже куда-то исчезла. Мы бросились вверх по лестнице, и обошли весь дом, но никого не нашли. Однако, спустившись вниз, мы обнаружили под лестницей дверь и оказались в лабиринтах подвала. Но далеко мы не ушли, так как тут же встретили леопардиху, поперек спины которой лежал ребенок.

Он рассказал, что женщина, которую он принял за свою мать, бросила его в эту дыру, сказав, что потом отдаст его леопардихе. Но леопардиха оказалась хорошей и вытащила его оттуда.

Продолжив поиски второго малыша, мы вошли в следующий дом более спокойно, но обнаружили, увы, что пришли слишком поздно – один из дикарей только что убил маленького пленника! Несколько успокоило Лону, однако, то, что она знала про мальчишку, что тот станет плохим великаном, а это бы было много хуже для него, чем просто смерть, таким образом, получалось, он только избежал худшего конца. Леопардиха бросилась на его убийцу, схватила его за глотку, швырнула его на улицу и пошла вслед за Лоной, волоча его за собой, словно кошка, несущая в зубах огромную крысу.

– Давайте уйдем из этого ужасного места, – сказала Лона, – здесь нет наших мам! Эти люди не стоят того, чтобы им помогали.

Леопардиха бросила свою ношу и кинулась в толпу, и бросалась туда, где людей было больше. Рабы кричали и разбе-

гались, и кучами валились друг на друга.

Когда мы вернулись к армии, мы нашли ее там же, где оставили, в порядке и полной боевой готовности.

Но мне легче не стало – принцесса все не показывалась, и, вероятно, строила в это время планы, о которых мы не имели ни малейшего представления! Ночь нам придется провести без сна, наблюдая и охраняя детей!

Малютки были столь отважными созданиями, что могли отдыхать где угодно: мы сказали им, чтобы они устраивались там, где находятся в данный момент, ложились рядом со своими животными и спали до тех пор, пока мы их не разбудим.

Они тут же устроились, и еще через миг уже видели сны и издавали при этом звуки, похожие на то, как вода журчит по траве, как ветерок шумит в листьях. Их животные дремали, балансируя на границе сна и бодрствования. Самые старшие мальчишки и девочки тихонько ходили то туда, то сюда, среди множества спящих малышей. Все было спокойно, и все это злое место погрузилось в сон.

Глава 36

МАТЬ И ДОЧЬ

Лоне были настолько противны живущие тут люди, а особенно женщины, что она хотела покинуть здешние места настолько возможно быстро; я же, напротив, был совершенно уверен, что если мы так поступим, то сознательно потерпим неудачу там, где успех был вполне возможен, и, что еще хуже, лишим сердца Малюток уверенности, тем самым подвергнув их еще большей опасности. Если даже мы и отступим, принцесса уж точно не оставит нас в покое! А если нам удастся ее повстречать, то надежда на исполнение древнего пророчества да пребудет с нами! Мать и дочь должны встретиться: может быть, красота Лоны растопит сердце ее матери! А если она будет угрожать насильем, я встану между ними! Если я почувствую, что другой управы на нее не найти, ради моей Лоны я готов принять бой, встретив врага с открытым забралом! Я знал, что она обречена и, скорее всего, что этот приговор мы теперь должны были привести в исполнение!

Все еще не рассказывая, кем является Лона по отношению к принцессе, я объяснил все эти обстоятельства Лоне, когда она появилась поблизости. И она сразу же согласилась сопровождать меня во дворец.

С вершины одной из его огромных башен, ранним утром, пока город еще спал, принцесса увидела приближение армии Малюток. Их приближение разбудило в ней захлестнувший ее с головой ужас: ей не удалось уничтожить их, а теперь они пришли за ней! Пророчество вот-вот должно было исполниться!

Когда она пришла в себя, она спустилась в черный зал и уселась в северном фокусе эллипса, под отверстием в потолке.

Она должна была что-то придумать! Теперь то, что она называла «подумать», требовало от нее чистого сознания, то есть не того, что обычно под этим подразумевается, а необходимость восстановить веру в себя; чтобы этого добиться, она повесила в стороне и над собой, зеркало, невидимое ей самой в темноте зала – собрать весь солнечный свет, который отражался от нее. И, когда она добилась того, что увидела себя во всем сиянии своей красоты, она села и стала дожидаться полуденного солнца.

Вокруг нее в темноте двигалось множество теней, но каждый раз, когда кто-то из них появлялся на границе ее внутреннего зрения, она отказывалась их видеть. Близко к нижней кромке зеркала стояла Тень, которая следила за каждым ее движением, но та, слишком погруженная в себя, не замечала ее.

Город был взят, его жители попрятались в страхе; Малютки и их странная кавалерия расположились лагерем на

площади; солнце осветило принцессу, и на несколько минут она увидела себя во всем своем блеске. Видение прошло, но она осталась сидеть. Уже пришла ночь, темнота скрыла и заполнила собой поверхность зеркала, но она все не двигалась с места. Мрак, смешавшийся с тенями, перекатывался по дворцу сгустками, слуги дрожали и тряслись, но не осмеливались покинуть этот дом, потому, что за его стенами были звери, которые пришли с Малютками; всю ночь напролет принцесса сидела без движения: она должна была снова увидеть свою красоту! Она снова должна была подумать! Но Мужество и Воля устали поддерживать ее и не желали больше задерживаться здесь!

Утром мы выбрали двенадцать самых больших и храбрых мальчиков, чтобы те отправились с нами во дворец. Мы сели верхом на своих больших коней, а мальчишки – на маленьких коней и слоников.

Принцесса сидела и ждала солнца, чтобы получить удовольствие от собственного присутствия. Поток света медленно полз по поверхности небесного океана, но до тех пор, пока солнце не оказалось прямо над нашими головами, ни один луч света не смог появиться в черном зале.

Поток света встал перед нашими глазами, и быстро вскарабкался вверх, и, пока мы поднимались ко дворцу, ступенька за ступенью, он карабкался по крыше этого величественного здания. Он заглянул в его глаз – и в этом внезапном сиянии принцесса вспыхнула перед собственным взглядом. Но

она бросилась к его ногам с воплем отчаяния – увы, ее чистоте и белизне пришел конец! Пятна покрывали половину ее бока и были черными, как мрамор вокруг нее. Она стиснула в руках свои одежды и бросила их на стул. Тень соскользнула вниз, и принцесса увидела, как он уходит.

Мы обнаружили, что ворота, как всегда, открыты; прошли через вымощенный дворик вверх ко входу во дворец и вошли в переднюю. Все так же в своей клетке лежала пятнистая леопардиха и то ли спала, то ли умерла – было не разобрать. Малютки задержались на минутку, чтобы посмотреть на нее. Она вскочила и заметалась по клетке. Кони встали на дыбы или отскочили в сторону, слоны отступили на шаг. В следующий миг леопардиха упала навзничь, дрожа и корчась в судорогах, и застыла в изнеможении. Мы въехали в большой зал..

Принцесса уже вернулась в свое кресло, стоящее в лучах света, когда услышала доносящийся со двора стук копыт. Она вскочила, прислушалась и вздрогнула: никогда еще этот звук не раздавался у стен ее дворца! Она тяжело дышала, прижав руку к боку. Топот приближался, вот он все ближе, ближе; вот он проникает уже и в зал; и движущиеся фигуры, которые на этот раз тенью не были, приближались к ней из темноты!

Мы же увидели сияние и прекрасную женщину, окруженную тьмой. Лона спрыгнула с коня и бросилась к ней. Я спрыгнул со своего и последовал за Лоной.

– Мама! Мама! – кричала она, и ее чистый, прекрасный голос эхом отразился от купола.

Принцесса вздрогнула, ее лицо стало почти черным от ненависти, ее брови почти коснулись друг друга у переносицы. Она встала и выпрямилась.

– Мама! Мама! – снова закричала Лона, вскочила на помост и обняла принцессу.

Еще миг, и я был уже рядом! И в этот миг я увидел, как Лона взлетела вверх и ударилась о каменный пол. О, этот жуткий звук ее падения! Она упала к моим ногам и лежала тихо и спокойно. Принцесса уселась назад, в свое кресло, с дьявольской улыбкой на лице.

Я опустился на колени рядом с Лоной, поднял ее с камня и прижал ее к груди. Ненавидящим, яростным взглядом я посмотрел на принцессу; она ответила мне сладчайшей из улыбок. Я брошусь на нее, схвачу за глотку и задушу, подумал я, но любовь к ребенку была сильнее, чем ненависть к матери, и я только крепче прижал к себе свою драгоценную ношу. Ее руки бессильно свесились, ее кровь текла по моим рукам на пол тихим, тонким, медленным ручейком.

Кони почуяли кровь – сначала мой, затем те, что поменьше. Мой встал на дыбы, дрожа, дико выкатив глаза, развернулся и опрометью бросился из темного зала, а за ним последовали и маленькие лошадки. Конь Лоны стоял и смотрел на свою хозяйку, дрожа, как осиновый лист. Мальчики спрыгнули со своих коней, и те, не замечая перед собой черных

стен, разбились о них вместе с моим конем насмерть. Слоны подошли к подножию помоста и остановились, дико трубя; Малютки спрыгнули с них и застыли в ужасе; принцесса развалилась в кресле, и только ее глаза еще оставались живыми, свирепо сверкая на лице, напоминая лицо трупа. Она снова иссякла и сморщилась, и была такой, какой я нашел ее тогда, в лесу, а ее бок выглядел так, словно по нему прошло огромное раскаленное клеймо. Но Лона ничего этого не видела, а я не видел ничего, кроме Лоны.

– Мама! Мама! – вздохнула она и перестала дышать.

Я вынес ее во двор: солнце осветило ее белое лицо и жалостное подобие тени улыбки на нём. Ее голова откинулась назад. Она была мертва.

Я забыл о Малютках, об убийце-принцессе, забыл о мертвом теле, которое держал на руках, и побрел прочь, ища свою Лону. Окна и двери были заполнены злобными лицами глумящимися надо мной, но не осмеливающимися произнести хотя бы одно слово, так как они видели, что за мной бредет белая леопардиха, склонившая свою голову к моим пяткам. Я оттолкнул ее ногой. Она некоторое время подождала и снова пошла за мной.

Я добрался до площади: маленькой армии там не было! Пустота этого места словно разбудила меня. Где Малютки? Где ее Малютки? Я потерял ее детей! Я беспомощно огляделся вокруг, прислонился к колонне и опустился на ее основание.

Но когда я сел, рассматривая ее лицо, на котором застыло спокойное и кроткое выражение, мне показалось, что она улыбнулась живой быстрой улыбкой. Я не сомневался в том, что это мне только показалось, и понял, что это значит – я все еще вижу ее живой! Это не она, это я потерялся, а она – нашла меня!

Я поднялся и собрался идти вслед за Малютками, и инстинктивно искал ворота, через которые мы сюда вошли. Я осмотрелся вокруг, но леопардихи поблизости не было.

Улицу быстро заполняла свирепая толпа. Они увидели, что руки у меня заняты, но некоторое время не осмеливались напасть. Однако еще до того, как я добрался до ворот, они набрались смелости. Одна из женщин стала толкать меня; я не обращал внимания. Какой-то человек ударил мою неприкосновенную ношу: я пнул его, и тот, вопя, отстал. Но толпа теснила меня, сжималась вокруг, и, волнуясь за то, что с моей драгоценной мертвой ношей что-либо случится, я крепче прижал ее к себе и освободил свою правую руку. Но в этот миг какое-то волнение произошло на улице за моей спиной, толпа расступилась, и через нее прошли Малютки, которых я оставил во дворце. Десятеро из них ехали на спинах четверых слонов; а на двух остальных лежала принцесса со связанными руками и ногами, вполне спокойная, за исключением глаз, которые дико выкатились из орбит. Еще двое Малюток скакали позади нее на коне Лоны. А мудрые слоны, которые несли ее, то и дело поднимали свои хоботы

и ошупывали веревки.

Я пошел вперед и вышел прочь из города. Какой конец всем надеждам, с которыми я входил в это зловещее место! Мы захватили злую принцессу и потеряли нашу всеми любимую королеву! Моя жизнь стала никчемной! В сердце была пустота!

Глава 37

ТЕНЬ

Мои товарищи удовлетворенно зашептались: где-то далеко они увидели своих друзей! Двое на коне Лоны поскакали вперед, чтобы присоединиться к ним. Их встретила волна приветствий – и тут же смолкла. Маленькими ломающимися волнами доносились до нас их рыдания по мере того, как мы приближались к ним.

Когда я оказался среди них, я заметил, что с ними произошло какое-то несчастье – на их детских личиках застыло дикое выражение, оставленное чем-то странным и ужасным. Ничто другое не могло служить причиной такой жуткой перемены. Несколько малышей медленно подошли ко мне и протянули руки, чтобы принять у меня мою ношу. Я отдал ее; и тихое отчаяние улыбок на их лицах, и их собственная опустошенность, с которыми они приняли ее, наполнило мое сердце жалостью. Напрасны были рыдания над их мамой и королевой; напрасны попытки как-то дать ей понять, сколь глубока их любовь; напрасно они ласкали и целовали ее, когда уносили ее прочь – ей уже не проснуться! С каждой стороны один из них нес ее руку, бережно ее поглаживая, и столько детей, сколько за раз могло оказаться рядом, дотрагивались до ее тела, а те, кто не мог, держались

за тех, кто ее нес. В том месте, где трава становилась толще и мягче, они положили ее на землю, и, плача, собрались во-круг.

Вокруг толпы детей стояли слоны, и я среди них, и смотрел на мою Лону поверх множества маленьких голов. А те, кто стоял за мной, уставились на принцессу и застыли дрожью. Оди был первым, кто заговорил:

– Я прежде видел эту женщину! – шепнул он ближайшему соседу. – Это она сражалась с белой леопардихой, в ту ночь, когда они разбудили нас своим рычанием!

– Глупыш! – ответил мальчишка. – Это же был дикий зверь, и к тому же пятнистый!

– Посмотрите на ее глаза! – настаивал Оди. – Я знаю, что она плохая великанша, но она в то же время и дикий зверь тоже! Я знаю, она та самая, крапчатая!

Другой подошел на шаг ближе, но Оди мягко отстранил его.

– Не смотри на нее! – воскликнул он, уже зачарованный выражением ненависти, наполняющим ее глаза. – Она съест тебя, ты и моргнуть не успеешь! Это была ее тень! Она – злая принцесса!

– Этого не может быть! Они же говорили, что она красивая!

– Конечно, это принцесса! – вставил я. – Злоба сделала ее уродливой!

Она услышала – и как она на меня посмотрела! Оди про-

изнес задумчиво:

– Я сильно ошибался, когда убежал!..

– Что заставило вас бежать? – спросил я. – Я рассчитывал найти вас там же, где оставил!

Он не ответил сразу же.

– Я не знаю, что заставило меня бежать, – ответил другой. – Я чего-то испугался!

– Это был человек. Он спустился по холму вниз от дворца, – сказал третий.

– Чем же он вас напугал?

– Он не был человеком, – сказал Оди, – он был тенью, он словно состоял из тумана!

– Расскажите мне о нем побольше.

– Он спустился с холма, и он был очень черным, шел как ходят плохие великаны, но более широкими шагами. У него ничего не было, только чернота, которая окутывала его. В тот миг, когда мы его увидели, мы испугались, но не убежали. Он подходил к нам, словно собирался пройти сквозь. Но еще до того, как он добрался до нас, он стал шагать шире и шире, он вырос, и рос больше и больше, пока, наконец, не стал таким огромным, что просто исчез из виду, и мы его больше не видели, но он вдруг оказался внутри нас!

– Что вы хотите этим сказать?

– Нас окутала темнота, и мы не могли видеть друг друга; а потом он оказался в нас.

– Как вы узнали, что он внутри вас?

– Он сделал меня другим. Я чувствовал себя, как кто-то очень плохой. Я не был больше Оди – тем Оди, который был мне знаком. Мне захотелось разорвать Созо на кусочки – не по-настоящему, но как будто!

Он повернулся и обнял Созо.

– Это был не я, Созо, – всхлипывал Оди, – на самом деле, где-то глубоко внутри я был по-прежнему тем же Оди, который всегда любил тебя. – И Оди встал во весь рост и вышвырнул Порченого прочь. – Я почувствовал себя совсем больным и подумал, что я должен убить себя для того, чтобы вырваться из этой тьмы. Затем раздался отвратительный смех, который я услышал где-то внутри себя, и воздух вокруг меня задрожал. А затем, по-моему, я побежал, но не признавал, что творю до тех пор, пока не обнаружил, что несусь куда-то сломя голову, изо всех сил; и все остальные тоже бежали вместе со мной. Я остановился, наконец, но не мог ни о чем подумать до тех пор, пока не оказался за воротами, среди трав. И только тут я осознал, что я только что убежал от тени, которая хотела быть мной и не стала, и что я – Оди, который любит Созо. Это была тень, это она вошла в меня и ненавидела его, сидя во мне, то есть я – это был не я! И только тогда я понял, что я не должен был бежать! Но, конечно, я не совсем понимал, что творю, до тех пор, пока не сделал то, что сделал! Я думаю, это сделали мои ноги: они испугались и забыли обо мне, и убежали прочь! Плохие ноги! Эта! И эта!

Так сказал Оди и стукнул по каждой из своих непослуш-

НЫХ НОГ.

– А что стало с тенью? – спросил я.

– Я не знаю, – ответил он, – я думаю, он отправился к себе домой, в ночь, в которой нет лунного света.

Мне захотелось, куда ушла Лона, и, опустившись на траву, я взял ее к себе на колени, мертвую вещь, и прошептал ей в ухо: «Где ты, Лона? Я люблю тебя!». Но ее губы не ответили мне. Я поцеловал их, не совсем еще холодные, снова положил ее тело на землю, и, оставив охрану, поднялся затем, чтобы обеспечить ночью безопасность народу Лоны.

Перед заходом солнца я установил надзор за принцессой, расположив ее за пределами лагеря, и назначил часовых; и, намереваясь лично обходить их всю ночь, всю остальную армию я отправил спать. Они расположились на траве и мгновенно уснули.

Когда взошла луна, я заметил, что неподалеку мелькает что-то белое – это была леопардиха. Она молча бродила вокруг лагеря, и я заметил, как она три раза прошла между Малютками и принцессой. И поэтому я решил на часок прилечь с остальными и устроился рядом с телом Лоны.

Глава 38

В ДОМ СКОРБИ

Утром мы собрались и отправились, чтобы добраться до леса так быстро, как только сможем. Я сел на коня Лоны и вез ее тело.

Я отвезу ее к отцу: он уложит ее спать на ложе в палате, где лежат его мертвые! А если нет, если он увидит, что она не придет в себя, я буду присматривать за ним в пустыне до тех пор, пока оно не истлеет. Но я верил, что он сделает это, так как она, конечно же, давно умерла. Увы, как мне теперь будет горько и стыдно перед ним показаться!

И Лилит тоже мне придется взять с собой к Адаму. У меня не хватит сил заставить ее раскаяться! Меня едва хватит лишь на то, чтобы ее убить, но еще меньше у меня прав на то, чтобы оставить ее пакостить в этом мире. И еще меньше того я заслужил право на то, чтобы стать ее тюремщиком!

Всю дорогу, снова и снова, я предлагал ей пищу, но она лишь смотрела на меня голодным ненавидящим взглядом. Ее горящие глаза вращались туда-сюда, и, кажется, она ни разу не закрыла их до тех пор, пока мы не пересекли горячий поток. А после этого они ни разу не открылись до тех пор, пока мы не пришли в Дом Скорби.

Однажды вечером, когда мы устраивались на ночь, я ви-

дел, как к ней подошла маленькая девочка, и бросился к ним, чтобы та не причинила девочке какого-нибудь вреда. Но прежде чем я успел до них добраться, девочка что-то положила в губы принцессе и вскрикнула от боли.

– Пожалуйста, король, – захныкала она, – поцелуй мне пальчик. Плохая великанша сделала в нем дырку!

Я высосал ранку на крошечном пальчике.

– Теперь хорошо! – крикнула она и минутой позже уже вкладывала следующий плод в рот, жаждущий очередной порции. Но в этот раз она быстро отдернула руку, и плод упал на землю. Девочку звали Луа.

На следующий день мы пересекли горячий поток. Малютки ликовали, вновь оказавшись на своей земле. Но их гнезда был еще далеко, и в этот день мы добрались только до заросшего плющом зала, где я решил остановиться на ночь из-за винограда, который там рос. Стоило им только увидеть эти огромные гроздья, как они тут же решили, что они хорошие, набросились на них и жадно ели, и через несколько минут заснули на зеленом полу и в лесу вокруг зала. Я надеялся снова увидеть танец, и, полагая, что Малютки в это время будут спать, заставил их оставить широкое пространство посреди зала. Я лег с ними и положил Лону рядом с собой, но не спал.

Пришла ночь, и внезапно появилась вся компания. Я с удивлением спрашивал себя – неужели, ночь за ночью, до бесконечности они будут приходить сюда и танцевать, и

неужели я когда-нибудь присоединюсь к ним из-за своего собственного безрассудства? Но вдруг глаза детей открылись и они вскочили на ноги, дико озираясь. Сразу же каждый из них поймал за руку одного из танцоров, и они удалились прочь, подпрыгивая и подскакивая.

Призраки словно выбирали и приглашали их: может быть, они все знали о Малютках, так как они сами уже давно вершили свой путь назад, в детство! Как бы там ни было, их невинное веселье должно было хоть немного освежить эти уставшие души, лишённые прошлого, с неведомым будущим и не имеющие рядом с собой ничего живого, а ведь только живое может спасти тень от ее собственного прошлого, тающего в его присутствии, как снег. Дети сыграли множество милых, и ни одной грубой шутки с тенями; и если они временами вносили небольшой беспорядок в размеренный ритм танца, несчастные призраки, которым к тому же было нечем улыбнуться, по крайней мере не выказывали раздражения.

Как раз в то время, когда забрезжил рассвет, я увидел в дверном проеме принцессу скелетов; ее широко раскрытые глаза светились, а на боку было ужасное темное пятно. Она задержалась на мгновение, затем плавно вплыла внутрь, словно собираясь присоединиться к танцу. Я вскочил на ноги. Я услышал жуткий крик напуганных детей, и все огни погасли. Но низко стоящая луна заглянула внутрь, и я увидел, как дети цепляются друг за друга. Призраки исчезли – по крайней мере, их не было больше видно. Исчезла и прин-

цесса. Я бросился туда, где оставил ее; она лежала, и ее глаза были закрыты, словно она никогда и не двигалась. Я вернулся в зал. Малютки были все еще на полу, и устраивались, готовясь ко сну.

На следующее утро, когда мы собирались в путь, мы обнаружили, что недалеко от нас, в кустарнике, шевелятся два скелета. Малютки расстроили свои ряды и бросились к ним. Я последовал за ними, и, несмотря на то, что двигались они полегче, без подпорок и подвязок, я узнал их – это была та парочка, которую я уже видел как-то здесь, по соседству. Дети тут же с ними подружались, поддерживали их под руки, и поглаживали длинные кости их пальцев; и было заметно, что эти несчастные создания тронула их доброта и внимание. Казалось, эти двое были в отличных отношениях друг с другом. Потеря всего, что было у них прежде, объединила их и стала началом их новой жизни!

Сообразив, что они собрали охапки травы и ищут еще, вероятно, для того, чтобы натереть ими свои кости (ибо каким еще способом они могли бы подкормить столь элементарную систему?), Малютки набрали трав тех же видов, и наполнили ими руки скелетов. Затем они пожелали им доброго пути, обещали вернуться и повидаться с ними снова и продолжили свой путь, повторяя друг другу: мол, надо же, а они и не знали, что в одном с ними лесу живут такие милые люди!

Когда мы вернулись в их гнездовище-деревушку, я провел там с ними ночь, чтобы увидеть, как они расселятся; так как

Лона все так же выглядела совершенно мертвой, мне казалось, что нет причины спешить.

Принцесса ничего не ела, и ее глаза оставались закрытыми; мы боялись, что она умрет прежде, чем мы доберемся до конца нашего путешествия, и я пришел ночью, и положил свою голую руку ей в губы. Она так свирепо в нее вцепилась, что я закричал.

Не знаю, как я от нее вырвался, но, когда я пришел в себя, обнаружил, что все еще нахожусь далеко от нее, там, где она не могла до меня добраться. Было уже утро, и я немедленно начал готовиться к отъезду.

Выбрав двенадцать не самых сильных и больших, но самых милых и симпатичных Малюток, я посадил их на шестерых слонов, и выбрал двух других громадин, как их называли малыши, чтобы нести принцессу. Я по-прежнему ехал на коне Лоны и вез ее тело, завернутое в плащ. Насколько я мог судить, я выбрал правильное направление к Дому Скорби, через левый рукав высохшей реки. Я надеялся сообразить, как лучше перебраться через самый широкий и опасный из протоков и как обойти долину чудовищ – больше всего я боялся за слонов, а затем уже за детей.

Одну жуткую ночь я уже провел здесь – это была третья ночь, когда я шел по пустыне между двух притоков мертвой реки.

Мы остановили слонов в укромном месте, и оставили принцессу спать на песке между ними. Она казалась почти

мертвой, но я не думал, что так оно и было на самом деле. Я устроился недалеко от нее, и рядом с собой положил тело Лоны, чтобы иметь возможность присматривать сразу и за мертвой, и за той, что была источником опасности. Луна была на полпути к западу, бледная, задумчивая луна, покрывшая всю пустыню вокруг нас пятнами теней. Вдруг она потускнела, оставаясь все же видимой на небосводе, но почти не давала света, и казалась какой-то обеспокоенной: прозрачная толстая пелена закрыла ее печальный лик.

Пелена сдвинулась немного в сторону, и я отчетливо увидел ее край в свете луны – зубчатые очертания крыла будто бы летучей мыши, кривые и рваные. Подул обжигающе холодный ветер и я увидел над собой Лилит. Ее руки были по-прежнему связаны, но она зубами стащила с моих плеч плащ, который Лона сделала для меня, и вцепилась в мое тело. Я лежал, будто разбитый параличом.

И вот уже, казалось, вся жизнь до капли перетекла от меня к ней, когда я, наконец, очнулся и ударил ее по руке. С булькающим воплем она подняла голову, и я почувствовал, что она дрожит. Я оттолкнул ее прочь от себя, к своим ногам.

Она стояла на коленях и покачивалась. Следующий порыв обжигающего ледяного ветра окутал нас, ярко светила луна, и я увидел ее лицо – голодное и жуткое, вымазанное кровью.

– На колени, бес! – воскликнул я.

– Куда вы меня везете? – спросила она, и в голосе ее было глухое эхо могильного склепа.

– К вашему первому мужу. – ответил я.

– Он убьет меня! – простонала она.

– И наконец-то я от вас избавлюсь!

– Дайте сюда мою дочь! – вдруг возопила она, кляца зубами.

– Никогда! Предсказание должно исполниться, а ваша судьба – настигнуть вас!

– Во имя жалости, снимите с меня эти веревки! – застонала она. – Это же просто пытка какая-то! Веревки впиваются в мое тело!

– Я не хочу рисковать. Ложитесь и лежите спокойно. – ответил я.

Она рухнула на землю, словно бревно.

Остаток ночи прошел мирно, и утром она снова казалась мертвой.

Дом Скорби показался еще до наступления вечера, и в следующий миг один из слонов оказался рядом с моим конем.

– Пожалуйста, король, ты ведь не пойдешь туда? – прошептал малыш, который ехал на его спине.

– Конечно же пойду! Мы собираемся остановиться там на ночь. – ответил я.

– О, пожалуйста, не делай этого! Это, должно быть, то самое место, где живет женщина-кошка!

– Если бы вы хоть раз ее видели, вы бы не называли ее так!

– Никто никогда ее не видел: она же потеряла свое лицо!

Вы можете увидеть ее со стороны или со спины, а лица у нее нет!

– Она прячет его от глупых и беспокойных людей! Кто научил вас так ее называть – женщиной-кошкой?

– Я слышал, как ее называли так плохие великаны.

– А что они про нее еще говорили?

– Что у нее когти на пальцах.

– Это неправда. Я знаю эту леди. Я провел ночь в ее доме.

– Но у нее могут быть когти! Ты мог видеть ее ноги, когда она втягивала когти в подушечки!

– Может, ты думаешь, что и у меня есть когти на ногах?

– О нет, этого не может быть! Ты хороший!

– Но великаны могли сказать тебе так! – продолжал я.

– Мы бы не поверили, если бы они сказали о тебе такое!

– А великаны хорошие?

– Нет. Они любят врать!

– Тогда почему же вы поверили, когда они говорили о ней такие вещи? Я знаю, что эта леди хорошая, и у нее не может быть когтей.

– Пожалуйста, скажи, а как ты узнал, что она хорошая?

– А как вы узнали, что я хороший?

Пока король ждал своих товарищей, и рассказывал им о том, что я ему сказал, я сел на коня.

Они поспешили за мной, и, когда они подъехали, я сказал:

– Я бы не взял вас в ее дом, если бы не верил в то, что она хорошая.

– Мы знаем, что это так. – ответили они.

– Если бы я сделал что-то, что испугало бы вас – что бы вы тогда сказали?

– Звери иногда пугали нас поначалу, но они никогда не обижали нас! – ответил один из них.

– Но так бывало до того, как мы познакомились с ними поближе, – добавил другой.

– Именно так! – ответил я. – Когда вы увидите женщину, которая живет в этом доме, вы поймете, что она хорошая. Вы можете удивляться тому, что он делает, но, что бы она ни делала, она останется хорошей. Я знаю ее лучше, чем вы знаете меня. Она не обидит вас, но, если и...

– А! Ты ведь не уверен в этом, милый король! Ты думаешь, что она может нас обидеть!

– Я думаю, что она никогда не сделает вам ничего плохого, даже если и обидит вас чем-то!

Они немного помолчали.

– Я не боюсь, что меня обижают! Немного... Совсем не боюсь! – воскликнул Оди. – Но мне не понравится, если в темноте меня кто-то поцарапает! Великаны говорят, что в доме женщины-кошки повсюду когти!

– Я возьму туда и принцессу тоже, – сказал я.

– Зачем?

– Потому что она ее подруга.

– Тогда как же она может быть хорошей?

– Маленький Тамблдон дружит с принцессой, – ответил

я, – и Луа тоже: я видел, как они оба, и не раз, пытались кормить принцессу виноградом!

– Маленький Тамблдон хороший! Луа очень хорошая!

– И поэтому они с ней дружат.

– А женщина-кошка, я имею в виду, если она не кошка на самом деле, и у нее нет когтей на пальцах; тоже будет давать принцессе виноград?

– Скорее уж она ее поцарапает!

– Почему? Ты же сказал, что она ее подруга!

– А вот почему: друг – это кто-то, кто дает вам то, в чем вы нуждаетесь, а принцесса остро нуждается в хорошей взбучке!

Они снова замолчали.

– Если кто-то из вас боится, вы можете идти домой; я не буду вас удерживать. Но я не могу взять с собой никого из тех, кто верит великанам больше, чем мне, и называет добрую леди женщиной-кошкой!

– О, король! – сказал один из них – Я так боюсь бояться!

– Мой мальчик, – ответил я, – вреда не будет от того, что ты будешь бояться. Зло одерживает верх над тем, кто делает то, что заставляет его делать Страх. Но страх не властен над тобой! Улыбнись – и он исчезнет.

– Смотрите! Это она! Она ждет нас у дверей! – воскликнул один из них и закрыл глаза руками.

– Какая она уродливая! – крикнул другой и сделал то же самое.

– Да ведь ты же ее не видишь! – сказал я. – У нее закрыто лицо!

– У нее нет лица! – ответили они.

– У нее очень красивое лицо. Я однажды видел его. Оно в самом деле столь же прекрасно, как лицо Лоны! – . сказал я со вздохом.

– Отчего же она его прячет?

– Мне кажется, я знаю... И как бы там ни было, у нее есть для этого какие-то основания. И они не плохие.

– Мне не нравится женщина-кошка! Она страшная!

– Ты не можешь полюбить, и не стоит говорить, что не любишь то, что ты никогда не видел. И еще раз напоминаю: вы не должны называть ее женщиной-кошкой!

– Но как же нам ее тогда называть?

– Леди Мара!

– Это красивое имя! – сказала девочка. – Я буду называть ее леди Марой, и, может быть, тогда она покажет мне свое прекрасное лицо!

Мара, одетая и закутанная в белое, действительно стояла в дверном проеме, чтобы встретить нас.

– Наконец-то! – сказала она. – Долго не наступал час Лилит, но вот он и настал! Все случается когда-то. Все приходит. Я ждала тысячи лет – и не зря!

Она подошла ко мне, приняла из моих рук мое сокровище, внесла ее в дом и, вернувшись еще раз, взяла и принцессу. Лилит вздрогнула, но не сопротивлялась. Звери улег-

лись у дверей дома, а мы последовали за нашей хозяйкой. Малютки шли с похоронными лицами. Она положила Лилит на грубую скамью, стоящую в одном из углов комнаты, освободила ее и вернулась к нам.

– Мистер Уэйн! – сказала она. – И вы, Малютки. Я благодарю вас. Эта женщина не уступит, если вы будете вежливо с ней обращаться, следует быть пожестче.. Я должна сделать все, что могу для того, чтобы она раскаялась в том, что натворила.

Добросердечные Малютки жалостно засопели.

– Вы ее сильно накажете, леди Мара? – спросила девочка, о которой я уже говорил, вложив мне в руку свою маленькую ладошку.

– Да, боюсь, что я должна так поступить. Боюсь, она меня заставит это сделать! – ответила Мара. – Было бы жестоко наказать ее чуть-чуть. Потом придется повторять все сначала, так что ей будет только хуже от этого.

– Я могу остаться с ней?

– Нет, моя девочка. Она никого не любит, поэтому и не может быть с кем-то вместе. Есть только Один, кто может быть рядом с ней, но она не может быть с Ним рядом.

– А тень, что спустилась с холма, она может быть с ней?

– Великая Тень может быть в ней, но не может быть с ней, или с кем-нибудь еще. Скоро она узнает, что с ней рядом – я, но вряд ли ее это утешит!

– Вы ее очень глубоко поцарапаете? – спросил Оди, под-

ходя ближе, и взяв ее за руку. – Пожалуйста, пусть из нее не идет красный сок!

Она взяла его на руки, повернулась спиной ко всем остальным, подняла ткань, скрывающую ее лицо, и вытянула вперед руки, держа в них Оди так, чтобы он мог рассмотреть ее как следует.

Если бы его лицо было зеркалом, я бы тоже увидел в нем то, что довелось увидеть ему. Мгновение он смотрел на нее, разинув рот, затем священное изумление появилось у него на лице и быстро сменилось выражением глубокого удовлетворения. С минуту он зачарованно смотрел на нее, а затем она опустила его на землю. Еще мгновение он стоял, глядя на нее снизу вверх, забывшись в созерцании, затем подбежал к нам, и в лице у него было что-то такое... Словно он узнал, что такое счастье, и не может выразить это словами. Мара поправила свое покрывало и повернулась к остальным детям.

– Перед тем как вы отправитесь спать, я должна покормить и напоить вас, – сказала она, – ваш путь был долог!

Она вынесла из дома хлеб и кувшин холодной воды и поставила перед ними. Они никогда прежде не видели хлеба, а этот был к тому же грубым и сухим, но они ели его без видимого неудовольствия. Прежде они никогда не видели воды, но они пили ее без колебаний, один за другим глотали ее с выражением счастливого изумления. Затем она увела в дом самых маленьких, все остальные стайкой отправились за

ней. Они говорили мне потом, что она уложила их спать своими собственными ласковыми руками на полу на чердаке.

Глава 39

ТОЙ НОЧЬЮ

Для них та ночь оказалась беспокойной, и днем они рассказывали о ней странные вещи. То ли страх их снов преследовал их после пробуждения, не то их дневные страхи остались с ними в их грезах, спали они или нет, но им так и не удалось отдохнуть от этого страха. Всю ночь им казалось, что по дому кто-то ходит – кто-то бесшумный, кто-то страшный, кто-то, о ком они ничего не знали. Не было слышно ни звука, темнота сливалась с тишиной, и в этой тишине был ужас.

Однажды жуткий ветер наполнил дом, и перетряхнул все вверх дном, говорили они, так, что они дрожали и тряслись, словно напуганные лошади; но этот сквозняк не произвел ни звука, даже ни стопа в той комнате, где все они лежали, и исчез, словно безмолвный всхлип.

Они снова попытались заснуть. Но снова проснулись от страшного толчка. Им показалось, что дом заполняет вода, та самая, что они пили недавно. Она била снизу и поднималась все выше и выше, и наполнила чердак почти до самого потолка. Но она произвела ничуть не больше шума, чем ветер, и когда она вытекла прочь, они улеглись спать в тепле и сухими.

В следующий раз они проснулись оттого, что, как говори-

ли они, весь воздух, внутри и снаружи, был наполнен летающими котами. Они роились как пчелы, вверх-вниз, сновали вдоль и поперек повсюду, по всей комнате. Они выпускали когти, стараясь процарапать ночные рубашки, которые леди Мара надела на них, но никак не могли, и утром ни на ком из них не оказалось ни царапины. Лишь один звук за всю ночь достиг их слуха – где-то далеко в пустыне вдруг закричала огромная праматерь всех котов – должно быть, она звала к себе всех меньших (так думали они), так как внезапно все коты остановились и замерли. И вновь они быстро заснули и спали в этот раз до тех пор, пока не взошло солнце.

Таким был отчет детей о своих впечатлениях от этой ночи. Но я всю ночь напролет оставался с женщиной, укрытой вуалью, и с принцессой: я видел кое-что из того, что произошло; но большую часть лишь почувствовал; ибо вокруг меня происходило больше такого, что глазами не увидишь, но можно почувствовать и понять сердцем.

Лишь только Мара покинула комнату, где спали дети, мои глаза заметили белую леопардиху; я думал, что она осталась где-то сзади, но она была здесь, только забилась в один из углов. Вероятно, ее охватил смертный ужас от того, что она должна была увидеть. Лампа стояла на высокой каминной полке, и иногда комната казалась заполненной мечущимися тенями от света лампы, а иногда – какими-то расплывчатыми туманными формами.

Принцесса лежала на скамье возле стены и, казалось, ни

разу не пошевелила ни рукой, ни ногой. Она словно замерла в зловещем ожидании.

Когда вернулась Мара, она передвинула скамью вместе с лежащей на ней Лилит на середину комнаты, затем села напротив меня, по другую сторону очага. Между нами теплился слабый огонек.

И что-то еще ужасное было там! Туманные тени загоготали и заплясали. Серебристое, как жук-светляк, создание выползло из их толпы, медленно пересекло глиняный пол комнаты и вползло в огонь. Мы сидели, не двигаясь. Что-то приближалось к нам.

Но прошли часы, близилась полночь, я ничего не менялось. Ночь была на редкость спокойной. Ни один звук не нарушал тишину, не было слышно ни треска поленьев в огне, ни скрипения половиц или балок. Время от времени я чувствовал, словно что-то поднимается, но где – в воздухе, в земле, в водах под землей, в моем теле или в моей душе, а может быть повсюду – я не могу сказать толком. Чувство, что я нахожусь на страшном суде, не покидало меня. Но я не боялся, так как меня перестало заботить то, что все равно придется сделать.

Внезапно я заметил, что уже полночь. Закутанная женщина встала, повернулась к скамье и медленно размотала длинные полосы ткани, которые скрывали ее лицо; повязки упали на землю, и она переступила через них. Принцесса лежала ногами к очагу; Мара подошла к ее голове и, повернувшись,

встала перед ней. И тогда я увидел ее лицо. Оно было прекрасно; когда она говорила, ее лицо было бледным и печальным, полным той грусти, которой грустит душа и сердце; но не несчастным, и я понял, что оно никогда не будет несчастным. Огромные слезы текли по ее щекам; она смахнула их рукавом; выражение ее лица становилось все более и более спокойным, и вот она уже больше не плачет. Но, несмотря на то, что каждое ее движение было наполнено состраданием, она скорее казалась суровой. Мара положила свою руку на голову принцессы – на волосы, которые росли над ее лбом, наклонилась идохнула ей на брови. Тело вздрогнуло.

– Не отвернешься ли ты от тех злых дел, которые ты делала так долго? – вежливо спросила Мара.

Принцесса не ответила. Мара задала вопрос снова, таким же мягким, призывным тоном.

Принцесса даже не показала вида, что слушает. Мара повторила свои слова в третий раз.

– Нет, – ответила принцесса, – я останусь собой, и не собираюсь становиться кем-то еще.

– Увы, теперь ты уже как раз другая, ты не похожа на себя! А в самом деле стать самой собой ты не хотела бы?

– Я буду тем, что сейчас из себя представляю.

– Если ты уже пришла в себя, отчего же ты не сделаешь того, что могло бы помочь тебе возместить потери от того несчастья, которое с тобой произошло?

– Я буду следовать тому, что говорит мне моя природа.

– Ты же ничего о ней не знаешь; природа твоя хороша, а делаешь ты злое!

– Я делаю то, что доставляет Мне удовольствие – и то, что Мне хочется:

– Ты будешь это делать так, как делает это Тень; пока это не затмит и не согнет Тебя?

– Я буду делать то, что мне хочется делать.

– Ты убила свою дочь, Лилит!

– Я убила тысячи. А она принадлежит мне, она моя собственная!

– Она никогда не была твоей, ты была чужой для нее.

– Я не была чужой, я – своя собственная, а моя дочь принадлежит мне!

– Тогда, увы, получается, твой час настал, Лилит!

– Меня это не очень заботит. Я – это я, и никто не сможет отобрать меня у меня!

– Ты не настолько личность, насколько это тебе кажется.

– Так долго, как мне будет нравиться то, что я о себе думаю, это мне будет не интересно. Мне самой достаточно того, чем я буду. Чем захочу, тем и буду сама себе казаться. Мои собственные мысли делают меня мной, то, что я думаю о себе, – это и есть я. И ничто другое меня собой не сделает!

– Но другое когда-то сделало тебя, и может заставить тебя увидеть наконец, что ты с собой сделала. Больше ты не сможешь выглядеть в собственных глазах чем-то кроме того, чем он видит тебя! И ты не сможешь больше получать удо-

вольствие от того, что будешь о себе думать! С этой минуты ты очнешься для тех перемен, которые произойдут с тобой!

– Ни одна из них никогда не коснется меня! Я бросаю вызов той силе, которая попытается сделать так, чтобы я перестала быть свободной! Вы рабы этой силы, и я бросаю вызов вам! Не знаю, хватит ли вам сил на то, чтобы пытать меня, но вы все равно не заставите меня сделать что-то против моей воли!

– В такого рода принуждении нет смысла. Но ведь есть свет, который проникает глубже, чем воля кого бы то ни было, свет, который развеет любую тьму: и этот свет может изменить то, что ты называешь своей волей, и сделать ее по-настоящему твоей – а не Тени! Воля создающего может слиться с волей его создания и таким образом освободить его!

– Свет не проникнет в меня – я его ненавижу! Прочь, рабы!

– Я не раба, ведь я люблю этот свет и хочу остаться с тем, кто меня создал. Здесь нет рабов, кроме того несчастного создания, которое восстало против своего создателя. Кто может быть рабом больше того, кто кричит: «Я свободен! Я не могу прекратить свое жалкое существование!»

– От страха ты болтаешь глупости! Тебе кажется, что меня предали тебе – я бросаю тебе вызов! Тебе назло я сохраню себя! И то, что я для себя выбрала, тебе не изменить! Я не собираюсь быть тем, что ты обо мне думаешь – или тем, что ты сказала обо мне!

– Прости меня, но тебе все же придется страдать!

– Но я останусь свободной!

– Только тот может быть свободным, кто творит свободу; не может любить свободу тот, кто порабощает! Ты сама – раба. Каждую жизнь, каждую волю, каждое сердце, которое ты узнавала, ты пыталась поработить: ты раба каждого из тех, кого ты сделала рабом – и в таком долгу перед ними, что тебе и не понять этого! Позаботься же о собственном спасении!

Мара подняла руку, которая до того лежала на голове принцессы, и отошла назад на несколько шагов.

Безмолвное присутствие словно бы бушующего пламени наполнило дом – я полагаю, то, что явилось детям молчаливым ветром. Невольно я повернулся к очагу: его пламя застыло маленькими спокойными язычками. Но я заметил существо, которое выползло оттуда, извиваясь, словно червь, раскаленное добела, подвижное, словно расплавленное серебро живое сердце, сама сущность огня. Оно очень медленно проползло по полу к лавке, на которой сидела принцесса. И еще более медленно оно взобралось вверх и улеглось, будто обессилив, у ног принцессы. Я вскочил и подкрался поближе. Мара стояла, застыв на месте, словно знала наперед, что должно произойти дальше. Это сияющее нечто взобралось на костлявые голые ступни: те не вздрогнули, вообще ничем не выказали того, что чувствуют боль, несмотря на то, что сиденье выгорело там, где до того лежало это существо. Медленно, очень медленно оно ползло по ее одежде, пока не

добралось до груди, где оно исчезло в складках одежды.

Лицо принцессы было окаменело-спокойным, веки прикрывали мертвые глаза, и несколько минут ничего не происходило. Наконец на сухой, как пергамент, коже, стали появляться словно бы капельки мелкой росы: спустя всего мгновение они были уже величиной с мелкие жемчужины, собирались вместе, и вот уже хлынули с нее потоком. Я бросился к ней, чтобы вытащить пламенеющего червя из-за ее пазухи, снять его с иссохшей красной груди и растоптать его ногами. Но Мара, Мать Скорбящих, встала между нами и раскинула в стороны складки одежд принцессы: там не было ни змеи, ни следов ожога; пламенеющее создание подползло к центру темной точки и светило сквозь кости и суставы так, что стали видны самые мысли и побуждения души принцессы. Та вздрогнула, забилась в конвульсиях, и я понял, что огненный червь проник в ее потайную комнату.

– Она увидела себя! – сказала Мара и взяла меня за руку, и мы отошли на три шага от лавки.

Внезапно принцесса дугой выгнулась вверх, соскочила на пол и замерла, выпрямившись. Ужас, застывший на ее лице, заставил меня вздрогнуть; а когда открылись ее глаза, их взгляд потряс меня. Ее грудь вздымалась и опускалась, но дыхания в ней не было. Волосы принцессы обвисли и словно екали вниз, затем они встали дыбом и заискрились; снова опали и стряхнули пот, выступивший на ней от пытки, которая терзала ее, на пол.

Я протянул ей навстречу руки, но Мара остановила меня.

– Вы не можете находиться рядом с ней, – сказала она, – она сейчас далеко от нас, очень далеко, в том аду, который создало ее собственное сознание. Огонь из самого центра вселенной пронизывает ее и напитывает знанием того, что есть добро, а что – зло; знанием о том, что она собой представляет. Она видит, наконец, что она не была хорошей, видит, что была злой. Она знала, что она сама – тот огонь, в котором она горит, но она не знала, что сердце этого огня – Свет Жизни. Ее муки оттого, что она собой представляет. Не бойтесь за нее, она не оставлена. Нет возможности помочь ей более мягким способом. Ждите и смотрите.

Сколько принцесса стояла так – пять минут или пять лет, я не могу сказать, но вот, наконец, она упала лицом вниз.

Мара подошла к ней и стояла, глядя на нее сверху вниз. Огромные слезы текли по ее щекам и падали на женщину, которая никогда не плакала, и даже не собиралась.

– Сменишь ли ты теперь тот путь, по которому шла до сих пор? – наконец, произнесла Мара.

– Почему он сделал меня такой? – задохнулась словами Лилит. – Я сама сделала бы с собой... О! Совсем другое! Я рада, что это он сотворил со мной, а не я сама! Это он один виноват в том, что я превратилась вот в это! Никогда бы я не сделала такой ужасной вещи! Он сделал так, что я смогла узнать то, какой я стала жалкой! Никакой другой мне уже не сделаться!

– Тогда переделай себя сама, – сказала Мара.

– Увы, я не могу! И ты это знаешь, и смеешься надо мной!

Много раз я пыталась прекратить эту муку, но тиран сохранял мне жизнь, чтобы я продолжала его проклинять! – А теперь пусть он меня убьет!

Она выплюнула эти слова, словно умирающий фонтан последнюю струю воды.

– Если бы он сделал тебя, – сказала Мара спокойно и медленно, – ты не могла бы его даже ненавидеть. Но он не делал тебя такой. Это ты сама сотворила с собой все это, и сделала себя такой, какая ты сейчас есть. Но возрадуйся же – он может тебя переделать!

– Я не собираюсь переделываться!

– Он не станет менять тебя, он лишь вернет тебе то, что ты когда-то потеряла, и сделает тебя такой, какой ты была прежде.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы он что-то со мной делал.

– И ты не хочешь попытаться сделать правильно то, в чем прежде ты ошиблась?

– Нет, не хочу, – ответила принцесса, процеживая слова сквозь стиснутые зубы.

В доме словно проснулся ветер и дул беззвучно, не производя ни малейшего шороха, и вода стала подниматься, и ее волны не плескались и не всхлипывали. Она была холодна, но не сковывала, не парализовала. Она поднималась незаметно и бесшумно. Я не чувствовал ее, пока не заметил, что

она поднимается. Я видел, как она поднялась и закачала Лилит. Медленно вода накрыла ее, неспособную сопротивляться, и не схлынула до тех пор, пока не уложила ее на лавку. Затем она быстро стекла куда-то прочь.

Борьба мыслей, осуждающих и оправдывающих, снова началась и пробудила ярость. Душа Лилит была обнажена и открыта для всепроникающего чистого света, который так мучил ее. Она начала стонать, глубоко дышала, а затем шептала что-то, словно в надежде на собственное спасение: ее королевство разваливалось на части; оно разделилось и восстало против себя самого. Какое-то время она ликовала, словно праздновала победу над худшим из своих врагов, и плакала; тут же она корчилась словно бы в объятиях друга, которого ненавидела всей душой, и смеялась, как демон. Наконец она стала говорить о чем-то, что казалось рассказом о самой себе, на языке столь странном, и столь туманным образом, что я лишь местами смог его разобрать. Все же этот язык казался прародителем того, который я хорошо знал, а образы принадлежали тем мечтам, которые когда-то были моими, но были отвергнуты затем, чтобы никогда больше к ним не возвращаться. В этом рассказе то тут, то там попадались вещи, о которых Адам читал из той разъятой рукописи, в нем постоянно поминались существа и силы – как я подозреваю, тоже злые, – с которыми я не был знаком. Она замолчала, и снова ужас зашевелил ее волосы, они то вставали дыбом, то опадали; и с них стекал пот. Я бросил умоляющий взгляд

на Мару.

– Это, увы, не слезы раскаяния! – сказала она. – Настоящие слезы прячутся в ее глазах. Эти далеко не такие горькие и не такие хорошие. Отвращение к себе не есть сожаление. Все же это хорошо, так как это есть шаг по пути к дому, а попав в руки отца, расточитель забудет то, что прежде так ненавидел. И лишь перед отцом ему не придется отчитываться. Так будет и с ней.

Она подошла ближе и сказала:

– Ты вернешь то, что ты взяла по ошибке?

– Я ничего не брала, – ответила принцесса, выталкивая из себя слова, не обращая внимания на боль, – ибо у меня не было права брать. То, что мне хватило сил взять, подтвердило это мое право. Мара оставила ее.

Мало-помалу моя душа почувствовала в невидимой тьме что-то еще более ужасное, чем то, что до сих пор давало себя почувствовать. Чудовищное Ничто, само Отрицание всего настоящего окутало принцессу, край границы, где живое кончалось и начиналось небытие, коснулся меня, и на одно жуткое мгновение мне показалось, что я остался один на один с Абсолютной Смертью. Это было не так, будто я перестал чувствовать все, что чувствовал раньше, но я чувствовал присутствие Небытия, Принцесса рухнула с сиденья на пол с невероятно громким и горьким криком. Это была реакция Живого на присутствие Погибели.

– Ради милосердия, – вскричала она, – вырвите мне серд-

це, но пусть я останусь живой!

И лишь только прозвучали эти слова, как над ней и над нами, присматривавшими за ней, сгустилась чудесная тишина летней ночи. Страдание переполнило чашу ее жизни, и рука избавителя опустошила ее! Лилит приподняла голову и осмотрелась. Еще мгновение, и она выпрямилась с видом победителя: она выиграла битву! Она встретила своих духовных противников без страха, и они отступили и были разбиты! С ликующим криком злобного торжества, рвущимся из глотки, она вытянула над головой иссохшую руку, когда ее глаза встретили чей-то жуткий и мрачный взгляд. – На что она смотрела?

Я посмотрел и увидел: перед ней, отражаясь в небесном невидимом зеркале, стояло ее отражение, а рядом с ним фигура существа удивительно красивого. Она вздрогнула и снова беспомощно опустилась на пол. Она узнала чем, предначертал ей быть Бог, и увидела то, что она с собой сделала.

Остаток ночи она лежала совершенно недвижимо.

Когда серый рассвет показался в комнате, она встала, повернулась к Маре и сказала с гордым смирением:

– Ты победила. Дай мне уйти в пустыню, чтобы там плакать о себе.

Мара заметила, что ее смирение и не притворно, и не настоящее. Она посмотрела на принцессу и сказала:

– Что же, можешь начать и попытаться исправить то, в чем ты ошибалась.

– Я не знаю, как это сделать, – ответила Лилит с видом человека, который боится получить ответ, потому что предвидит, каким именно он будет.

– Разожми руку и отпусти то, что в ней находится. Кажется, в Лилит произошла жестокая борьба, но она оставила то, что держала в руке, при себе.

– Я не могу, – сказала она. – У меня нет больше сил. Сделай это для меня, открой ее сама.

Она протянула руку. Она больше была похожа на лапу, чем на руку. Мне показалось, что я понял, почему она не может ее разжать.

Мара даже не взглянула на нее.

– Ты должна сама это сделать, – тихо сказала она.

– Я же говорю, что не могу это сделать!

– Ты сможешь, если захочешь, конечно, не сразу, но если будешь к этому настойчиво стремиться. Ты не перестала еще хотеть делать то, что ты творила; ты еще даже не намеревалась перестать это делать!

– Осмелюсь возразить, это ты так думаешь, – вспыхнув, высокомерно возразила принцесса, – но я-то знаю, что я не могу разжать свою руку!

– Я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя, и я знаю, что ты можешь это сделать. Ты часто разжимала ее ненадолго. Без боли и неприятностей тебе ее не разжать до конца, но ты можешь ее разжать! В худшем случае ты можешь разбить руку! Я молю тебя, соберись с силами и открой ее!

– Я не собираюсь пытаться сделать невозможное! Это все равно, что играть в дурака!

– Но ты же всю жизнь в него играла! Тебя очень трудно чему-то научить!

Снова на лице принцессы появилось пренебрежительное выражение. Она повернулась спиной к Маре и сказала:

– Я знаю, зачем ты меня мучила! Ты ничего не добилась этим и не добьешься! Ты не ожидала, что я окажусь настолько сильной! Я останусь собственной хозяйкой. Я по-прежнему та, что была всегда, – королева Ада и хозяйка миров!

А затем случилась самая страшная вещь из всех. Я не знаю, что это было; я знаю, что в самом страшном сне не мог бы этого представить, и если бы это оказалось рядом со мной, я бы умер от ужаса. Теперь я понимаю, что это была Жизнь Смерти – жизнь, умершая, но продолжающая существовать, и я знаю, что Лилит прежде это видела, но только бросала мимолетный взгляд на это, но никогда не бывала прежде с этим рядом.

Она застыла, отвернувшись. Мара отошла в сторону и села у огня. Я боялся стоять один рядом с принцессой, я тоже отошел в сторону и снова сел рядом с очагом. Что-то покидало меня. Чувство холода, или того, что мы называем холодом, но не внутреннее, а снаружи, проникло и пропитало меня насквозь. Та лампада, в которой теплится жизнь и пламя вечности, казалось, потухла, и я погружался в небытие с сознанием того, что я все еще жив. К счастью, все это про-

должалось недолго, и я вернулся мыслями к Лилит.

Иногда с ней происходило нечто, о чем мы не имели представления. Мы знали, что не можем почувствовать то, что чувствовала она, но мы понимали также, что знали кое-что о тех страданиях, которые ей пришлось перенести. То, о чем она думала, конечно, оставалось при ней, это происходило не в нас, но отражение ее мучений трогало и нас и поэтому отражалось и на нас тоже; она была в другой темноте, но и мы присутствовали там, с ней там, где была и она! Мы не были во тьме внешней, мы не могли быть там с нею, мы были где-то не в том времени, пространстве, мы были совершенно в стороне. Темнота не знает ни себя, ни света, только свет знает и себя, и темноту тоже. Нет никого, кто ненавидел бы больше и понимал зло лучше, чем Бог.

Что-то покидало Лилит, и это происходило впервые за долгие годы, грешные годы, когда она каждый миг чувствовала присутствие этого нечто. Источник жизни иссякал в ней; и то, что могло выйти наружу, было лишь остатками ее сломанной и мертвой жизни.

Она стояла неколебимо. Мара спрятала голову в руках. Я смотрел на лицо существа, которое познало существование без любви – ни жизни, ни удовольствия, ничего хорошего; своими собственными глазами я видел лицо живого мертвеца! Она узнала жизнь лишь как что-то, что ведет к смерти, поэтому для нее, в ней смерть была живой. Это не значит, что жизнь просто прекратилась в ней, она сознательно

превратилась в мертвое существо. Она убила в себе жизнь и умерла – и знала это. И она должна была убивать ее снова и снова! Она не покладая рук трудилась затем, чтобы переделать себя, и не могла этого сделать! Она была мертва, но продолжала жить! Она никак не могла прекратиться! На ее лице я увидел за всеми ее страданиями то, что она боится много больше, чем может показать. Страх светился в ее глазах мертвенным светом; все светлое в ней было тьмой и светилось подобным же образом. Она стала тем, чего Бог создать не мог. Она захватила себе долю в сотворении себя самой, и то, что она сделала, разрушил Он. Она увидела теперь то, что она натворила, и увидела также, что это плохо! Она превратила себя в труп, чей гроб никогда не развалится на части и не выпустит ее на свободу. Глаза на ее лице были широко раскрыты, словно заглянули в самое сердце ужаса – и там оказалось ее собственное неразрушимое зло. Ее правая рука так и не разжалась – над воплощенным Ничем она все же осталась хозяйкой!

Но с Божьей помощью возможно все. Он может спасти даже богача!

Не меняя взгляда, даже без тени намерения сделать это, Лилит подошла к Маре. Та почувствовала ее приближение и повернулась, чтобы встретить ее.

– Я уступаю, – сказала принцесса, – я не могу больше. Я проиграла. Но все равно я не могу разжать руку.

– Ты пыталась?

– Я пытаюсь и сейчас. Изю всех сил.

– Я отведу тебя к своему отцу. Ты причинила ему зло большее, чем любому другому созданию, и поэтому он лучше, чем кто-либо другой, сможет помочь тебе.

– Но чем он может помочь мне?

– Он простит тебя.

– Ах, если бы он только мог помочь мне прекратиться! Даже это я не могу сделать! У Меня нет власти над собой, я только раба! Я поняла это. Пусть же я умру.

– Раб все же трудится ради того, чтобы однажды превратиться в сына или дочь! – ответила Мара. – Воистину, ты умрешь, но не так, как ты об этом думаешь. Ты умрешь для смерти и родишься к жизни. К той жизни, для которой ты никогда не была потеряна!

Так, словно она была матерью всего, что есть на свете, Мара обняла Лилит и поцеловала ее в лоб. Пылающее страдание ушло из глаз Лилит, и они увлажнились. Мара поднялась и отвела ее к ее кровати в углу комнаты, осторожно уложила и прикрыла ее глаза ласковыми руками.

Лилит лежала и плакала. Госпожа Печалей подошла к двери и открыла ее.

Снаружи было Утро, держащее в руках Весну. Они стояли на пороге, с чудесным ветром, запутавшимся в складках их одеяний. Он струился, тек вокруг Лилит, волнуя неизведанный, безмолвный океан ее вечной жизни, журча и струясь, пока наконец она, которая была лишь увядающим сорняком

на иссохшем песчаном побережье, ощутила себя частью океана Вечности, который теперь всегда мог вливаться в ее естество и никогда больше не отхлынет. Она ответила утреннему ветру воспрявшим живым вздохом и стала прислушиваться. Вслед за ветром пришел дождь – легкий дождь, заживляющий раны трав после жатвы; успокаивающий их боль ласковостью музыки; тех звуков, что живут на границе музыки и полной тишины. Дождь оросил пустыню вокруг дома, и сухой песок сердца Лилит услышал его и был им напоен. Когда Мара вернулась, чтобы присесть на свою кровать, ее слезы текли обильнее, чем этот дождь, и вскоре она быстро заснула.

Глава 40

ДОМ СМЕРТИ

Мать Скорби поднялась, укрыла лицо и пошла за детьми. Они спали так, словно не двигались всю ночь, но стоило ей произнести слово, как они вскочили на ноги, свежие, словно только что родившиеся на свет. Они весело ссыпались с лестницы вслед за ней, и она отвела их туда, где лежала принцесса. Она спала, но слезы все еще текли из ее глаз. Их радостные лица вытянулись и приобрели могильный оттенок. Они перевели взгляд от принцессы и посмотрели на дождь за дверью, а затем снова уставились на принцессу.

– Небо падает! – сказал один из них.

– Белый сок течет из принцессы! – воскликнул другой с благоговейным страхом.

– Это реки? – спросил Оди, глядя на маленькие ручейки, бегущие по ее впалым щекам.

– Да, – ответила Мара. – Самая прекрасная из всех рек.

– Я думал, реки бывают больше и щебечут, словно толпа Малюток, и шумят громко! – возразил он, глядя на меня, ведь только от меня он слышал что-то о реках.

– Взгляни на те реки, которые текут с небес! – сказала Мара. – Смотри, как они падают вниз затем, чтобы разбудить подземные воды! Скоро реки будут повсюду; они будут вос-

хитительными, шумными, как тысячи и тысячи счастливых детей. О, какими счастливыми они вас сделают, малыши! Вы ведь никогда не видели ни одной и не знаете, как прекрасна вода!

– Земля будет рада тому, что принцесса решила стать хорошей, – сказал Оди. – Смотри, как радуется небо!

– А реки рады принцессе? – спросила Лува. – Они не из ее сока, они же не красные!

– Они из того сока, который есть внутри того, красного, – ответила Мара.

Оди дотронулся пальцем до одного из глаз принцессы, затем поднес палец к своим глазам и тряхнул головой.

– И принцесса теперь не кусается! – сказала Лува.

– Нет; она никогда больше не будет этого делать, – ответила Мара, – но теперь нам надо отвести ее поближе к дому.

– Ее дом – это гнездо? – спросил Созо.

– Да, очень большое гнездо. Но сначала мы должны отвести ее в другое место.

– А куда?

– Это самая большая комната во всем этом мире. Но, я думаю, скоро она станет поменьше; в ней скоро будет очень много маленьких гнездышек. Идите же и устраивайтесь поудобнее.

– А кошек там нет?

– Эти гнезда так переполнены чудесными снами, что в них не поместится никакая кошка.

– Мы будем готовы через минуту, – сказал Оди и убежал прочь, и за ним последовали все, кроме Лувы.

Лилит, не просыпаясь, слушала все это с грустной улыбкой.

– Но ее реки; они бегут так быстро! – сказала Лува, которая стояла рядом с принцессой и, казалось, не могла отвести глаз от ее лица. – И ее одежда – что с ней, я даже не знаю... Она не поцарапана! Царапины не такие.

– Это ничего не значит, – ответила Мара. – Эти реки так чисты, что могут сделать весь мир чистым.

Я уснул у огня, но через некоторое время проснулся, лежал и слушал, и вот проснулся совсем.

– Пора вставать, мистер Уэйн, – сказала наша хозяйка.

– Будьте добры, скажите мне, – сказал я, – нет ли дороги, по которой можно обойти стороной каналы и норы чудовищ?

– Есть путь попроще; через русло реки, – ответила она, – но вы должны еще раз пройти по долине чудовищ.

– Я боюсь за детей, – сказал я.

– Страх никогда не подберется к ним близко, – возразила она.

Мы вышли из дома. Звери стояли и ждали у дверей. Оди уже забрался на шею одного из тех, кому предстояло везти на себе принцессу. Я сел на коня Лоны, а Мара принесла тело девочки, и я взял его на руки. Когда она снова вышла наружу с принцессой, дети вскрикнули от восхищения: Мара больше не была укутана! Заглядевшись на нее, очарованные

мальчишки забыли принять принцессу из ее рук, но слоны, нежно обвив Лилит своими хоботами, один вокруг тела, а другой вокруг коленей, с помощью Мары уложили ее себе на спины.

– Почему принцесса хочет уйти отсюда? – спросил маленький мальчик. – Ей было бы хорошо, если бы она осталась здесь!

– Она и хочет, и не хочет уйти: а мы ей помогаем, – ответила Мара. – Она здесь не сохранит в себе то хорошее, что у нее есть.

– А что вы ей помогаете сделать? – продолжил малыш.

– Я помогаю ей попасть туда, где ей помогут лучше и больше – ей помогут разжать ее руку, которую она не открывала тысячи лет.

– Так долго? Тогда она должна была научиться обходиться без нее. Зачем ей теперь ее открывать?

– Она держит в ней то, что ей не принадлежит.

– Пожалуйста, леди Мара, нельзя ли нам взять немного вашего черствого хлеба в дорогу? – сказала Лува.

Мара улыбнулась и принесла им четыре хлеба и огромный кувшин воды.

– Мы будем есть его в пути, – сказали дети. Но воду они сразу выпили с удовольствием.

– Я думаю, это сок для слонов, – заметил один из них. – Он делает меня таким сильным!

Мы отправились в путь, и Госпожа Скорби пошла с на-

ми, и была она прекраснее, чем солнце, а за ней шла белая леопардиха. Я думал, что Мара собирается только проводить нас до тропинки через каналы, но вскоре обнаружил, что она всю дорогу собирается пройти с нами. И тогда я спешился, чтобы она могла ехать верхом, но она не послушала меня и шла рядом.

– Мне ведь нечего нести, – сказала она. – Я пойду с детьми.

Это было прекраснейшее утро; солнце ярко светило, дул чудесный ветер, но и то и другое не делало пустыню более уютной, так как там не было воды.

Мы с легкостью пересекли каналы, дети всю дорогу увиделись вокруг Мары; но до захода солнца мы так и не успели добраться до гребня горы над грязной норой. Затем я заставил детей забраться на слонов, так как до восхода луны было еще далеко, и я не мог сдержать некоторой тревоги за них.

Госпожа Печали возглавила процессию с моей стороны; слоны шли за ней – двое в центре несли принцессу; леопардиха шла сзади. И лишь только мы достигли границы долины страха, выглянула Луна и осветила низменность, которая тихо и спокойно лежала перед нами. Мара ступила туда первой. Ни одним движением не ответила долина ни ее шагам, ни шуму копыт моего коня. Но стоило ступить на эту землю слонам, которые несли на себе принцессу, как земля, только что казавшаяся твердой, забурилась и заволновалась, и появился целый выводок тварей адского гнезда. Чудови-

ща поднимались со всех сторон, и каждое из них вытягивало шею; они тянулись клювами и когтями, разверзали пасти. Их длинноклювые головы, ужасные челюсти, бесчисленные узловатые щупальца тянулись вслед Лилит. Она лежала в агонии, или была парализована страхом, и не смела хотя бы шевельнуть пальцем. Я сомневаюсь в том, что эти ужасные твари когда-либо видели детей, но ни одна из них, конечно, не попыталась дотронуться до ребенка; ни один из омерзительных членов этой компании не сунулся, чтобы проникнуть сквозь строй маленьких телохранителей принцессы, чтобы добраться до нее.

– Малютки! – крикнул я. – Держите своих слонов поближе к принцессе. Не бойтесь, они не дотронутся до вас!

– Что дотронется до нас? Мы не понимаем, чего нам нужно не бояться! – ответили они; и я понял, что они даже не подозревают ничего о тех выродках, которые роятся вокруг них.

– Тогда не обращайтесь внимания, – ответил я, – только держитесь поближе.

Их защищало то, что они не видели! Они были не в состоянии увидеть, и это служило им защитой. То, чего они ни при каких обстоятельствах не могли испугаться, не могло нанести им какой-либо ущерб.

Но я-то посмотрелся той ночью на чудищ! Мара на несколько шагов опережала меня, когда между нами оказалась и бросилась на тропинку между нами бесплотная голова

без тела. Леопардиха, шипя, кинулась на нее откуда-то сзади, между слонами, и схватила было эту голову, но та, корча жуткие рожи и испуская тошнотворные вопли, быстро вывернулась, вырвалась и зарылась в землю. На руках я держал мертвую девочку, и она берегла меня от страха; я безразлично рассматривал чудовищ. Должен сказать, однако, что мало где еще можно увидеть столько омерзительных тварей сразу!

Мара по-прежнему ехала впереди меня, а леопардиха теперь шла за ней по пятам, мелко дрожа, потому что было очень холодно, когда внезапно земля впереди и слева от меня стала вспучиваться, и низкая подземная волна подкралась к нам. Она росла выше и подкрадывалась ближе, оттуда вывернулась жуткая голова с какими-то сверкающими трубками вместо волос и раскрыла огромный овальный рот, пытается добраться до меня. Леопардиха бросилась на нее, но голова отступила перед ней и исчезла.

Почти прямо под нашими ногами выросла другая голова – огромной змеи со светящимися, переливающимися зрачками в глазах. Снова леопардиха пошла в атаку, и снова ничего не обнаружила. На третье чудовище она кинулась уже в ярости – и снова зря, после чего продолжила путь с угрюмым видом, перестав обращать внимание на разнuzданных призраков. Но я сознавал, что они опасны, и спешил пересечь низменность побыстрее, тем более, что Луна вела себя странно. Она только-только взошла, а уже казалось, что вскоре сядет, просто сделав неудачную попытку, и все же я

пока еще видел ее заходящую спину во всю ширь. Дуга, по которой заходила Луна, была очень пологой; и вот она стала быстро закатываться.

Мы почти уже выбрались из долины, когда между нами и ее границей поднялась длинная шея, наверху которой, как бутон какой-то адской лилии, торчало нечто, что казалось головой трупа; рот, полный собачьих зубов, был полуоткрыт. Я ехал прямо на него; он отступил, но затем вытянулся вновь. Госпожа уже ступила на твердую землю, но леопардиха, которая была между нами, снова обернулась и вцепилась в глотку чудовища. Я остался там, где был, чтобы присмотреть за слонами, которые с принцессой и детьми выбрались на берег целыми и невредимыми. Затем я повернулся, чтобы посмотреть на леопардиху. И в этот миг Луна села. Мгновение еще я видел, как змея и леопардиха сражались в облаке пыли, а затем темнота скрыла их. Вздвогнув страха, мой конь обернулся и в три прыжка догнал слонов.

Когда мы поравнялись с ними, что-то, похожее на бесформенное желе, укрыло принцессу, и тут же сверху сел белый голубь, вонзая в это нечто свой клюв. Я услышал хлюпающий всасывающий звук и слез с коня. Затем я услышал женский голос; кто-то говорил с Марой, и я узнал этот голос.

– Я боюсь, она умерла, – сказала Мара.

– Я пошлю за ней, и ее найдут, – ответила Мать. – Но почему, Мара, ты до сих пор боишься за нее или за кого-то вообще? Ей не будет вреда от того, что она умерла, делая то

дело, которое должна была сделать.

– Мне будет жаль потерять ее, она была хорошей и мудрой. Все же я не хотела бы пользоваться ее жизнью дольше, чем ей отпущено.

– Она ушла, сражаясь с нечестивым, и воскреснет с праведными. Мы очень скоро увидим ее снова.

– Мать людей, – сказал я, хотя все еще не видел ее, – мы пришли к тебе, и нас много, но большинство из нас – Малютки. Примешь ли ты нас всех?

– Вы все – желанные гости, – ответила она, – рано или поздно все будут, как дети, так как все отдохнут в моем доме! Блажен тот, кто уснет юным и по своей воле. Мой муж как раз сейчас готовит ложе для Лилит. Она и не молода, и оказалась здесь не совсем по своей воле, но то, что она все же пришла, действительно хорошо.

Больше я ничего не слышал. Мать и дочь вместе ушли в темноту. Но где-то вдаль мы увидели огонек и направились к нему через верески.

Адам стоял в дверях, держал свечу, чтобы проводить нас, и разговаривал со своей женой, которая внутри дома принесла и положила на стол хлеб и вино.

– Счастливые дети! – услышал я ее голос. – Ведь за ними постоянно присматривала моя дочь! Воистину, это же величайшее счастье на свете!

Когда мы добрались до двери, Адам почти весело пригласил нас войти. Он поставил свечу у входа и, подойдя к

слонам, взял принцессу на руки, чтобы внести ее внутрь, но она оттолкнула его, а затем, растолкав и своих слонов, встала между ними, выпрямившись во весь рост. Звери отошли от нее в сторону и оставили ее с ним, кто был ее мужем, устыдившись, несомненно, этой ее мрачной непристойности и непокорности. Он стоял, и в его глазах радушие просвечивало сквозь строгость.

– Мы долго ждали тебя, Лилит! – сказал он. Она ничего не ответила ему. Ева и ее дочь подошли к двери.

– Злейший враг моих детей, – прошептала Ева, светящаяся собственной красотой.

– Твоим детям нечего больше ее бояться, – сказала Мара, – она отвернулась от зла.

– Не спеши ей верить, Мара, – ответила Мать, – она обманула множество людей.

– Но ведь ты же откроешь ей зеркало Закона Освобождения, и она сможет войти внутрь и переждать там! Она согласилась разжать свою руку и вернуть то, что в ней держит: неужели Великий Отец не даст ей наследовать ничего из того, что наследуют другие его дети?

– Я не знаю его! – прошептала Лилит, и в голосе ее были страх и сомнение.

– Поэтому ты и выглядишь так жалко! – сказал Адам.

– Я вернусь туда, откуда пришла! – крикнула она и отвернулась, заламывая руки, чтобы уйти.

– Это как раз то, что я хотел для тебя сделать, как раз

то место, куда я хотел тебя вернуть – к Нему, от которого ты пришла! Разве и ты не взывала к нему из глубины своих страданий?

– Я взывала затем, чтобы умереть; чтобы избавиться от Него и от тебя!

– Смерть уже здесь и ждет тебя, чтобы отвести тебя к Нему. Ты же знаешь, что ни живое, ни мертвое не задерживается в гостях у Смерти. Одно способствует другому. Я мертв, но увижу твою смерть потому, что я живой и люблю тебя. Тебя тяготит что-то и ты устала; тебе не стыдно так выглядеть? Не принесла ли тебе в конце концов та жизнь, которую ты испортила, только злое? Ты и дальше собираешься жить в вечном позоре? Не стоит ли прекратить все это, вернуться и, наконец, начать жить?

Она молча стояла, склонив голову.

– Отец, – сказала Мара, – возьми ее на руки и отнеси ее на ложе. Там она откроет то, что у нее в руке, и умрет, чтобы вернуться к жизни.

– Я пойду, – сказала принцесса.

Адам повернулся и пошел вперед, указывая дорогу. Запинаясь, принцесса последовала за ним в дом.

Тогда Ева подошла ко мне, туда, где я сидел, держа на руках и прижимая к груди Лону. Она протянула руки и взяла ее у меня, а затем внесла в дом. Я слез с коня, вслед за мной спустились со слонов дети. Конь и слоны дрожали; Мара хлопала их всех, и они улеглись на землю и заснули. Она от-

вела нас в дом и дала Малюткам отведать хлеба и вина, что стояли на столе. Адам и Лилит стояли там же, вместе, но оба молчали.

Ева вернулась из палаты смерти, куда уложила Лону, и предложила хлеб и вино принцессе.

– Твоя красота убивает меня! Я хочу умереть, а не пообедать! – сказала Лилит и отвернулась от нее.

– Эта еда поможет тебе умереть, – ответила Ева. Но Лилит даже не прикоснулась к пище.

– Если ты не будешь ни есть, ни пить, Лилит, – сказал Адам, – пойдем, я покажу тебе то место, где ты упокоишься с миром.

Он вошел в дверь, которая вела в палату смерти, и принцесса покорно отправилась вслед за ним. Но лишь только она переступила порог, как тут же отдернула ногу и прижала руку к боку, отшатнувшись от вечного холода.

Бешеный порыв ветра, ревя, пронесся над кровлей, и со стоном растаял вдали. Она стояла, побледнев от ужаса.

– Это он! – беззвучно зашевелились впалые щеки: я уловил их слабое движение.

– Кто, принцесса? – шепнул я.

– Великая Тень, – так же тихо ответила она.

– Сюда он войти не может, – сказал Адам, – здесь он никому не причинит вреда. Та власть, что дана мне, по-прежнему и над ним тоже.

– В доме ли дети? – спросила Лилит, и, стоило ей произ-

нести эти слова, как в сердце Евы проснулась любовь к ней.

– Он никогда не осмелится задеть детей, – сказала она. – И ты теперь больше никогда не причинишь зла хотя бы одному ребенку. Свою собственную дочь ты все же отправила ко сну, чудеснейшему из всех, потому что она была уже долгое время мертва – с тех пор, как ты отвернулась от нее. И теперь пусть Смерть загладит то, что ты тогда сделала; и вы уснете вместе.

– Жена, – сказал Адам, – давай прежде уложим спать детей, чтобы она могла увидеть, что они в безопасности.

И он вернулся назад, чтобы позвать их. И только он вышел, принцесса встала на колени перед Евой и сказала:

– Прекрасная Ева, уговори своего мужа, пусть он не убивает меня: тебя он послушает! Я, конечно же, не смогу разжать руку!

– Ты не сможешь умереть, если не сделаешь этого. Если тебя убить, пользы тебе от этого не будет, – ответила Ева. – Но, конечно же, он не будет этого делать! Никто бы не смог тебя убить, кроме Тени; а те, кого он убивает, никогда не знают, что они мертвы, и продолжают жить затем, чтобы выполнять его волю, хотя думают, что это их собственные дела.

– Тогда покажи мне мою могилу, я так устала, что не могу жить больше. Я должна была уже уйти к Тени, и до сих пор никак не могу!

Она все еще не понимала, не могла понять!

Она изо всех сил попыталась подняться, но упала к ногам

Евы. Мать всех живущих подняла ее и внесла внутрь.

Я последовал за Адамом, Марой и детьми в палату смерти. Мы пропустили вперед Еву, которая держала Лилит на руках, и вошли вслед за ними.

– Ты не отправишься к Тени, – услышал я голос Евы, когда мы шли за ними, – я до сих пор имею власть над ним.

Тусклый отсвет слабого огонька свечи, которую нес Адам, играл на лицах спящих, а когда он проходил мимо, темнота вновь укрывала их. Даже сам воздух казался мертвым – может быть, оттого, что никто из спящих не дышал им. Глубочайший сон окутывал это просторное помещение. Казалось, с тех пор, как я в последний раз побывал здесь, никто еще не просыпался, так как все, кого я видел в прошлый раз, по-прежнему находились на своих местах. Мой отец был таким же, как тогда, когда я его оставил, за исключением того, что теперь он казался несколько более приблизившимся к совершенному покою. Женщина за ним казалась помолодевшей.

Темнота, холод, тишина, спокойный воздух и прекрасные лица спящих наполнили сердца детей покоем, однако их языки вполне сохранили способность говорить – но говорили они приглушенными, низкими голосами.

– Вот любопытная спальня! – сказал один из них. – Я предпочел бы оказаться в своем гнезде!

– Здесь так холодно! – сказал другой.

– Да, это так, – ответил наш хозяин, – но вам не будет холодно, когда вы будете спать.

– А где наши гнезда? – спросили они разом, оглядываясь и не находя себе незанятых кроватей.

– Найдите себе места сами и ложитесь там, где вам захочется, – ответил Адам.

И тут же они рассеялись, бесстрашно покинув пятно света, но мы все еще слышали их тонкие голоса; очевидно, они могли видеть там, где я уже не мог.

– О! – воскликнул один из них. – Здесь лежит такая красивая леди! Можно мне лечь спать рядом с ней? Я буду спать спокойно и не разбужу ее.

– Конечно, устраивайся там, если хочешь, – ответил голос Евы; она была позади нас. Мы подошли к кровати, на которой как раз располагался малыш; он медленно и осторожно забирался под покрывало. Он лег так, чтобы видеть леди, посмотрел на нас снизу вверх, и, как только его веки сомкнулись, заснул.

Мы прошли чуть дальше и обнаружили еще одного малыша, который карабкался на ложе, на котором спала женщина.

– Мама, мама! – кричал он, опустившись перед ней на колени, стоя лицом к лицу с ней. – Она такая холодная, и не может говорить со мной, – сказал он, глядя на нас, – но я скоро согрею ее!

Он лег рядом, прижался к ней и обнял ее своей маленькой ручкой. В следующий миг он тоже заснул, улыбаясь так, как улыбаются совершенно счастливые люди.

Мы подошли к третьему малышу; это была Лува. Она сто-

яла на цыпочках, склонившись над краем кровати.

– Моя мама не может помочь мне, – тихо сказала она, – а ты сможешь?

Не получив ответа, она подняла глаза и посмотрела на Еву. Великая мать всех живущих подняла девочку на кровать, и та оказалась, наконец, под белоснежным покрывалом.

К тому времени каждый из Малюток, кроме трех мальчиков, нашел себе безответную подругу и лежал, бледный и спокойный, рядом с бледной и спокойной женщиной. Маленькие сироты обрели матерей! Одна крошка выбрала себе папу и уснула рядом с ним, и это был мой отец. Мальчик лежал рядом с прекрасной матерью семейства с медленно заживающими руками. Посередине, на до тех пор не занятой кровати, лежала Лона.

Ева усадила Лилит рядом с ней. Адам дотронулся до свободной кровати, которая стояла справа от Лоны, и сказал:

– Вот, Лилит, то ложе, что я приготовил тебе.

Она посмотрела на дочь, которая лежала перед ней, словно статуя, вырезанная из полупрозрачного алебастра, и задрожала с головы до ног.

– Как здесь холодно! – прошептала она.

– Скоро этот холод станет тебе приятен, – отозвался Адам.

– Обещай мне, что я умру легко! – сказала она.

– Я знаю, что это легко! Я тоже засыпал. Я же уже умирал.

– Я верю, что ты умер давным-давно, но я же вижу, что ты жив!

– Даже более живой, чем ты можешь себе представить. Я был еще недостаточно живым, когда ты меня впервые увидела. А теперь я уже спал и проснулся, умер и по-настоящему ожил.

– Я боюсь, что это дитя, – сказала она, дотрагиваясь до Лоны, – проснувшись, испугается меня.

– Даже во сне она любит тебя.

– Но как же Тень? – простонала она. – Я боюсь Тени! Он разгневется на меня!

– Лишь только увидев его, небесные кони бесстрашно поднимутся и встанут на дыбы, чтобы он не мог нарушить сон никого в этой тихой спальне!

– Выходит, я тоже буду спать?

– Ты уснешь.

– И что мне будет сниться?

– Это я не могу тебе сказать, но ни в один из этих снов он не сможет войти. Когда Тень придет сюда, он тоже ляжет и уснет. Придет и его час, и он это знает.

– Как долго я буду спать?

– Ты и он проснетесь последними, когда наступит утро вселенной.

Принцесса легла, натянула на себя покрывало, вытянулась и лежала спокойно, с открытыми глазами.

Адам повернулся к своей дочери. Та лежала рядом.

– Лилит, – сказала Мара, – ты можешь пролежать вот так тысячи лет, но не сможешь заснуть до тех пор, пока не от-

кроешь свою руку и не отдашь то, что тебе не дарили, а ты утаила.

– Я не могу, – ответила она, – Я бы это сделала, если бы могла, и даже была бы рада это сделать, потому что я устала, и смертные тени собираются вокруг меня.

– Их будет больше и больше, но они не окутают тебя до тех пор, пока твоя рука не разожмется до конца. Ты можешь думать, что ты уже умерла, но это будет только сон, ты будешь думать, что уже проснулась, но и это тоже будет лишь сон. Раскрой свою руку, и ты уснешь по-настоящему.

– Я стараюсь изо всех сил, но пальцы срослись вместе и вросли в ладонь.

– Я молю тебя, собери всю свою волю. Во имя любви к жизни, собери все свои силы и разорви эти узы!

– Я боролась. Все напрасно, я не могу больше ничего сделать. Я очень устала, и мои веки тяжелеют.

– Как только ты откроешь свою руку, ты тут же уснешь. Открой ее, и все кончится.

Оттенок цвета появился на пергаментно-белом лице, скрученная рука дрожала от мучительных усилий; Мара взяла ее за руку, чтобы помочь.

– Берегись, Мара! – крикнул ее отец. – Это опасно!

Принцесса умоляюще посмотрела на Еву.

– Однажды я видела меч в руках твоего мужа, – прошептала она. – Я убежала, когда увидела его. Я слышала, как его владелец говорил, что он разделит все, что не было единым

и неделимым.

– У меня есть меч, – сказал Адам. – Ангел дал мне его, когда вышел из ворот.

– Принеси его, Адам, – попросила Лилит, – и отруби мне эту руку, чтобы я могла уснуть.

– Хорошо, я сделаю это, – ответил он.

Он отдал свечу Еве и вышел. Принцесса закрыла глаза.

Через несколько минут Адам вернулся с древним оружием в руках. Ножны выглядели так, как выглядит кожа, потемневшая от времени, но рукоятка сверкала, как золото, которое никогда не темнеет. Он вынул клинок из ножен. Он сверкнул, как бледно-голубой столб северного сияния, и этот свет заставил Лилит открыть глаза. Она увидела меч, вздрогнула и протянула свою руку. Адам взял ее. Сверкнул меч, плеснулась кровь, и он положил отрубленную руку в подол платья Мары. Лилит коротко застонала и тут же уснула. Мара завернула руку в холстину.

– Вы разве не перевяжете рану? – спросил я.

– Раны, которые наносит этот меч, – ответил Адам, – нет нужды перевязывать. Они исцеляются сами и не болят.

– Бедная леди! – сказал я. – Она проснется без одной руки!

– Там, где исправляются все уродства мертвого, – ответила Мара, – у нее уже выросла новая, прекрасная, настоящая рука.

Мы услышали сзади детский голос и снова повернулись.

Свеча в руке Евы осветила лицо спящей Лилит и бодрые личики трех Малюток, собравшихся на другой стороне ее ложа.

– Какой она стала красивой! – сказал один из них.

– Бедная принцесса! – сказал второй. – Я лягу спать с ней.

Она больше не будет кусаться!

И пока он это говорил, он успел забраться в кровать и тут же уснул. Ева укрыла его покрывалом.

– А я лягу с другой стороны! – сказал третий. – Когда она проснется, она сможет поцеловать двоих!

– А я остался один! – мрачно сказал первый.

– Я уложу тебя, – сказала Ева.

Она передала свечу мужу и увела малыша. Мы снова повернулись, чтобы вернуться в дом. Я был очень расстроен тем, что никто не предложил мне места в доме смерти. Ева присоединилась к нам и шла теперь впереди, рядом со своим мужем.

Мара шла рядом со мной и несла руку Лилит, завернутую в подол платья.

– Ах, вы нашли ее! – услышали мы голос Евы, как только вошли в дом.

Дверь была открыта, сквозь нее из темноты протянулись два слоновьих хобота.

– Я дала им фонарь и послала поискать леопардиху Мары, – сказала она мужу, – и они принесли ее.

Я последовал за Адамом к двери, мы приняли у слонов белое создание и отнесли его в палату, что только что оста-

вили. Женщины шли впереди, Ева несла огонь, а Мара по-прежнему руку Лилит. Здесь мы положили красавицу-зверя у ног принцессы, ее передние лапы раскинулись, и голова улеглась между ними.

Глава 41

Я ДОЛЖЕН ИДТИ

Затем я повернулся и сказал Еве:

– Мать всех живущих, одна из кроватей рядом с Лоной свободна; я знаю, что я недостойн занять ее, но не мог бы я не спать, а лишь провести ночь в вашей палате смерти, рядом с той мертвой, что так дорога мне? Не простите ли мне самоуверенность и трусость и не позволите ли мне войти туда? Я откажусь от себя. Я пресытился собой и был бы донельзя рад, если бы мог спать и спать, и спать!..

– То ложе рядом с Лоной как раз и приготовлено для вас, – ответила она, – но кое-что еще нужно сделать перед тем, как вы уснете.

– Я готов, – ответил я.

– Но откуда вы знаете, что сможете это сделать? – улыбнулась она.

– Ведь это вы мне приказываете, – ответил я. – Так что я должен сделать?

– Он прощен, о, муж мой?

– От всего сердца я прощаю его.

– Тогда скажи ему, что он должен сделать.

Адам повернулся к своей дочери.

– Дай мне эту руку, дитя мое.

Она протянула ему руку Лилит, завернутую в холст. Он осторожно взял ее.

– Давайте вернемся в дом, – сказал он мне, – там я вам все расскажу.

Пока мы шли, опять поднялся ветер, пронесся штормовой порыв, прогрохотал кровлей, но стих, как прежний, с шумным стоном.

Когда дверь палаты смерти закрылась за нами, Адам сел, а я остался стоять перед ним.

– Помните, – сказал он, – как, покинув дом моей дочери, вы подошли к скале, высушенная ветрами поверхность которой охранила на себе следы древнего водопада; вы забрались на эту скалу и оттуда увидели песчаную пустыню. Ступайте туда сейчас, к этой скале, и с ее вершины спуститесь вниз, в эту пустыню. Но не нужно проходить слишком много шагов вглубь – вам нужно будет лечь на землю и прислушаться, прижавшись головой к песку. Если вы услышите внизу шум воды, пройдите чуть дальше и снова прислушайтесь. Если звук бегущей воды будет все еще слышен, продолжайте двигаться в этом же направлении. Каждые несколько ярдов вам надо останавливаться и прислушиваться. Если хоть раз вы не услышите шума воды, это будет значить, что вы потеряли дорогу, и вам необходимо поискать и прислушаться во всех направлениях до тех пор, пока вы не услышите его снова: Если вы будете придерживаться правильного направления и будете осторожны затем, чтобы не вернуться случайно по соб-

ственным следам, то вскоре шум станет более громким, и, следуя за все усиливающимся звуком, вы дойдете до места, где его будет слышно громче всего; это и есть то место, что вам необходимо найти. Вы будете там копать лопатой, которую я вам дам, и будете рыть до тех пор, пока не появится влага. Положите туда руку, и укройте ее песком до уровня пустыни, а затем возвращайтесь домой. Но будьте очень внимательны и несите руку осторожно. Никогда не кладите ее на землю, каким бы безопасным не казалось место, не дотрагивайтесь до нее, не сворачивайте в сторону, несмотря ни на что, не оглядывайтесь назад, ни с кем не говорите и продолжайте идти прямо. Там все еще темно, и до утра далеко, но вам надо выйти немедленно.

Он отдал мне руку и принес лопату.

– Это моя садовая лопата, – сказал он, – многому прекрасному она помогла подняться к солнцу.

Я взял ее и ушел в ночь.

Ночь была дегтярно-черной и очень холодной. Я боялся споткнуться и упасть, а путь, который мне предстояло пройти, был бы нелегким даже при солнечном свете! Но я зря волновался – стоило мне отправиться в путь, как я заметил, что упасть у меня шансов мало. Бледный свет исходил от земли и показывал мне, куда поставить ногу, чтобы сделать следующий шаг. Через верески и низкие скалы я прошел, не споткнувшись ни разу.

Долина чудовищ оказалась вполне спокойной; ни одна го-

лова не появилась снизу, ни одной волны не прошло под землей, когда я перебирался через нее.

Вышла Луна и указала мне правильный и самый простой путь. К утру я уже почти перебрался через пересохшие каналы в первом рукаве речного русла и, как полагал, был уже недалеко от дома Мары.

Луна стояла очень низко; а солнце еще не взошло, когда я увидел прямо перед собой на тропинке, которая в этом месте сужалась и проходила между двумя скалами, фигуру, укутанную с ног до головы словно покрывалом из лунного тумана. Я продолжал свой путь так, словно ничего не заметил. Фигура отбросила свое покрывало в сторону.

– Неужели вы меня совсем забыли? – сказала принцесса (или то, что казалось ею).

Я даже не сомневался, что отвечать не надо; я и не ответил и продолжал свой путь.

– Вы думаете, что оставили меня в том ужасном склепе? Неужели вы все еще не поняли, что я могу быть там, где мне заблагорассудится? Возьмите меня за руку – я такая же живая, как и вы!

Я чуть было не сказал: «Дайте мне вашу левую руку», – но остановил себя и, сохраняя спокойствие, продолжал двигаться вперед.

– Отдайте мне мою руку, – вдруг взвизгнула она, – или я разорву вас на куски: вы в моей власти!

Она бросилась на меня, я вздрогнул, но не споткнулся.

Ничто не дотронулось до меня, и я больше не видел ее.

Размеренными шагами по тропинке на меня шла колонна вооруженных людей. Я прошел сквозь них – так и не разобрав, где настоящая дорога, а где те бестелесные существа. Но они повернулись и последовали за мной; я чувствовал и слышал их шаги своими пятками, но не бросил назад ни одного взгляда, и звук их шагов и лязгание оружия растаяли где-то вдали.

Еще чуть дальше зашедшая уже за линию горизонта Луна оставила кусок дороги в полной темноте, и я рассмотрел в том месте, где дорожка была узкой и я никак не мог пройти мимо, женщину с закутанным лицом.

– Ах, – сказала она, – вы пришли, наконец! Я жду вас здесь уже больше часа! Вы все сделали хорошо! Вы прошли испытание. Мой отец послал меня, чтобы передать вам, что вы можете немного отдохнуть. Дайте мне вашу ношу, и преклоните голову мне на колени; я позабочусь и о ноше, и о вас, пока солнце не взойдет как следует. Я не всегда грустна, то есть грущу не о всех людях!

В ее словах был страшный соблазн, так как я очень устал. И все это казалось таким похожим на правду! Если я рабски и буквально буду соблюдать приказ и окажусь недостаточно проникательным, то мне придется пройтись ногами не по кому-то, а по Госпоже Скорби! Мое сердце замерло чуть не до обморока, а затем чуть не выпрыгнуло из груди, так сильно оно забилося.

Тем не менее моя воля закалилась настолько, что смогла справиться с сердечной мукой, и я не запнулся и продолжал шагать, прикусив язык, чтобы нечаянно не ответить. Я продолжал свой путь. Если Адам послал ее, она не будет жаловаться на то, что я был осторожен! Да и Госпожа Скорби не будет любить меня меньше, чем прежде, оттого, что ей не удалось заставить свернуть меня в сторону!

Еще до того, как я добрался до призрака, она стянула покрывало со своего лица; и впрямь, велико было ее очарование, но глаза... Это были не глаза Мары! Ни один притворщик не смог бы долго подражать ее глазам! Я шел вперед так, словно на моем пути ничего не было, и моя нога ступила на пустое место.

Я почти добрался до другой стороны, когда Тень, я думаю, это был именно он, Тень, преградил мне дорогу. У него на голове было нечто вроде шлема, но когда я подошел поближе, я понял, что этот шлем – собственно его голова; столь отдаленно она была похожа на человеческую. Холодный сквозняк ударил мне в лицо – затхлый и влажный воздух склепа; мои члены потеряли всякую устойчивость, а мои конечности задрожали так, словно, собирались свалиться в одну беспомощную кучу. Мне показалось тогда, что я прошел сквозь него, но теперь мне кажется, что это он прошел сквозь меня – на мгновение я почувствовал себя проклятым. А затем меня коснулся мягкий, словно первое дыхание весны, ветерок, и я увидел, что настал рассвет.

Дорога привела меня к дверям дома Мары. Двери были открыты настежь, и на столе я заметил ломоть хлеба и кувшин воды. Никто не выл и не кричал ни в доме, ни вокруг него.

Я подошел к пропасти, по которой когда-то текла высохшая река. Я забрался вверх по испещренной следами потока поверхности скалы и продолжил свой путь в пустыне. И там, наконец, после многих ошибок, когда я прислушивался и возвращался обратно, я нашел то место, где подземные воды были самыми шумными, повесил руку Лилит себе на шею и начал копать. Это был нелегкий труд – мне пришлось вырыть большую дыру из-за того, что песок все время осыпался; но, наконец, я вытащил наверх лопату сырого песка. Я отбросил инструмент могильщика на край ямы и уложил на дно руку. Небольшой ручеек уже сочился между ее пальцами. Я выбрался из ямы и поторопился закончить дело и засыпать могилу песком до уровня окружающей ее пустыни. Затем, безмерно уставший, я опустился рядом на песок и заснул.

Глава 42

Я ЗАСЫПАЮ

Когда я проснулся, земля вокруг меня была влажной, и мои собственные следы, которые вели к могиле, превратились в лужицы. В своем старом русле набухала река, и уже слышен был плеск воды. Скоро она ринется вниз, заревет в пропасти и, разделившись в своем падении, одним из шумных потоков оросит фруктовую долину, другим, быть может, затопит долину чудовищ, а между ними Злой Лес будет островом. Я тотчас же отправился в путь, чтобы вернуться к тем, кто отправил меня сюда.

Когда я подошел к пропасти, то выбрал путь между рукавами реки, так как, выбрав этот путь, я должен был пройти мимо дома Мары. Я надеялся на то, что она вернется; и хотел увидеть ее еще раз перед тем, как усну, и теперь я знал, где следует перейти потоки, если вдруг река опередит меня и заполнит их водой. Но когда я добрался до дома, то увидел, что дверь по-прежнему открыта, на столе по-прежнему лежит хлеб и стоит кувшин с водой, и глубокая тишина окутывает все и внутри, и снаружи дома. Я остановился и громко позвал – но не получил ответа и продолжил свой путь.

Чуть дальше я увидел седого человека, который сидел на песке и плакал.

– Что тревожит вас, сэр? – спросил я. – Кто-то покинул вас?

– Я плачу, – ответил тот, – оттого, что они не дали мне умереть. Я был в Доме Смерти, и его хозяйка, несмотря на мой возраст, отказала мне. Умоляю вас, сэр, если вы знакомы с ней, замолвите за меня словечко.

– Нет, сэр, – ответил я, – я не могу этого сделать; ибо она не отказывает никому из тех, кому это не запрещено.

– Откуда вы это знаете? Вы же никогда не искали смерти! Вы еще слишком молоды, чтобы ее жаждать!

– Я боюсь, ваши слова могут значить то, что, если вам придется снова стать молодым, то вы перестанете ее жаждать.

– Конечно, молодой человек, я не стану! И уверен, что и вы – тоже.

– Я, может быть, недостаточно стар для того, чтобы желать смерти, но я достаточно молод для того, чтобы хотеть стать живым по-настоящему! Поэтому я иду затем, чтобы понять, если мне позволят это сделать, как войти в Дом Смерти. Вы хотите умереть оттого, что вас не волнует больше ваша жизнь, и она не откроет вам дверь, потому что не может умереть то, что не живет.

– Нехорошо смеяться над старым человеком. Я умоляю вас, перестаньте говорить загадками!

– А не говорила ли вам Мать всех живущих чего-нибудь в этом же роде?

– Это правда, я помню, она что-то такое говорила, но я не

очень-то обращал внимание на ее оправдания.

– А! Ну, тогда, сэр, – ответил я, – вы и впрямь еще не готовы к тому, чтобы умереть, и я искренне вам сочувствую. Так говорил и я, но говорил это Госпоже Скорби. Конечно, я молод, но пролил немало слез, и поэтому я осмелюсь предложить следующее: ступайте к Госпоже Скорби и примите от всего сердца то, что она даст вам. Ее дом вон там. Хозяйки там сейчас нет, но дверь открыта и на столе лежит хлеб и стоит кувшин с водой. Войдите в дом, выпейте воды, поешьте хлеба и ждите, пока она появится. А затем попросите у нее совета, потому что у нее чистое сердце и мудрость ее велика.

Он снова заплакал, и я так и оставил его проливающим потоки слез. Боюсь, он не обратил внимания на то, что я сказал. Но Мара найдет его непременно!

Солнце уже село, а Луна еще не взошла, когда я добрался до обиталища чудовищ, но там было спокойно, и, пока я пробирался через долину, ни один камень не шелохнулся. А затем я услышал за спиной шум многих вод и страшные вопли, но не обернулся.

Еще до того, как я добрался до Дома Смерти, холод стал более колючим, а темнота – плотнее; и этот холод и эта тьма слились воедино и пробирали меня до костей. Но меня вела свеча в руках Евы, которая светилась в окне и спасла мое сердце и от мрака и от мороза.

Дверь была открыта, и дом был пуст, и я вошел и сел, и был безутешен.

И когда я сел, такое чувство одиночества одолело меня, какого я никогда не испытывал во время своих странствий. Рядом были тысячи, никого не было со мной! Воистину, это я был мертв, а не они; но то ли из-за того, что они были живы, то ли оттого, что я был мертв – мы не могли быть вместе! Они были живы, но я был недостаточно мертв для того, чтобы понять, насколько они живы. Они в лучшем случае слишком далеки от меня, и у меня нет помощника, который уложил бы меня рядом с ними!

Никогда прежде я не знал и даже не мог представить такого отчаяния! Напрасно я пытался себя утешить, говоря, что мне только кажется, что я одинок – они спят, а я – нет; и только-то! Всего-то они и отличаются от меня тем, что спокойно лежат и не разговаривают! Они со мной сейчас, и скоро, очень скоро, я буду – с ними!

Я уронил старую лопату Адама, глухой звук ее падения на глиняный пол, казалось, отразился по ту сторону Палаты Смерти, и детский страх обуял меня; я сел и уставился на дверь-крышку гроба. Ведь Отец Адам, Мать Ева и Сестра Мара вскоре придут ко мне, и тогда – пожалуйста в ледяной мир к бледным соседям! Но скоро я забыл свои страхи, немного ожил и возлюбил свою смерть.

Что-то двигалось в Палате Смерти! Откуда-то из ее глубины пришел слабый, отдаленный звук, что-то такое, что даже не показалось мне звуком. Моя душа переселилась в мои уши. Может быть, это просто дрожь мертвого воздуха, слыш-

ком слабая, чтобы ее можно было услышать, но тревожащая все струны духовного зрения? Я знал это, не слыша, даже не чувствуя!

Что-то приближалось! Ближе и ближе! В бездне моего отчаяния появилась ребяческая надежда. Бесшумное нечто приблизилось к двери, и появился звук – и ударил по ушам.

Дверь стала двигаться, скрипя своими петлями. Она открывалась!

Я перестал прислушиваться и стал ждать, что будет дальше. Она немного приоткрылась, и в дверном проеме появилось детское лицо.

Это была Лона. Ее глаза были закрыты, но ее лицо было напротив моего и, казалось, она меня видит. Она была бледна, как Ева, как Мара, но она не светилась так же, как они. Она сказала голосом, который напоминал шум сонного ветра в траве:

– Ты пришел, Король? – произнес этот голос. – Я не могу отдохнуть, пока тебя нет рядом, я все плыву по реке к великому морю, к прекрасной стране, где живут сны. Спать так хорошо, там столько чудесного. Пойдем, посмотри сам.

– Ах, дорогая моя! – воскликнул я. – Если бы я только знал! Я ведь думал, что ты умерла!

Она уткнулась мне в грудь – холодная, как лед, ледяная, как мрамор. Она обняла меня слабыми и такими бледными руками и попросила:

– Отведи меня назад, в мою кровать, Король! Я хочу спать.

Я повел ее в Палату Смерти, крепко прижимая ее к себе, чтобы она не выскользнула из моих рук. Не беспокоясь больше за то, что было вокруг меня, я отвел ее прямо к ее кровати.

– Уложи меня, – попросила она, – и укрой от теплого воздуха – мне немного больно из-за него. Твоя кровать – рядом, следующая за моей. Я увижу тебя, когда проснусь.

Она уже спала. Я опустился на кровать, счастливый так, как никогда не был счастлив мужчина, даже накануне собственной свадьбы.

«Приди же, благословенный холод, – сказал я, – и успокой скорее мое сердце!»

Но вместо этого где-то в глубине Палаты Смерти замерцал огонек, и появился Адам. У него не было свечи, и все же я его видел. Он стоял за кроватью Лоны и смотрел на нее с вопросительной улыбкой, а затем через нее посмотрел на меня и приветствовал.

– Мы поднялись на вершину холма, чтобы послушать, как шумят, наступая, воды, – сказал он. – Сегодня они придут в долину чудовищ. Но почему вы не дождались нашего возвращения?

– Мое дитя не могло заснуть, – ответил я.

– Она быстро заснула! – возразил он.

– Да, теперь! – сказал я. – Но она не спала, когда я укладывал ее.

– Она спала все время! – настаивал он. – Может быть, она

думала о вас и пришла за вами?

– Да, так и было.

– И вы не заметили, что ее глаза были закрыты?

– Теперь я вспомнил, да, они были закрыты!

– Если бы вы посмотрели на кровать прежде, чем уложить ее туда, вы бы заметили, что она уже там и спит.

– Это было бы ужасно!

– Нет. Вы бы только заметили, что у вас в руках ее больше нет.

– Это было бы еще хуже!

– Да, возможно, если об этом думать. Но, если бы вы это увидели, вас бы это не очень озадачило.

– Дорогой Отец, – сказал я, – отчего я не сплю? Я думал, что я засну так же, как Малютки, как только лягу!

– Ваш час еще не пришел. Вам нужно поесть перед тем, как вы уснете.

– Ах, я не должен был ложиться без вашего разрешения, так как я не могу заснуть без вашей помощи! Я сейчас же встану!

Но тут я обнаружил, что вешу несколько больше, чем мог бы поднять.

– В этом нет нужды: мы принесем вам все прямо сюда, – ответил он, – вам ведь не холодно сейчас, не так ли?

– Не слишком холодно, если лежать спокойно, но, пожалуйста, холодновато для того, чтобы принимать пищу!

Он подошел ко мне, наклонился над моей кроватью и по-

дул мне на сердце. Я тут же согрелся.

Как только он оставил меня, я услышал голос. Это был голос Евы. Она тихо пела, ее песня была прекрасна и приятна, и я подумал, что Ева сидит где-то рядом с моей кроватью, в темноте, но до того, как она прекратила петь, ее песня поднялась вверх. Мне показалось, что ее поет Ангел, и льется она с такой высоты, на которую никогда не поднимался человек даже в мечтах, много, много выше, чем летают жаворонки. Я слышал каждое слово из тех, что она пела, но запомнил только эти:

Столько ошибок и баркарол,
Столько дорог, постоянных дворов,
Столько скитаний, чтоб весь мир обрел
Один-единственный кров.

И я подумал, что слышал эту песню раньше.

Затем все трое подошли к моей кровати вместе, принесли мне хлеб и вино, и я сел затем, чтобы отведать и того, и другого. Адам стоял с одной стороны от меня, а Ева и Мара – с другой.

– Как это чудесно, отец Адам, мать Ева и сестра Мара, – сказал я, – что вы приняли меня! Моя душа сгорает от стыда, и я чувствую себя виноватым!

– Мы знали, что вы придете снова! – ответила Ева.

– Откуда вы могли это знать? – спросил я.

– Потому что здесь есть я, и я родилась на свет затем, что-

бы присматривать за своими братьями и сестрами! – ответила Мара, улыбнувшись.

– Однажды ночью каждое из созданий смиряет себя и ложится спать, – ответил Адам, – ибо оно рождено быть свободным и не может дольше оставаться рабом!

– Боюсь, будет уже поздно, когда все соберутся занять свои места здесь! – сказал я.

– Здесь не бывает «поздно» или «рано», – возразил он. – Для каждого его настоящее время наступает тогда, когда он впервые ложится спать. Мужчины не слишком быстро возвращаются домой, женщины приходят быстрее. Пустыня, дикая и угрюмая, лежит между теми, кто засыпает затем, чтоб умереть, и теми, кто ложится спать, чтобы вернуться к жизни. До того, как попадешь сюда, можно еще куда-то спешить, но здесь спешить уже некуда.

– Перед нашим взором, – сказала Ева, – вы были всегда: мы знали, что Мара найдет вас, и вы придете!

– Давно ли здесь лежит мой отец? – спросил я.

– Я ведь говорил вам уже, что годы не имеют значения для этого дома, – ответил Адам, – мы не обращаем на это внимания. Ваш отец проснется тогда, когда наступит его утро. Ваша мать, рядом с которой вы лежите...

– А! Так это моя мать! – воскликнул я.

– Да. Это она, женщина с раной на руке, – подтвердил он, – она встанет и уйдет задолго до того, как настанет ваше утро.

– Мне жаль.

– Лучше радуйтесь.

– Вот будет зрелище – достойное самого Бога, когда проснется такая женщина!

– Конечно, это зрелище, достойное того, чтобы его видел Бог; Тот, Кто Сотворил ее, будет рад тому, что она проснется! Он увидит, как возрождается Его воплощение, и будет доволен! Посмотрите на нее еще раз и ложитесь спать.

Он сделал так, чтобы луч света его свечи упал на прекрасное лицо моей матери.

– Она выглядит значительно моложе! – сказал я.

– Она и стала значительно моложе, – ответил он, – Даже Лилит уже выглядит чуть моложе!

Я лег и уже начал погружаться в благословенный сон.

– Но когда вы снова увидите свою мать – закончил он, – сразу вы не узнаете ее. Она продолжит свой путь, и будет становиться моложе до тех пор, пока не достигнет всего самого прекрасного, чего может достичь женщина – трудно предвидеть, насколько прекрасна она будет тогда. И тогда она откроет глаза и увидит с одной стороны от себя своего мужа, а с другой – сына, встанет и оставит их, и отправится к тому, кто был ей большим, чем они, и Отцом, и Братом.

Я слушал его, словно грезил наяву. Я замерз, но холод не причинял мне страданий и боли. Я чувствовал, как они возложили на меня белые, одежды смерти. А потом я все забыл. Бледная ночь вокруг меня была наполнена спящими лицами, но я тоже спал, не сознавая того, что сплю.

Глава 43

И ПРИШЕЛ СОН

Я не ощущал того, что происходило вокруг меня, не чувствовал глубокого, бесконечного холода, я был по-настоящему счастлив – даже больше, думаю, чем моя душа могла бы припомнить. Я не мог думать о тепле, как об источнике хотя бы малейшего удовольствия. Я помнил, что когда-то наслаждался им, но не мог вспомнить, как у меня это получалось. Холод успокаивал все тревоги, растворял в себе любую боль, утешал все печали. Утешал? Нет, не так. Печали таяли в ночи, подкравшейся ближе затем, чтобы восстановить все хорошее, чтобы стократ его преумножить. Я спокойно лежал, полный тихого ожидания, вдыхая влажные запахи щедрой Земли, знакомой с душами примул, ромашек и подснежников, которые спят в ней, дожидаясь своей Весны.

Как передать то удовольствие, которое может доставить этот мороз, когда спишь в нем, будучи в сознании, и зная также, что вставать не надо, можно лежать, вытянувшись, в полном покое! Насколько я остыл, словами не передать, так как становился все холоднее и холоднее – и жаждал еще большего холода. Я чувствовал себя все меньше и меньше, и все более и более счастливым, даже больше, чем можно представить. Я ничем не заслужил этого и никогда не молил-

ся ни о чем подобном, – и это было моим на основании того, что я был живым, а жив я был на основании той Воли, что жила во мне.

А затем пришли сны – толпами! Я лежал обнаженным на заснеженной вершине. Белая дымка волновалась вокруг меня, словно волны на море. В воздухе висела холодная луна, а вокруг луны и меня – ледяное небо, в котором жили я – и луна. Я был Адамом, который ждал Бога, чтобы тот вдохнул в мои ноздри дыхание жизни. Я не был Адамом, я чувствовал себя ребенком на груди у матери всего чистого и изначально-ного, сияющей белым светом. Я был юношей на белом коне, скачущим с облака на облако в синих небесах; я не спеша торопился к какой-то возвышенной цели. Века я спал – или это были тысячелетия? Или только одна длинная ночь? Что проку спрашивать? Время ничего не могло со мной сделать; я был в стране размышлений – дальше ли, выше, чем семь измерений, десять чувств... Я думаю, я был там, где был – в сердце Бога. Я грезил в центре растопленного ледника; призрачная луна приближалась ближе и ближе; ветер и волны слышал я. Я лежал и слушал, как ветер, вода и луна воспевали мирное ожидание приближающегося освобождения. Я сказал, что засыпал периодически, но, как я это понимаю, то были торжественные, невесомые секунды, наполненные вечностью.

Затем внезапно, но ни разу не нарушив мое тихое счастье, все ошибки, которые я когда-либо делал, из самого да-

лекого уголка моей еще земной памяти до настоящего момента, оказались со мной рядом. И в каждой из ошибок было мое собственное вполне сознательное я, признающее, отрекающееся, оплакивающее мертвое, примирившееся с каждым из тех, кого я обидел, кому причинил вред или оскорбил; каждая человеческая душа, о которой я думал плохое, стала непередаваемо дорога мне, и я смирил себя перед каждой из них, чтобы раз навсегда положить конец тем обидам, которые отдаляли нас друг от друга. Я рыдал у ног матери, наставлениями которой я пренебрегал; с горьким стыдом я признался своему отцу, что дважды солгал ему и долго старался забыть это, но так же долго об этом помнил и держал в памяти затем, чтобы в конце концов бросить эти две лжи к его ногам. Я был рабом всех тех, кого когда-то обидел. Сколько же заслуг нужно было, чтобы искупить вину перед ними! Для одного из них я построю такой дом, которого никогда еще не видела земля; для другого я вышколю таких коней, которых не видели до сих пор нигде на свете! Третьему я посажу такой сад, который нигде и никогда еще не расцветал такими чудесными цветами, и в нем будут тихие пруды, наполненные и оживленные бегущими водами! Я буду писать песни, чтобы сделать души людей более возвышенными, и буду писать сказки, чтобы они стали светлее! Я поверну силы мира в такое русло, чтобы они служили веселью и приносили людям радость открытия! Любовь наполнила меня! Любовь стала моей жизнью! Любовь была моей и того, кто

меня создал, совершенная во всем!

Внезапно я оказался в полной темноте, в которой остались только блески огоньков, которые живут в пещерах глаз, и я не мог уловить ни одного, даже призрачного, светляка. Но мое сердце, которое ничего не боялось и было исполнено бесконечной надежды, было спокойно. Я лежал, думая о том, каким будет свет, когда вернется, и что за новые создания придут вместе с ним, когда внезапно, без всякого сознательного усилия я сел и огляделся вокруг.

Луна заглядывала в низкие окна Палаты Смерти, горизонтальные, подобные окнам склепа. Ее длинные косые лучи текли над павшими, но еще не созревшими снопами жатвы Великого земледельца. Но нет, время жатвы настало! Собранные кем-то или сметенные мятущимся штормом, священные снопы пропали – здесь не было ни одного! Мертвые покинули меня! Я был один! У ужаса одиночества и забвения были такие глубины, о которых прежде я и не подозревал! Неужели прежде здесь не было ни одного вызревающего для пробуждения мертвого? Может, я всего лишь видел и их самих, и их красоту во сне? Откуда тогда эти стены? Почему пусты эти лежа? Нет же; просто они все уже встали! Они все уже за пределами вечного дня и забыли обо мне! Они оставили меня позади, одного! Стократ ужаснее могилы, которые оставлены их обитателями! Ведь их покой и даже одно лишь их присутствие успокаивало меня – наполняло мое сознание благословенным миром; теперь же у меня не было

друзей, и те, кого я любил, были далеко от меня. Мгновение я сидел, застыв от ужаса. Я был когда-то наедине с Луной, которая светила с вершины небес; а теперь я был наедине с ней посреди огромного склепа; и она тоже оглядывалась вокруг, ища своих мертвых наводящим ужас бледным взглядом! Я вскочил на ноги и, пошатываясь, двинулся прочь из этого ужасного места.

Дом был пуст, и я выбежал в окружающую его ночь.

Здесь не было Луны! Стоило мне покинуть склеп, как поднялась клубящаяся дымка и скрыла ее. Но откуда-то издалека над вересками появился свет, смешанный с тихой журчащей музыкой; словно бы этот свет стекал, журча, с Луны. Спотыкаясь, я побежал по вересковому полю и вскоре оказался на берегу чудесного озера, окаймленного камышами и тростниками: Луна в разрывах облаков смотрела на долину чудовищ, залитую чистейшими, сверкающими и очень спокойными водами. Но звуки музыки текли дальше, наполняя собой тихий воздух, и звали меня за собой.

Я продолжил свой путь по берегу маленького озерца и забрался на вершину цепи холмов. Что за вид открылся моим глазам! Весь простор, где я израненными большими ногами перебирался туда и обратно через обжигающие каналы и ложбины на пересохшем русле реки, переполнился потоками, Ручейками, лужами – «река, что широка и глубока»! Как играла Луна в этих водах! Как собственным сиянием отвечали воды лунному свету – бесчисленные белые вспышки пля-

сали над подводными камнями! И великая торжественная песня рвалась вверх из самого их сердца, песня узника, только что получившего долгожданную свободу. Я остановился на миг, глядя на все это, и мое сердце тоже возликовало: не вся моя жизнь была напрасной! Я помог этой реке вырваться на свободу! Мои мертвые не потерялись насовсем! Стоит только отправиться вслед, и я найду их! Я буду идти и идти за ними, куда бы они ни ушли! Может быть, мы встретимся только через тысячи лет, но наконец, наконец-то я буду держать их за руки. Отчего же еще так рукоплещет этот поток?

Я поспешил вниз с холма: мое странствие началось! Я не знал, куда направить свои шаги, но я должен идти, я должен идти до тех пор, пока не найду моих оживших мертвых! Поток, быстрый и широкий, бежал у подножия цепи холмов; я вошел в него, он был неглубок, и я перешел его вброд. Следующий я перепрыгнул, третий – переплыл; четвертый снова перешел вброд.

Я остановился, чтобы посмотреть на удивительной красоты вспышки и струи света, послушать множество рассеянных нот чудесной музыки бегущей воды. Повсюду то там, то здесь в воздухе зарождался трепет, чтобы превратиться в приятную гамму звуков, которая тут же присоединялась к общему реву и шуму. Временами мир бегущих вод набрасывался на меня, словно собираясь опрокинуть – не силой бегущего потока и не шумом освобожденной толпы волн, но величием тишины, которая вдруг превращается в звук.

Пока я стоял, тая от удовольствия, кто-то положил мне на плечо руку; я обернулся и увидел человека в расцвете сил, красивого настолько, словно его красота появилась из самого сердца счастливого создателя, юного, как кто-то, кто никогда не сможет состариться. Я взгляделся – это был Адам. Он стоял рядом со мной, большой и величественный, одетый в белые одежды, с лунным светом, запутавшимся в его волосах.

– Отец, – воскликнул я, – где она? Где мертвые? Неужели Великое воскресенье уже наступило и прошло? Меня одолел ужас, я не смог спать без своих мертвых; и я убежал из одинокого пристанища. Куда мне идти, чтобы я смог найти их?

– Ты ошибаешься, сын мой, – ответил он голосом, в каждом дыхании которого было утешение, – ты все еще в палате смерти, все еще лежишь на своей кровати, спишь и видишь сон, и мертвые все так же окружают тебя.

– Увы мне! Но если я только сплю и вижу сон, то как я узнаю, что это так, а не иначе? Сон лучше смотрится, когда знаешь, что, когда он кончится, то проснешься по-настоящему!

– Когда ты мертв достаточно, ненастоящий сон тебе не приснится! Душа, которая не лжет, не может ни создать что-то, чего нет на самом деле, ни позволить, чтобы в том, что она видит, появилась фальшь.

– Но, сэр, – промямлил я, – как я могу отличить ложь от правды, если и то и другое кажется таким настоящим и так

похожим друг на друга?

– Неужели ты не понимаешь? – ответил он с улыбкой, которая могла бы рассеять все горести всех его детей, – ты и не сможешь легко отличать настоящее от поддельного до тех пор, пока не станешь достаточно мертвым; и, уж конечно, когда ты достаточно мертв – то есть вполне жив, ложь никогда не окажется поблизости от тебя. В данный момент ты, поверь мне, в своей кровати в доме мертвых.

– Я изо всех сил стараюсь поверить тебе, отец. Конечно, я поверю тебе, но пока не могу ни увидеть, ни почувствовать, что это – правда.

– И ты не виноват, что не можешь. Но так как даже во сне ты мне веришь, я помогу тебе. Протяни и открой свою левую руку и аккуратно сожми пальцы; и ты дотронешься до руки твоей Лоны, которая спит там же, где спишь и ты, и видит сон о том, как ты проснешься.

Я вытянул руку: она коснулась руки Лоны, настоящей, мягкой и живой.

– Но, отец, – воскликнул я, – она же теплая!

– И твоя рука такая же теплая, как и ее! Холод – это вещь, с которой незнакомы жители нашей страны. Ни ты, ни она еще не в лугах своего Дома, но каждый из вас теплый, живой и здоровый.

И тогда мое сердце возрадовалось. Но тут же его пронзила тень сомнения.

– Отец, – сказал я, – прости меня, но как я могу быть уве-

рен, что это нечто большее, чем просто часть чудесного сна, в котором я прогуливаюсь, разговаривая сам с собой?

– Ты сомневаешься оттого, что любишь по-настоящему. Некоторые с готовностью верят в то, что жизнь – это иллюзия, если только она может всегда предлагать им мир приятных сновидений, твое же представление об этом иное! Будь доволен на время тем, что не знаешь этого наверняка. Придет час, и тебе его еще долго ждать, когда, став настоящим, ты увидишь настоящую же правду, и сомнения умрут навсегда. И тогда редко у тебя будет появляться возможность изучать возможности иллюзий. И ты будешь точно знать, что не могло тебе сейчас присниться. Ты все еще не можешь распознать Истины, лежащие на поверхности, в лучшем случае ты видишь их словно через облачную дымку. Это то, что ты никогда не видел, кроме как через темное стекло – и это то, что, конечно же, нельзя увидеть, если оно не сверкнет своим собственным прекрасным сиянием в твои глаза, которые должны быть чисты и открыты – и, пока это не случится, у тебя нет другого выхода: придется сомневаться и изощряться в сомнениях до тех пор, пока не встретишься лицом к лицу с тем, в чем дольше ты сомневаться не сможешь, просто не останется такой возможности. Но для того, кто когда-либо видел хотя бы тень истины, и от нее осталась только надежда на то, что когда-то ему суждено увидеть ее вновь, но он попробует послушаться ее, – тот увидит настоящее, и сама Истина явится ему, и не уклонится от него в сторону, но

останется с ним навеки!

– Мне кажется, я вижу, – сказал я. – Я думаю, я понимаю.

– Тогда запомни это и возвращайся. Испытания все еще ждут тебя, тяжелые испытания, такие, которых не было прежде. Запомни то, что ты видел. Конечно, ты еще ничего не знаешь о такого рода вещах, но то, чем они кажутся, или чем должны казаться, тебе понятно. Запоминай также и то, что тебе еще предстоит увидеть. Истина есть во всем, но лежит она иногда глубоко и проявляется в том, чем вещи кажутся.

– Как же это может быть, отец? – сказал я и широко раскрыл глаза, задав этот вопрос; ибо я слушал, понурив голову, не обращая внимания ни на что, кроме того, что говорил Адам.

Он ушел, и в моих ушах не было ничего, кроме звенящей тишины бегущих вод. Я вытянул руки, чтобы найти его, но ничто не коснулось моих рук. Я был один; один в стране снов! Самому себе я казался вполне проснувшимся, но я верил, что я сплю, потому что Адам мне это сказал.

Только во сне спящий должен что-то делать! Он не может сидеть и не шевелиться до тех пор, пока сон не устанет от него и уйдет. Я решил продолжить свои странствия и отправился дальше.

Я пересек множество каналов и подошел к широкой скале; там мне приснилось, что я устал, я прилег, и стал ждать, когда проснусь.

Я был уже готов подняться и продолжить свое путешествие, когда обнаружил, что лежу рядом с пещерой в скале, отверстие которой напоминало разверстую пасть могилы. Она была глубокой и темной, и я не мог разглядеть дна.

Тотчас же я вспомнил, что в детских снах падение всегда будило меня, и поэтому, если я хочу, чтобы сон прекратился, надо найти какую-нибудь возвышенность и броситься оттуда. Я должен проснуться. Бросив один короткий взгляд в мирные небеса и один – в бегущие воды, я перекатился через край впадины.

На миг сознание покинуло меня. Когда оно вернулось, я стоял на чердаке собственного дома, в маленькой деревянной комнатке, где был навес и зеркало.

Непередаваемое отчаяние, безнадежная пустота и тоска овладели мной, когда я понял, что между мной и моей Люной лежит непроходимая бездна! Протянулась даль, которую не свяжет воедино никакая цепь! Пространство, Время, даже сам Способ Существования были твердынями, неподатливыми, непроходимыми, запершими меня здесь, в этом водвороте. Правда, может быть, все еще в моих силах вернуться, пройти через светлую дверь, проделать путь назад, в Палату Мертвых, и, если это так, значит, меня отделяет от дома мертвых только вересковая пустошь и отгораживает звездная ночь между мной и утренним солнцем, которое одно лишь могло открыть мне путь через дверь-зеркало и находилось сейчас так далеко от меня, где-то на другом конце

света! Но куда более широкое море отделяло меня от Лоны – она спала, а я – проснулся! Я больше недостоин быть рядом с ней, которая спит, и не могу больше надеяться на то, что когда-то очнусь от этого сна вместе с нею! И есть вещь, в которой я виновен еще больше – я бежал от своего сна! Ведь этот сон придумал и сотворил не я; этот сон значил больше всей моей жизни, и я должен был досмотреть его до конца! А сбежав из этого сна, я оставил и сам священный покой, который был мне дарован! Я вернусь к Адаму, расскажу ему правду и подчинюсь его решению!

Я добрался до своего кабинета, бросился на кровать и провел в ней бессонную ночь.

Я встал и, исполненный равнодушия, обыскал библиотеку. Я никого не встретил по пути; дом казался мертвым; я сел почитать, чтобы дождаться полудня – ни одной мысли я не мог разобрать в этой книге! Изувеченная рукопись словно дразнилась со своего места над замаскированной дверью; и от вида ее я был просто болен – что мне эта фея вместе с ее колдовством!

Я поднялся и выглянул в окно. Там разгоралось сияющее утро. С веселым шумом фонтан вздымал вверх свои струи и с грохотом ронял их обратно. Солнце лучилось с вершины небес. Ни одна птица не пела, вокруг не было ни единой живой души. Ни ворон, ни библиотекарь не проходили мимо меня. Мир вокруг был мертв. Я взял другую книгу, снова сел и снова ждал.

Полдень был уже близок. Я поднялся вверх по лестнице на чердак, где было тихо и покойно. Я закрыл за собой дверь в деревянную каморку и повернулся затем, чтобы открыть дверь, которая вела прочь из-этого угрюмого мира.

Я покинул комнатку с окаменевшим сердцем. Все мои попытки оказались бесплодными. Я тянул за цепочки, регулировал положение навеса, настраивал зеркала так и сяк, но безрезультатно. Я ждал и ждал времени, когда стало бы возможным увидеть что-то в зеркалах, но оно все не наступало; зеркало оставалось пустым, ничто не отражалось в его древних сумерках. Зато в зеркале напротив я постоянно видел свое осунувшееся лицо.

Я вернулся в библиотеку. Ее книги были ненавистны мне так же, как прежде я любил их.

Эту ночь я провел без сна, от заката до восхода солнца; а утром возобновил свои попытки справиться с таинственной дверью. Но все было, как и прежде, напрасно. Я не замечал, как течет время. Никто не подходил ко мне; из глубины дома до меня не доносилось ни звука. Ни разу я не почувствовал себя уставшим – только одиноким, тоскливо одиноким.

Прошла вторая бессонная ночь. Утром я в последний раз отправился в комнатку под кровлей и в последний раз попробовал найти способ открыть дверь – его не нашлось. Моя душа умерла во мне – я потерял свою Лону!

Где она была? Была ли она хоть где-то? Была ли она ко-

гда-то где-то, кроме закоулков моего воспаленного мозга?

– Однажды я умру, – подумал я, – и тогда, прямо со своего смертного одра, я отправлюсь ее искать! И если не найду, я пойду к Отцу и скажу так: «Если ты не можешь помочь мне, я молю тебя, пусть меня не станет!»»

Глава 44

ПРОБУЖДЕНИЕ

На четвертую ночь мне показалось, что я заснул, и этой ночью я проснулся по-настоящему. Открыл глаза и, несмотря на царящую вокруг темноту, понял, что нахожусь в Палате Мертвых и что все, случившееся со мной с тех пор, как заснул здесь, было сном, а сейчас я впервые проснулся. «Наконец-то!» – сказал я в душе, и мое сердце запрыгало от счастья. Я повернулся и увидел – Лона стояла рядом с моей кроватью, дожидаясь меня! Я никогда не терял ее! Она лишь ненадолго исчезла из моего поля зрения! Верно, не стоило мне так горестно ее оплакивать!

Как я уже сказал, было темно, но я видел ее: она не была частью этой темноты! Ее глаза светились тем же светом, что и глаза Матери всех живущих, и такой же свет исходил от ее лица, и не только от лица, но и от одежды, наполненной светом ее тела, теперь десятикратно усиленным силой воскресения; она сияла белоснежно-белым светом и сверкала. Она ложилась спать девочкой, а проснулась женщиной, вполне созревшей для настоящей жизни. Я протянул к ней руки и понял, что я в самом деле живой.

– Я проснулась первой! – сказала она с удивленной улыбкой.

– Да, моя любовь, и разбудила меня!

– Я только смотрела на тебя и ждала, – ответила она.

Свет свечи упал на нас из темноты, и через несколько минут Адам и Ева, и Мара оказались рядом с нами. Они приветствовали нас негромким пожеланием доброго утра и улыбками: они привыкли к таким пробуждениям!

– Я надеюсь, ваши сны были приятными! – сказала Ева.

– Не очень, – ответил я, – но очнуться от них было блаженством!

– Это только начало, – ответила она, – вы ведь только что проснулись!

– Он наконец-то облекся в Смерть, которая суть сияющие одеяния самой Жизни, – сказал Адам.

Он обнял Лону и меня, мгновение-другое испытующе посмотрел на принцессу и похлопал по голове леопардиху.

– Я думаю, мы не скоро теперь встретимся с вами, – сказал он, взглянув сначала на Лону, затем на меня.

– Нам снова придется умереть? – спросил я.

– Нет, – ответил он, улыбаясь той же улыбкой, что сияла и на лице Матери всех живущих, – вы умерли для того, чтобы вернуться к жизни, и больше умирать вам не придется; вы можете только остаться мертвыми. Умершего однажды так, как мы умираем здесь, покидает все мертвое. Теперь вы будете только жить, все, что вы должны сделать, вы сделаете во всю силу и достойно. Чем больше вы будете жить, тем полнее будет ваша жизнь.

– Но не устану ли я когда-нибудь жить изо всех сил? – спросил я. – Что, если мне когда-нибудь не хватит сил жить полной жизнью?

– Для этого нужно только желание, а силы у вас будут! – сказала Ева. – В настоящей жизни нет ничего такого, от чего можно устать. Сама жизнь хранит и образует нас. Те, кто не умирает, умирают многократно, и мертвы все время, и становятся все мертвее и мертвее, и никогда не прекращают умирать, а здесь все стремится вверх, все – любит, и все – счастливы.

Она остановилась и улыбнулась так, словно говорила: «Я мать, а ты мой сын; мы понимаем друг друга и нам нет нужды прощаться».

Мара поцеловала меня в лоб и радостно сказала:

– Я говорю тебе, брат мой, все будет хорошо! Когда тебя спросит об этом кто-то еще, скажи: «То, что будет когда-нибудь хорошо, уже сейчас хорошо!»

Она коротко посмотрела на меня, и я подумал, что это значит: «Но он мне, наверное, не поверит!»

– Теперь ты знаешь обо мне все! – закончила она, Улыбнувшись улыбкой своей матери.

– Я понимаю тебя, – ответил я, – ты глас вопиющего пустыне, который кричал до тех пор, пока не явился Креститель. Ты пастух, чьи волки приводили домой удивительных овец до того, как наступит холод и стемнеет!

– В один прекрасный день мои труды подойдут к концу, –

сказала она, – и тогда я возрадуюсь радостью великого пастуха, который послал меня.

– Всю ночь напролет утро было рядом, – сказал Адам.

– Я слышу шум крыльев. Что это? – спросил я.

– Это парит Тень, – ответил Адам, – здесь есть кое-кто, кого он считал своей собственностью! Но она пришла к нам и никогда больше не вернется к нему.

Я обернулся затем, чтобы посмотреть на лица моей матери и моего отца и поцеловать их до того, как мы уйдем: но их кровати были пусты, если не считать Малюток, которые с бесстрашием любви воспользовались их гостеприимством! На мгновение опустошающий душу ужас посетил меня, и я отвернулся в сторону.

– Что с тобой, сердце мое? – спросила Лона.

– Места, где они лежали; они пусты – и это пугает меня, – ответил я.

– Они давным-давно встали и ушли, – сказал Адам, – они поцеловали тебя перед тем, как уйти, и прошептали: «Приходи скорее».

– А я не слышал их и ничего не почувствовал! – прошептал я.

– Как ты мог их услышать – издали, из своего мрачного дома? Ты ведь думал, что снова оказался в том страшном месте! А теперь ступай и найди их... А твои родители, дитя мое, – добавил он, обращаясь к Лоне, – должны прийти и найти тебя сами!

Приближался час нашего ухода. Лона подошла к матери, которая когда-то убила ее, и нежно поцеловала, а затем спряталась в объятия отца.

– Этот поцелуй вернет ее на дорогу к дому, моя Лона! – сказал Адам.

– А кто были ее родители? – спросила Лона.

– Мой отец, – ответил Адам, – и ее отец тоже.

Он повернулся и вложил ее руку в мою.

Я преклонил колени и кротко поблагодарил всех троих за то, что они помогли мне умереть. Лона тоже встала на колени рядом со мной, а они, все трое, стояли над нами.

– Тише! Я слышу солнце, – сказал Адам.

Я прислушался: оно действительно вставало с тысячекратно повторенным шумом десяти тысяч трепещущих где-то вдали крыльев; с ревом расплавленного, раскаленного далекого (в миллионах и миллионах миль от нас) мира. Его приближение предвещалось нарастающим хором сотен дрожащих струн.

Все трое посмотрели друг на друга и улыбнулись, и эта улыбка поднялась к небесам тремя распускающимися цветками, вознося благодарение за это чудесное утро. Улыбкой светились их уста и их лица, а затем сияние распространилось по их телам, и те светились сквозь одежды. Но еще до того, как я успел сказать: «Смотрите, как они изменились!», Адам и Ева уже предстали передо мной ангелами Воскресения, а Мара – Магдалиной у гроба. Лицо Адама сияло, а Ева

держала в руках покрывало, которое сверкало и разбрасывало искры света окрест.

Снова пронесся стонущий порыв ветра.

– Слышишь? Это его крылья! – сказал Адам, и я понял, что говорит он не о тех крыльях, на которых прилетело утро.

– Это летит к своей гибели великая Тень, – продолжил он. – Несчастное создание, вечно он вне себя, и нет ему покоя!

– Неужели в нем до сих пор нет ничего более глубокого и настоящего? – спросил я.

– Без чего-то материального, вещественного, – ответил Адам, – и света, который находится за этой субстанцией, тени не бывает!

Он мгновение прислушивался, а затем воскликнул с радостной улыбкой:

– Слушайте песню золотого петуха! Он стоял на страже вселенной, безмолвный и недвижимый миллионы лет; и вот, наконец, он взмахнет крыльями! Он будет петь! И временами люди будут слышать его голос до самого рассвета дней вечных!

Я прислушался. Далеко, где-то в небесной тишине, я услышал чистую торжественную песнь, рвущуюся из золотого горла. Она бросала вызов мраку и смерти, наполняла душу бесконечной надеждой, дарила покой. Это было воплощенное «ожидание сотворения», наконец-то обретшее голос; это был плач хаоса, которому суждено претвориться в царство!

Затем я услышал великий шум.

– Да будет так, золотой петушок, птица Божья! Аминь! – воскликнул Адам, и слова эти отразились от стен этого дома, в котором царила тишина, и вырвались наружу, выше, в просторы небес.

И вместе с этим «Аминь!» – словно голубки, поднявшись на серебряных крыльях над черепками своих бывших гнездилищ, – на своих кроватках встали на колени Малютки, громко радуясь пробуждению.

– Пой! Пой еще, золотой петушок! – кричали они, словно только что видели его в своих снах.

Затем каждый из них обернулся и любящими глазами посмотрел на своих спящих соседей и соседей, поцеловал их, и спрыгнул с кровати. Малютки, которые лежали рядом с моим отцом и матерью, вскочили бледными и мгновение грустно смотрели на места, где только что спали, а затем медленно сползли на пол. Затем они ощупали друг друга так, словно увиделись впервые, и огляделись вокруг, чтобы убедиться в том, что они живые и не спят. И вдруг, увидев Лону, они бросились к ней, сияя от счастья, чтобы обнять ее. Затем Оди, углядев леопардиху, лежащую у ног принцессы, бросился к ней и, обняв огромную спящую голову, приласкал и поцеловал ее.

– Проснись, проснись, дорогая! – воскликнул он. – Время вставать!

Леопардиха не двигалась.

– Она спит и совсем замерзла! – сказал он Маре, оцепенев от ужаса.

– Дитя мое, она ждет, когда проснется принцесса, – сказала Мара.

Оди посмотрел на принцессу и увидел, что рядом с ней спят двое его товарищей. Он бросился к ним.

– Проснитесь! Проснитесь же! – закричал он, пытаясь растолкать их, то одного, то другого.

Но вскоре он повернулся ко мне, и в его заплаканных глазах была тревога.

– Они не просыпаются! – сказал он. – И почему они такие холодные?

– Они тоже ждут принцессу, – ответил я. Он вытянул руки и положил их ей на лицо.

– Она тоже холодная! Что же это? – воскликнул он и посмотрел вокруг удивленными и напуганными глазами. Адам подошел к нему.

– Она еще не созрела для того, чтобы проснуться, – сказал он, – она забывает, и она очень этим занята сейчас. А когда она забудет достаточно для того, чтобы начать вспоминать, тогда она быстро созреет и проснется.

– И будет помнить?

– Да, но не так уж много, если подумать.

– Но ведь золотой петушок уже спел свою песню! – продолжал спорить малыш и бросился снова к своим друзьям.

– Питер, Питер! Криспин! – кричал он. – Проснись, Пи-

тер! Проснись, Криспин! Мы все уже проснулись, все, кроме вас! О! Почему вы не просыпаетесь?

Но ни Питер, ни Криспин не просыпались, и Оди громко разрыдался.

– Оставь их в покое, малыш! Пусть спят, – сказал Адам. – Ты же не хочешь, чтобы принцесса проснулась одна и никого не нашла рядом с собой? Они вполне счастливы. И леопардиха тоже.

Оди успокоился и вытер глаза, но выглядел так, словно всю жизнь только плакал и вытирался, а теперь впервые утешился и мог уже обойтись без носового платка.

Мы отправились вслед за Евой к дому. Там она не предложила нам ни хлеба, ни вина и только ждала, сияя, нашего ухода. Так не произнеся ни слова и не прощаясь, мы отправились в путь. Кони и слоны ждали у дверей, дожидаясь нас. Мы были очень рады их видеть, забрались на них, и они понесли нас прочь.

Глава 45

ПУТЬ ДОМОЙ

Было уже не так темно; мы шли через тусклые сумерки, вдыхая эти сумерки и чувствуя в них запах весны. Мир вокруг нас чудесным образом изменился – хотя, скорее, еще более удивительные перемены произошли в нас самих. Слабого света, разлитого в небесах и в воздухе, было недостаточно, но каждый вересковый куст, каждая малая травинка были отчетливо видны. То ли они сами светились, то ли это был тот огонь, который Моисей увидел в пустыне, то ли это был тот свет, которым светились наши глаза. Ничто не отбрасывало тени; все вокруг словно обменивалось слабым светом. Все, что росло, очертаниями и цветом показывало мне свою живую душу – бесплотную мысль, которую оно могло послать наружу, ту, что составляла смысл его жизни. Мои голые ступни, казалось, любили все живое, на что им приходилось наступать. Мир и мое существо, их жизнь и моя жизнь – все было едино. Мир и вселенная наконец-то примирились и достигли гармонии. Я жил во всем; и все проникало в меня и жило во мне. Для того, чтобы что-то узнать о чем-то, нужно одновременно знать и его жизнь, и то, что я сам жив; откуда мы пришли и где наш дом, где мы – дома; и только так можно узнать, что мы собой представляем, что мы есть мы; ибо

Другой – есть Он! Я чувствовал, как просыпаются новые чувства, спавшие во мне до сих пор, одно за другим – неопределенные, так как не были еще определены словом; не похожие ни на что, непредставимые в моем прежнем существовании – мне нечем описать их! Несомненно цельные, но все еще растущие, и неизменно находящиеся, даже создающие себе место – они были настоящими; принадлежащими миру, в котором многие вещи могут войти через такое огромное количество дверей! Когда легкий ветерок трепал кусты вереска, позвякивая его фиолетовыми цветками, я чувствовал радость этих звенящих крохотных колокольчиков, я чувствовал радость ветра, которому отвечали они своим чудесным звоном¹, чувствовал радость собственных чувств и собственной души, которая радовалась всему этому одновременно. Всем этим радостям я предоставлял свою душу, словно зал, где они могли повеселиться. Я был спокойным и тихим океаном, среди которого Остров Живой Радости поднимал и гнал все новые, нескончаемые волны Счастья, которые по-прежнему оставались Счастьем, вечной Радостью, которой радовались десятки тысяч меняющихся форм Жизни, празднующие в этом океане свой великий праздник.

Теперь я понял, что жизнь и правда – одно; что жизнь все-

¹ Tin tin sonando con si dolce nota // Che 'l ben disposto spirto d'amor turge. DelParadiso, X. 142. – Прим. автора. – И нежный звон «тинь-тинь» – такой блаженный, // Что дух наш полн любви, как спелый плод... (Данте, Божественная комедия, Рай, Песнь десятая, строки 143—144; Пер. М. Лозинского). – Прим. перев.

го лишь и не более чем блаженство, а там, где она – не блаженство, она и не жизнь, но жизнь-в-смерти; мертвая жизнь. Каждое дуновение сумеречного ветра из всего, чего оно касалось, исторгало вздох благодарности. Наконец-то я был живым! У меня была жизнь, и ничто плохое не могло дотронуться до нее! Моя любимая шла за мной следом, и оба мы были на пути к дому Отца.

Так много всего мы увидели до того, как первое солнце взошло над нашей свободой: что же еще мог принести с собой вечный день?

Мы подошли к ужасной впадине, где когда-то чудовища сновали и перекатывались под землей: она была точь-в-точь такой, какой я видел ее в своем сне – чудесным озером. Я заглянул в его прозрачные глубины. Водоворот вымыл землю в одной из нор, где гнездились выродки, и в глубине был виден целый чудовищный выводок этих тварей. Неяркий зеленоватый свет, который пронизывал всю толщу кристально чистой воды, высвечивал под собой каждое из чудовищных очертаний. Свернувшиеся спиралями, завернутые в свои коконы, завязавшись узлами или, напротив, вытянувшись во всю длину, они застыли в невообразимых кучах, представляя собой зрелище омерзительного и губительного испуга, более фантастическое, чем пьяный бред возбужденного горячечной лихорадкой поэта. Тот, кто заглянул бы хоть раз в этот кружащийся водоворот, не нашел бы, с чем сравнить его. Страшные конвульсии щупалец, вздутые пузыри, яркие

круги скрученных каракатиц показались бы ему невинными и безопасными по сравнению с этим воплощением ужаса – с каждой головой, напоминающей злой цветок, словно взорвавшийся на своей омерзительной цветоножке, подчеркивающей его злобное выражение.

Ни один из них не пошевелился, пока мы проходили мимо, но они не были мертвыми. До тех пор, пока будет существовать хотя бы один мужской или женский порченный разум, это озеро будет населено этими тошнотворными тварями.

Но, прислушиваясь к глашатаям Солнца, утренний ветер тихим зовом уже протрубил приближение светила! Господин человеческих душ был уже поблизости! Перед ним клубилась и перекатывалась волна малинового и золотого сияния, оно рвалось вверх, словно только что выпущенное из руки его создателя в море небес, приостановилось ненадолго и сверху вниз посмотрело на мир. Раскаленным до белого каления штормом расплавленного огня, оно было словно тлеющим углем алтаря бесконечной жертвы Отца своим детям. Видно было, как каждый малый цветок распрямляет свой стебелек, поднимает головку и, вытянувшись, ждет чего-то... Что-то более крупное, чем Солнце, что-то большее, чем свет, приближалось, что-то несомненно не меньшее, чем то, что могло бы преодолеть такую дорогу. Что значат для самой Жизни, для самой Любви сегодня или завтра или десять тысяч лет! Оно приближалось, наступало, и головы всего жи-

вущего поднимались вверх, чтобы увидеть, как оно грядет! И каждое утро они будут так вот тянуться вверх, и каждый вечер будут склоняться и ждать, когда оно снова взойдет. Не было ли это напрасной мечтой? Когда он придет, будут ли они ждать так же?

Это было славное утро воскресения. Ночь расточилась, готовясь к нему!

Дети, подпрыгивая, шли впереди, а звери шли сзади. Порхающие бабочки, стремительные стрекозы сновали туда и сюда вокруг наших голов цветным сверкающим облаком, то роясь вокруг нас и спускаясь, как буран из радужных хлопьев, то взмывая вверх, словно оживший пар, наполненный чудесными ароматами. Это был летний день лучше себя самого, идеальный, такой, какой человек, который не умирал, никогда бы не увидел ни в одном из миров. Я шел по новой земле под новыми небесами и обнаружил, что они такие же, как прежде, только я понимал теперь, что они значат, и я мог заглянуть в их души. И души всего, что я видел, вышли, чтобы приветствовать меня и подружиться, говоря мне, что мы предназначены для одного и вышли из одного же. Я подходил к ним, и они говорили мне, с кем они всегда, и кому предназначены, они говорили, что они – молнии, которые обретают форму и очертания, когда он посылает их. Темные скалы впитывали, как губки, лучи, которые падали на них; огромный мир напитался светом и порождал живое. И два из этих радостных огоньков были я и Лона. Земля выдыхала в

небеса свой напитанный дивными ароматами пар. А мы дышали домом – все наши мысли и желания стремились туда. И благодарение было в каждом из наших помыслов.

Мы подошли к каналам, когда-то сухим и скучным, теперь же наполненные живыми водами, которые бежали, сверкали и пенились и пели от радости! Насколько хватало глаз, все шумело и ревело, и быстрая река, переполненная водой, играла камнями.

Мы не пересекали их, но шли, в славе и радости, вверх по ее правому берегу, пока не добрались до огромного водопада у подножия песчаной пустыни, где, ревя и кружась и ломая струи, река разделялась на два рукава. Здесь мы забрались повыше – и не обнаружили пустыни: через пространства, заросшие травами, между зеленых берегов текла глубокая, широкая, молчаливая и спокойная река, полная до самых краев этих берегов.

Пустыня ликовала, цвела и благоухала, как роза. Поднимались леса, весь их подлесок из цветущих кустарников кишел певчими птицами. В каждой чаще рождался ручеек и пел свою звенящую песню.

Место, где я похоронил руку, было не найти. Откуда-то издалека, и даже еще дальше, текла река и набирала полную силу. Мы шли выше и выше, то по цветущей пойме, то по лесу из чудесных деревьев. Мы шли, и трава становилась все выше и приятнее, цветы в ней – прекраснее и разнообразнее, деревья вырастали выше, а в воздухе был ветер, наполнен-

ный птичьим гомоном.

Наконец мы подошли к лесу, деревья которого были выше, значительнее и красивее, чем все, что мы до сих пор видели. Их живые колонны возносили вверх пышную толстую кровлю, сквозь листья и цветы которой едва мог просочиться солнечный луч. И по веткам этого воздушного свода вскарабкались дети, и оттуда, сверху, слышался шум детской возни в этой стране цветов, их крики, когда они обращались к своим слонам, и тех, кто отвечал им снизу. Разговор между ними Лона поняла много быстрее, чем я хотя бы успел построить несколько догадок. Малютки гонялись за белками, а те, в свою очередь, играя, подманивали их, чтобы в конце концов дать себя поймать и приласкать. Часто над ними взмывала какая-нибудь птица, ловкая, в чудесном оперении, пела песню о том, что происходит, и улетала прочь. Но ни одной обезьяны там не было.

Глава 46

ГОРОД

Мы с Лоной шли вниз и наконец услышали над головой сильный шум. Через несколько мгновений несколько Малюток, перепрыгивая с ветки на ветку, спустились вниз, принеся с собой новость о том, что, взобравшись на дерево выше остальных, они рассмотрели, как высится далеко, от края до края равнины, нечто необыкновенное, похожее на одинокую гору, и эта гора росла и росла, пока не достигла самой границы небес и не стукнулась об нее.

– Может быть, это и город, – сказали они, – но вовсе не такой, как Булика.

Я поднялся посмотреть и увидел великий город, поднимающийся к голубым облакам, туда, где я не мог уже отличить гору от неба и облака или утесы от жилищ. Облако и гора и небо, дворец и пропасть смешались в мнимой неразберихе ломаных теней и света.

Я спустился, Малютки тоже, и мы прибавили ходу. В пути они стали еще симпатичнее, вечно спеша вперед и никогда не оглядываясь. Река становилась прекраснее и прекраснее, пока я не понял, что никогда прежде я не видел настоящей воды. Ничего подобного ей в этом мире не было.

Вскоре с равнины мы увидели город посреди голубых об-

лаков. Но остальные облака собрались вокруг высоченной башни – или это была скала? Башня стояла над городом, у самой вершины горы. Серые, темно-серые и пурпурные, облака спутались в клубок, двигаясь в разные стороны, толкаясь и пузырясь, пока не завертелись волчком.

В конце концов полыхнула ослепительная вспышка, и мгновение казалось, что она ударит впереди, прямо среди Малюток. Наступила слепящая темнота, но в ней мы слышали их голоса, приглушенные восхищением.

– Ты видишь?

– Я вижу.

– Что ты видишь?

– Прекраснейшего человека.

– Я слышал, как он говорит!

– Я не слышал: что он сказал?

Ответила ему самым тонким и самым детским голоском Лува:

– Он сказал: «Вы все мои, Малютки, идите сюда!»

Я видел только молнию, но не слышал слов; Лона все видела и слышала вместе с детьми. Полыхнуло во второй раз, и мои глаза (но не уши) открылись. Великолепный трепещущий свет был полон ангельских ликов. Они высветились и исчезли.

В третьей вспышке появились люди.

– Я вижу мою мать! – воскликнул я.

– Я вижу множество матерей! – сказала Лона.

И еще раз полыхнуло облако, и появились все создания – кони и слоны, львы и собаки – о, какие звери! И какие птицы! Огромные птицы, каждое из крыл которых вобрало в себя все цвета солнечного заката или радуги! Маленькие птички, чьи оперения сверкали, как сверкали бы все запасы драгоценных камней земли, собранные вместе! Серебристые цапли, розовые фламинго, опаловые голуби, павлины, выраженные в золотое, зеленое и голубое – чудесные галдящие птицы! Ширококрылые бабочки, дрожащие и порхающие в единой вспышке небесного сияния!

– Я видела, что змеи здесь превращаются в птиц, так, как обычно гусеницы превращаются в бабочек! – заметила Лона.

– Я вижу моего белого пони, который умер, когда я был ребенком. Мне не было нужды так убиваться; мне нужно было всего-то немного подождать! – сказал я.

Грома, его хлопков или раскатов здесь не было слышно. И вот пошел благодатный дождь, наполнивший воздух ласковой прохладой. Мы вдыхали его и шли быстрее. Падающие капли расцветили все вокруг, словно пробудили все драгоценности земли; и огромная радуга взошла над городом.

Голубые облака стали гуще; дождь падал потоком; дети кричали от радости и побежали; и все, что мы могли сделать – следить за ними взглядом.

Бесшумно вращаясь, река двинулась вперед, заполняя равнину своим плавным, мягким, уступчивым потоком. И вот, кроме камней на песке, она скрыла под собой траву, в

которой цвели примулы и маргаритки, крокусы, нарциссы и анемоны, и те сверкали огромными яркими звездочками из-под поверхности прозрачных вод. Река не стала мутной от дождя, не коричневела и не желтела, нежная масса воды светилась из глубины своего изящного ложа мягким берилловым светом.

Подойдя поближе к горе, мы увидели, что река берет начало от самой ее вершины, и бежит всей своей массой по главной улице города. К воротам она спускается по лестнице их широких и высоких ступеней, сделанных из порфира и змеевика и кончающихся у самого подножия горы. Мы подошли ближе и обнаружили меньшие ступеньки по обеим берегам реки, ведущие к воротам и дальше, по поднимающейся ввысь улице. Не остановившись ни на секунду, Малютки побежали вверх по лестнице к открытым воротам.

Снаружи, на лестничной площадке, сидела привратница, женщина-ангел с хмурым выражением лица. Она косилась на свою больную руку. Дети облепили ее и буквально окутали ее своей заботой и лаской, и, пока она приходила в себя, взяли небеса приступом, застав их врасплох, и были уже в городе, по-прежнему карабкаясь по лестнице рядом с падающим потоком. Чтобы встретить и принять их, спустился Великий ангел, в сопровождении еще нескольких, сияющих ослепительным светом, но попросту весело отскочил в сторону, пропуская их, когда они побежали вверх. Весело танцуя, к ним спустилась группа женщин-ангелов, и в мгнове-

ние ока дети оказались в нежных и твердых руках небес. Сияющие ангелы увели их прочь, и больше я их не видел.

– Ах! – сказал могущественный ангел, продолжая спускаться, чтобы встретить нас, добравшихся уже почти до ворот и слышавших его слова внутри себя:

– Вот хорошо! Это солдаты, которые даже небеса возмут штурмом! Я слышал от черных летучих мышей с границы: «С ними много возни не будет!» – Он увидел слонов и коней, которые карабкались за нами. – Отведите этих животных в королевские стойла, – добавил он, – позаботьтесь о них и верните в королевский лес. Милости прошу домой! – сказал он, наклонившись к нам и улыбнувшись.

И тут же он отвернулся и направился вверх, указывая путь. Кольца его кольчуги сверкали, словно вспышки молний.

У меня нет образов и слов, чтобы описать то, что я чувствовал, когда меня вот так приняли стражи небес. Все, чего я хотел и к чему стремился, приближалось ко мне.

Мгновение мы стояли в воротах, через которые текла сияющая и шумная река. Я не знаю, откуда взялись те камни, в которые она была одета, но среди них я видел первообразы всех драгоценных камней, которые нравились мне на земле – но здесь они были много прекраснее, ибо они были здесь живыми – все, что я видел здесь, было – не только намерением, но и смыслом, не только мыслью, но и ее настоящим воплощением; ничто в этом королевстве не было мертвым,

ничто не было только вещью.

Мы поднялись и вошли в город. У верхней границы города стены не было, но громоздились огромные кучи ломаных скал, скошенные, словно граница вечного ледника, и в отверстия в этих скалах вытекала река. На вершине этих скал я смог разглядеть то, что показалось мне тремя-четырьмя ступенями лестницы, исчезающей в белоснежном облаке; а на ступенях я увидел (но лишь своим внутренним взором) словно бы величественное старое кресло: трон Древнейшего из Дней Вечных, – а из-под и между ступенями этой лестницы брала начало река живой воды.

Великий ангел не мог вести нас дальше; эти скалы нам предстояло преодолеть одним!

Мое сердце наполнилось надеждой и страстным желанием, я скорее схватил Лону за руку, и мы начали карабкаться; но вскоре мы отпустили друг друга, чтобы использовать и руки – затем, чтобы карабкаться по огромным камням. Наконец мы оказались совсем рядом с облаком, которое нависало над ступенями, словно край одежды, пересекли его край и вошли в его пышные складки. Рука, теплая и сильная, взяла меня и отвела к маленькой двери с золотым замком. Дверь открылась, рука подтолкнула меня сквозь дверь, я быстро повернулся и увидел обложку огромной книги, которая закрывалась за мной. Я был один и стоял посреди своей библиотеки.

Глава 47

КОНЕЦ БЕЗ КОНЦА

До сих пор я так и не смог найти Лону, но Мара все еще бывает у меня. Она научила меня многим вещам и все еще учит. Может ли быть, что мое последнее пробуждение все еще было во сне? Что я все еще в Палате мертвых, сплю и вижу сон, и все еще не готов проснуться? Или, может быть, я был не готов еще вполне к тому, чтобы уснуть, и оттого-то проснулся раньше времени? И если это пробуждение – только сон, то за ним несомненно наступит лучшее, настоящее пробуждение, и я больше не буду игрушкой в руках ложных грез! Такие сны должны приносить прекрасные истины в сердца тех, кто их видит!

В минуты сомнений я плачу:

– Может ли Бог создать такие прекрасные вещи, которые я вижу во сне?

– А откуда же еще приходят твои сны? – отвечает Надежда.

– Из закоулков моей темной души, из озарений моего воображения.

– Но откуда они приходят туда? – спрашивает Надежда.

– Мой мозг порождает их, и лихорадка в крови.

– Тогда ответь мне, – предлагает Надежда, – пусть твой

мозг – скрипка, которая исторгает чудесные звуки, а жар в крови – смычок, который играет на ней. Но кто сделал эту скрипку? И кто водит смычком по ее струнам? Скажи еще, кто посылает песню птицам, каждая из которых сидит на своей ветке дерева жизни, и побуждает их петь эту песню? Откуда приходит фантазия? И откуда берется ликующая жизнь? Можешь ли ты приказать во мраке своей несознательной души: «Пусть будет красота, пусть явится истина» и тут же все вокруг станет прекрасным и покажется истина?

Человек мечтает и жаждет. Бог размышляет и желает, и делает живым.

Когда человек мечтает о чем-то своем, он лишь игрушка в руках своей мечты, когда же человеку посылает мечту некто Другой, этот Другой в состоянии сделать ее явью.

Я никогда больше не искал зеркало. Рука послала меня сюда, и тем же путем мне отсюда не выбраться. «Все дни, что мне предназначены, я буду ждать, пока настанет мой час».

То и дело оглядывая свои книги, мне кажется, что их твердую массу словно колышет ветер, и вот-вот сквозь них ко мне ворвется другой мир. Иногда, когда я не дома, со мной происходят похожие вещи: небо и земля, деревья и трава словно вздрагивают на мгновение, словно собираются исчезнуть, а потом, смотрите-ка, привычно остаются на месте и выглядят как обычно! Иногда мне кажется, что я слышу рядом со мной шепот, словно кто-то, кто меня любит, пытается говорить со мной, но как только мне удастся разобрать сло-

ва, шепот стихает, и все вокруг так спокойно, что я не знаю, то ли все это происходит в моем мозгу, то ли приходит откуда-то извне. Я не ищущу всего этого, но оно приходит, и я позволяю приходить ему.

Часто странные смутные воспоминания, которые не станут ждать, пока я в них разберусь, выглядывают из туманных окон прошлого; смотрят на меня посреди белого дня, но снов я никогда больше не видел. Несмотря на это, может быть, чем я больше просыпаюсь, тем крепче сплю! Но когда я наконец проснусь для жизни, которая, словно дитя за пазухой, несет и хранит эту жизнь, я буду знать, что я проснулся, и больше не буду в этом сомневаться.

Я жду; сплю я или нет, неважно; я – жду.

Новалис² сказал: «Наша жизнь – не сон, но она когда-нибудь должна им стать, а может быть и станет».

² Новалис (Novalis) наст. имя – Фридрих фон Харденберг (1772—1801).
Немецкий поэт и философ.